

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Монастырь ваш – Россия	3

ПРОЗА

Сергей Скрипаль

Конт, Кулак и Кашель	13
----------------------------	----

Виктор Кустов

Рассказы	178
----------------	-----

Лилия Жидкова

Небесная палитра	210
------------------------	-----

Денис Дымченко

Рассказы	220
----------------	-----

ПОЭЗИЯ

Олег Игнатьев

Стихотворения	6
---------------------	---

Станислав Подольский

Избранное	168
-----------------	-----

Тамара Лангуева

Стихотворения	205
---------------------	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Роман Нутрихин

Внук императора: неизвестная жизнь в Ставрополе.....	241
---	-----

Главный редактор
Владимир Бутенко

*Литературное
Ставрополье
№ 3 (2025)*

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6
Л64

Редакционная коллегия:

В. Бродовский, О. Воропаев,
Е. Гончарова, А. Кругов, Р. Нутрихин,
Е. Полумискова, С. Скрипаль,
О. Страшкова

Литературное Ставрополье. Альманах
Л64 №3 (2025). – Воронеж: ООО «СЛАВЯНОЧКА»,
2025. – 260 с.
ISBN 978-5-6053327-3-2

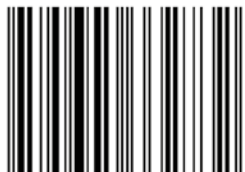
УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)6

Адрес редакции:

355033, г. Ставрополь, пр. К. Маркса, 78.
Тел. (8652) 26-31-50

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

ISBN 978-5-6053327-3-2

9 785605 332732 >

**Монастырь ваш –
Россия**

Тревожным выдалось это лето на Ставрополье, огненным. Атаковали наш край и украинские дроны, начиненные смертельным запалом, и случались святотатства на местах воинской славы, и страшные пожары испепеляли пшеничные поля, где – по преступной халатности жителей, а где, смею предположить, – по злему умыслу врага.

Четвертый год у нас, людей, преданных отчей земле, жизнь связана с СВО – битвой за достоинство и выживание России. Мировая русофобская клика, западные политиканы всех мастей, предавшие чаяния своих народов, строят милитаристские козни, поставляют вооружение наследникам Бандеры, изводятся в дьявольском

**Страница
главного
редактора**

вождедении стереть с лица Земли российский мир. Линия фронта пролегла по донбасским и новороссийским землям. Наши войска, превозмогая сопротивление врага, героически продвигаются вперед, верные традициям Суворова и Жукова.

Дальние прилеты вражеских беспилотников соединили нас, живущих в тысячах километров от линии боевого соприкосновения, с родными российскими воинами. Мы стали острее сознавать, сколь тяжело им, рискуя жизнью, «работать» на передовой. И, казалось бы, отзвуки войны должны отразиться на состоянии нашего общества, изменить его отношение к духовным ценностям, мобилизовать все усилия на достижение Победы.

И это объективно происходит, судя по широкому волонтерскому движению, по деятельности фондов в поддержку СВО. Активную помощь оказывают фронту работники культуры края, плетя маскировочные сети, отправляя всевозможную материальную помощь в действующие части. Поэзия «поколения Z», песни Ярослава Дронова и Александра Маршала, массовое движение самодеятельного патриотического творчества и многое другое свидетельствуют о настроениях подавляющего числа россиян, об их готовности отстаивать интересы страны до победного часа.

Однако есть и те, кто, живя в обособленном мире, воспринимает жизнь как цепь развлечений. По-прежнему грохочет рэп и американская музыка, веселуха в кафе и найт-клубах, отборный мат молодежи на улицах, гонки самокатчиков по тротуарам. В конце июня от удара самоката,

управляемого юнцом, погиб пенсионер в крайном центре. Это происшествие привлекло внимание председателя СК РФ Бастрыкина и руководства края. Проведенный опрос населения выявил факт, что большинство жителей региона против бесконтрольного использования самокатов. Но запрещены они были только в городе Изобильном и Солнечнодольске.

Февральский объединяющий съезд Союза писателей России приветствовал В.В. Путин, подчеркнувший особую миссию мастеров пера в отстаивании нравственных ценностей, в воспитании молодежи в духе патриотизма. Не мелкотемье должно стать предметом творчества писателя, но всестороннее исследование насущных проблем людей, отстаивание исторической правды и высокой культуры. И, разумеется, обращение к теме СВО. Губернатор нашего края В.В. Владимиров уделяет постоянное внимание поддержке воюющих земляков и социальному статусу фронтовиков, вернувшихся домой. Участники СВО, пройдя обучение, интегрируются в управленческие структуры. Почему же мы, служители муз, так робко говорим и пишем о том, что преобразует жизнь и кровно волнует современников?

Ныне, как никогда, актуальны строки А. Пушкина: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». О том же великом предназначении русского человека говорил и Н. Гоголь, наставляя одного из своих друзей: «Монастырь ваш – Россия».

Именно так. Служение народу – смысл творчества и высший долг писателя.

ДЕРЖАТЬ УДАР...

Сгорбатели ветра дворовый
тополь.
Но всё же зелены его крыла,
Как зелен в мае город
Севастополь,
Который вновь Россия обрела.

Душе обрыдли вражеские
вопли!
Хотя понятно: как ни
балагурь,
Из нечисти не выбить
и оглоблей
Безумием взлелеянную дурь.

Как пращурь, стараясь не
прохлопать,
Не проморгать предательство
бояр,
Мы все должны и в храмах,
и в окопах
Молиться Богу и держать
удар.

**Олег
ИГНАТЬЕВ**

Поэзия

Мне о счастье пели ковыли
В том краю, где всё для сердца мило.
Вот и жизнь всходила от земли,
Песенной исполненная силы.

С ней делились радостью репы,
Брали в хоровод паслён и кашка.
Сельская околица в степи,
Ты – моя крестильная рубашка!

Память о минувшем расспросив,
Сидя на завалинке у хаты,
Вижу, как бы ни был мир красив,
Здесьние красивее девчата.

Может, оттого, что ближе к ним
Вишен и акации цветенье?
Красоты секрет неизъясним,
Как неизъяснимы сновиденья.

Только жизнь моя отнюдь не сон,
Хоть и были в ней свои химеры.
В этом тоже тайный есть резон,
Чтоб смотреть на мир глазами веры.

Вот мне и подумалось о том,
Что по жилам кровь течёт не пресной.
И что Русь извечно со Христом
Распинаема, чтобы воскреснуть.

Отыграло светом половодье
И на берег выбрался ивняк,
Где сырые конские поводья
Лето намотало на кулак.

Встряхивает гривой смоляною
Мерин кособрюхий подо мной
И трусит дорогою степною,
Жалуюсь костистою спиной.

Я мечтал сидеть в седле героем,
А сажу подпаском без седла.
Да и то, дают коня порою
Выкупать в реке – и все дела.

Но и всё же, детство свищет звонко,
На хребет подсаженное – оп!
Ёкает лошажья селезёнка.
Ну-ка, рысью, рысью – и в галоп.

Чтоб метнулись резвые полыни
Удали моей наперехват
И отстали где-то на равнине
Меж плетней, завалинок и хат.

Чтоб свечой во мгле потусторонней
Виделось родное поле мне,
Да поигрывал пером вороньим
Ветер на запаханной стерне.

Мне уже туда не возвратиться
Выросшему на солончаках,
Где заря, как рыжая лисица,
Рыщет в придорожных лопухах.

Не сыскать утраченного мною,
Хоть какая выгляни луна,
Оттого и грустно мне весной,
Зябко у раскрытого окна.

Стонет ветер, лишившийся крова!
И, охваченный холодом, я
С полувзгляда пойму, с полуслова,
Что я больше тебе не судья.

Кем-то третьим приручена сила,
Расчленившая напополам
То, что нас на земле единило
И даровано было лишь нам.

Так зачем в поминание наших
Недосказанных слов и речей,
Ты давала целовывать наспех
Блики света на тёплом плече?

Так зачем, с покаянною болью
Снова душу пустив на распыл,
Я люблю тебя первой любовью,
О которой и думать забыл?

Стонет ветер! Внезапно опомнясь
От признаний твоих второпях,
Что людей обручает бездомность
Да ещё одиночества страх.

Что в душе с наступлением ночи
У тебя просыпается зов
И кликушествовать, и пророчить,
И учить вот таких дураков.

На исходе летних суток
Воздух голосист.
Я не вижу быстрых уток,
Слышу крыльев свист.

Видно, зрение подводит,
Но спасает слух.
Так спасительней в народе
Не душа, а дух.

Цари, священники, пророки,
Ткачи, жнецы и мукомолы –
Мы все, как бы в одном потоке
Одни используем глаголы,

Когда творим свои молитвы
И просим Божеской защиты
Всем воинам на поле битвы,
Теснящим вражеских наймитов.

Всем людям, Господу известным
С рождения и до кончины,
Кто силе радуется крестной
И не привык менять личины.

Кто не шагает с ветром в ногу,
Уныло опуская плечи,
И, если падает пред Богом,
То и встаёт Ему навстречу.

Кто знает: нет молений лишних,
И мысль заветную голубит:
Как мы ни любим наших ближних,
Господь их всё же больше любит.

Я кликну степь, и та приедет,
Примчится тройкой лошадей,
И все московские соседи
Повысунутся из дверей.

Их подкапотные коняги,
С турбонаддувами и без,
От зависти на брюхо лягут
И косо глянут на прогресс.

Отбросят «мерины» копыта,
А их владельцы меж собой
О детстве вспомнят позабытом
И к тройке двинутся гурьбой.

Не шутка ли – живые кони!
К ним близко можно подойти
Иль «сфоткать», стоя на балконе,
Нацелив мощный объектив.

И тут же, чудный кадр отметив,
На сайте выложить его,
Чтоб жизнь предстала в лучшем свете
И не пугала никого.

А внук мой, стоя рядом, с краю,
Увидел, радостен и тих,
Как я привычно распрягаю
Моих залётных, огневых.

КОНТ, КУЛАК И КАШЕЛЬ

Повесть

Лет через пятнадцать после возвращения из Афганистана и построения «карьеры» школьного учителя, я наконец-то вырвался отдохнуть на черноморском побережье. Разместившись на частной квартире, за которую бодрая бабулька содрала с меня приличную сумму, я пошёл, побежал на пляж, к морю. Много ли мне, бывшему солдату, нужно? Бросил на песок большое пляжное покрывало, стащил с себя шорты и майку и, оставшись в одних плавках, блаженно растянулся на пестрой ткани. Летняя жара томила, располагала к безудержной лени. В широком круге играли в пляжный волейбол загорелые

**Сергей
СКРИПАЛЬ**

Проза

парни и девушки. Неподалеку два пожилых приятеля, презирая тридцатиградусную жару, пили водку и трогательно ухаживали друг за другом, подсовывая один другому то кусочек огурчика, то разломленный пополам чебурек. Оглушительно пищали, удирая от нападающей морской волны, дети. Грузин, дочерна выжаренный солнцем, моложавый, с лысиной во всю макушку и носом, напоминающим банан, пытался заигрывать с белокожей блондинкой, видимо, первый день как приехавшей с «северов», а она сама не определилась ещё, грузин интересуется её как кавалер или просто смешит.

Мне же лень что-либо делать. Пить не хочу, есть не хочу. Читать невозможно, – слишком яркий свет сливает буквы на странице. Разговаривать-общаться ни с кем не хочется. Очень жарко. Вот муравьишка забрался на мою руку, суетливо дополз до локтя, перелез на живот, защекотал лапками кожу, соскользнул, упал на песок и опять упорно полез по кисти. Я стряхнул его обратно в песок, прижал пальцем. Муравей завяз в крупных песчинках, замер.

Черноморский ветерок. Песок слегка бьет крупинками по телу. Сплошное удовольствие. Как можно сравнивать эти два песка – крупный, курортный, морской и афганский, секущий мелкой, словно мука, пылью?

И этот муравей, и бьющие по телу песчаные крупинки...

Лежу в пыли, вжимаюсь в неё, стараюсь занять как можно меньше места в мире, втиснуться в небольшую выемку, продавленную моим телом. В меня, в наш взвод стреляют. Плотно очень, грамотно ведут огонь. Не дают встать. Уголком глаза вижу большого жука скарабея. Вспомнил и его название, и легенду, связанную с ним и великим полководцем далёкого прошлого. Вот ведь, не стал древний завоеватель пересекать путь жуку, и мне не хочется. Я – Человек, а он – жук. Тогда можно будет пересечь волшебную черту, отделяющую меня, нас всех, от победы или смерти? Но не стал я давить жука. Вдруг подумалось, а что, если какая-то высшая сила, Бог, также наблюдает за мной – букашкой в этой пустынной местности. Ну, что ему стоит, взять и прихлопнуть меня, как я собирался сделать это с жуком? Не тронул я жука, пожалел...

Может быть, поэтому и меня пожалели там, наверху? Выскочил тогда наш взвод весь целёхонький из переделки, без царапины. Выручили «вертушки», ударившие по душманам. Бог весть... Бог есть... Да и вообще... Пора окунуться...

Разомлев от морской неги, я встал, потянулся, разгоняя кровь и разминая мышцы, и чуть не рухнул обратно на песок от громкого голоса, прозвучавшего совсем рядом.

Голоса из далекого прошлого, который мы, молодые солдаты, ненавидели и обожали. Голо-

са, который заставлял нас делать все: мести плац, чистить картофель, бежать марш-бросок, подтягиваться на перекладине, стрелять по мишеням и по врагу, отжиматься и приседать до полного изнеможения. Голоса, поднимавшего нас в атаку, провожавшего в госпиталь и встречавшего по возвращении в полк, в роту, во взвод.

Голос, который при прощании с дембелями уверял, что все теперь у нас в жизни получится. Так вот, этот самый Голос, приказал:

– Пловец! Упал! Отжался!

Пловец! Так меня называли там, в Афганистане, потому, что до армии успел заработать звание кандидата в мастера спорта по плаванию.

Услышав команду, мое тело, отбросив годы «гражданки», готово было послушно упасть на пляжный песок, пружиня руками о земную твердь, поднимая и опуская погрузневшее тело. Мозг забыто привычно начал отсчет:

– И раз.., и два... – заглушая мысль, а сколько ж нужно раз, и какого, собственно...

На счет: и ииииии пять... – Афган ушел, уступив место сознанию, что я давно уже не солдат, что прошлого не вернуть, и что голос, бросивший было мое тело на песок, принадлежит одному единственному человеку на свете... Оглядываюсь по сторонам... Вот он!

– Кулааааааааааааак! Николааааич! – ору на весь пляж и кидаюсь к коренастому человеку с широко раскинутыми для объятий руками, ухмыляющемуся в свои знаменитые усы подковой.

Наш командир, старший лейтенант Кулаков! Как он узнал меня? Столько лет прошло, и из молодого, худющего солдата я давно превратился в крупного мужчину, подрастерявшего волосы на голове и нажившего немалые килограммы лишнего веса. Ухмыляется ничуть не изменившийся за эти годы Кулаков, мол, остался я тем же командиром отделения, разве самую малость повзрослел.

Да. Старший лейтенант Кулаков. Даже сегодня, после доброго десятка лет с момента этой нашей встречи, после почти тридцати лет, прошедших со дня знакомства с этим офицером, с поры, как простились с командиром у борта самолета, улетающего из Кандагара в Ташкент, я помню его.

Господи, как же мы ненавидели Кулакова в первые месяцы службы! Тогда ещё, в Союзе, он был лейтенантом, командиром нашего взвода. Бесконечные марш-броски по танкодрому под городом Черняховском, что в Калининградской области. Сбитые колени и ладони, вечно грязные брюки и шинели, растянутые мышцы ног и вывихнутые суставы. Попробуйте побегать по земляным комьям, вывороченным траками танков, попытайтесь форсировать хоть и небурную, но своенравную осенью реку Анграпу. Первые подобные кроссы с полной выкладкой изматывали нас, новобранцев, до полного истощения морального и физического. Мы были твердо уверены: еще один такой забег, и мы – трупы! Однако дни шли за днями, марш-бросок за марш-бро-

ском, с каждым разом увеличивался километраж и появлялись новые вводные.

Нам казалось, что летёху совершенно ничего не интересовало, кроме желания поиздеваться, измочалить нас. Мы думали, что он хотел растерзать не только обмундирование, но и наши души и тела. Что? Лужа на пути? Упали. Занять оборону. Окапываемся. Что? Грунт каменистый? Окопы полного профиля! Что? Река без переправы? Ищем брод.

И так изо дня в день. Форма на утро должна быть идеально чистой: выстиранной и поглаженной, подворотничок обязан слепить белизной глаза командира так же, как и белозубая улыбка довольного жизнью солдата.

Потом были стрельбы из автомата, карабина, пулемета, метание гранат, рукопашный бой. Все это перемежалось привычными, ставшими необходимыми для организма марш-бросками. Утренняя физзарядка не могла уже удовлетворить наши тела физическими нагрузками. Ну что это, в самом деле – двадцать-тридцать минут приседаний, отжиманий и размахивания руками-ногами! Кулаков вместе с нами прыгал «зайчиком» метров по тридцать кряду, не снимая снаряжения, уходил перекатами от условной стрельбы противника, а мы повторяли и повторяли за ним, прочно вбивая в мышцы и голову полученные знания.

Везде он был с нами. На марш-бросках то вел колонну, то подгонял отстающих, и вновь ока-

зывался впереди. Всегда и всюду показывал, что надо делать, а что – нельзя ни в коем случае.

Уже там, «за речкой», Кулаков добился, чтобы «самоделкины» из рембата сварганили из подручного сырья тренажеры для накачки мышц ног. В малейшее свободное время мы занимались на них. Ведь горы не дают поблажек. В горах нужно быть сильным, иначе...

Летом нас прочно прижали на подходе к кишлаку, который зачем-то был остро необходим советскому народу и командованию ограниченного контингента советских войск в Афганистане. А раз есть приказ, вынь да положи приказанное. Вот оно, на ладони селеньице, а попробуй, возьми! Да и пулеметом оттуда, из-за дувала, лупят убедительно. Нет ничего у нас крупнокалиберного, чтобы раздолбать эту преграду, достать пулеметчика. Заткнуть его можно только гранатой. Метров восемьдесят всего, а не зашвырнешь туда граненое тело снаряда. Но и лежать под солнцем за камушками неприятно, тем более что пули противника жужжат по-осиному совсем рядышком. Аааааа... была не была, бросок вперед, еще один, другой... Сзади, в спину, крик командира:

– Перекатами, перекатами давай...

Какими уж там перекатами. Все, что знал, забыл. Страх гонит, подталкивает в спину, норовит под колени ударить, уронить в пыль. Пули до странности беззвучно всплескивают в пыли. Стена дувала. Мельчайшие трещины, блеск соломенных вкраплений и мелких камешков в глинобит-

ной преграде. Граната летит. Упасть, вжаться в основание глинобитного забора и ждать взрыва.

И вместо благодарности – подзатыльник по каске крепкой ладонью, мол, неумеха!

Госпиталь. Яркая, режущая глаз белизна палаты. У кровати на табурете сидит Кулак, Николаич, как мы стали называть его после полугода службы здесь, в Афганистане, иногда переходя на «ты», но без панибратства и с глубоким уважением. Уже тогда мы его любили за справедливость, за настойчивость, за все, что он смог нам дать в Союзе и давал на войне. Он смущенно сует под подушку кулек с кишмишем и пару пачек трофейного «Кэмэла»:

– Поправляйся, Серёга, мы тебя ждем!

Потом было прощание в «Ариане», кандагарском аэропорту. Странно стиснутое комком горло, щиплющие соленой влагой глаза, радостно ухающее сердце: «Домой, домой!» и жгущий вопрос:

– Николаич, зачем все это было?

В ответ небольшая растерянность, мелькнувшая в глазах командира, хлопок ладонью по плечу:

– Давай. Пошел. Домой, сержант!

Все это в доли секунды осветило, напомнило сознание, пока я летел в раскрытые объятия офицера на черноморском пляже.

Посидели, поговорили, выпили, как водится, вспомнили былое, вот и прощаться пора. А вопрос тот, многолетней давности, так и висит между нами, как будто и не было прошедших лет. Кулаков посмотрел на меня и сказал:

– Я не знаю, Серега, зачем это было. Знаю одно – мы сделали все, что от нас требовалось! – Легко, по-молодому, он поднялся из-за столика в кафе. Мы вышли под вечернее алое небо.

Попрощались, обнялись, и я, вдруг опомнившись, крикнул в удаляющуюся спину:

– Спасибо, Кулак!

Он молча кивнул в ответ.

Интересно, многие ли люди помнят о своём первом вздохе, первом крике-плаче, первом умиротворении после освобождения из материнской утробы? А может быть, каждый человек об этом помнит или помнил когда-то, но потом забыл или не захотел больше вспоминать. Во всяком случае, ни о чём подобном мне не приходилось слышать, да и, честно говоря, не спрашивал я ни у кого про это, вроде как интимная часть жизни, чего лезть-то. Однако сам я помню всё детально. Или это мне только кажется? И всё же иногда я слышу свой первый крик, жалкий, жалобный и вместе с тем возмущённый. Чего-то стало не хватать мне в ту минуту, то ли мамино внутреннего тепла, то ли первый вдох оказался не таким уж сладким, скорее, обжигающим, то ли просто в ожидании жизни я истомился. Тепло мамино молоко, мягкость её рук успокоили меня, утихомирили. Так началась моя жизнь. Всё же я помню это!

Сколько раз потом хотелось оказаться в том первом мгновении...

Командир роты старший лейтенант Кулаков оглядывал строй солдат быстрым острым взглядом. Каждый знал и ждал, что командирский взгляд остановится на нём. От этого холодило низ живота, немного ломило в затылке. Каждый понимал, если не сегодня, то в следующий раз обязательно лёгкий кивок командирского подбородка выдернет из строя, и жизнь пойдёт уже несколько по иным законам, более серьёзным, нежели в расположении части или даже на выходе в рейд, но в составе своей же роты, батальона или целого полка. Страх ли, нежелание ли что-то менять в некоем устойчивом мире, либо простая усталость сковывали солдат. Насколько было бы проще, если бы Кулаков выкрикнул, как в старых добрых патриотических фильмах: «Добровольцы, шаг вперёд!». Уверен, строй дрогнул бы, и вперёд шагнули все. Но штука-то в том, что все для дела не нужны. Только пятерых выбирал старлей для отправки на недельное дежурство на высокогорную точку, на блокпост. Было там достаточно неуютно, собственно, из-за отрезанности от полка, безлюдья. Хотя, что ни говори, а приятная сторона тоже имелась – там замполита не будет, майора Дубова. Если бой начнётся, то гарантировано минут через двадцать – двадцать пять вертушками подбросят подмогу, да и огоньком летуны поддержат. Бывало так уже. Правда, тьфу-тьфу-тьфу, не с нами. Гарантии – дело хорошее, но все ведь под Богом ходим, так что всякое бывало и случалось. Вон, одна из смен чуть более

восемью месяцев тому полностью погибла. Не успела вовремя подтянуться помощь.

Подбородок Кулакова качнулся вверх-вниз на уровне моей груди, и сердце скакнуло в ней, впрочем, не от испуга. Ожидание неизвестного закончилось, и не надо было больше ничего ждать, всё решено. А воспоминание о первом в жизни крике вспыхнуло слабенько где-то в закоулках памяти и тут же тихонько погасло, но не совсем, а так, чуть-чуть, как искры в костре затягивает тонкой плёнкой настороженного пепла – дунь слегка ветерок-сквознячок, и нет уже пепла, снова искорки глазами в темень зыркают.

Пост находился в стратегически и тактически выверенном месте. Основная его задача – оседлать перевал и не дать возможности силам противника безнаказанно просочиться с гор. Командование ограниченного контингента сразу же после ввода войск в Афганистан поставило множество жирных точек на карте этой страны. В точках незамедлительно стали появляться одинаковые блокпосты. Одинаковые не только в смысле боевых задач, но и по скудной архитектуре, тоскливых настроениях солдат, стычек с духами и прочих прелестей сидения на точках. Мы слышали, что есть такие блокпосты, где и по полгода, а то и больше приходилось находиться караулам. У нас хоть вот так, на недельку, ну, бывало, задерживали на месяц, но не более. И, конечно, никому не хотелось «сидения». Ещё и потому, что,

кроме отрыва от своих и опасности быть уничтоженными, это сплошная тоска. Мне пришлось сначала просто повидать, к чему приводит долгое «сидение» на блокпосте. Однажды в рейде вышли на большой высокогорный блок, из которого нас тут же обстреляли свои. Перестрелку прекратили, недоразумение сняли. Ночевали тогда там после длинного перехода. Кошмар, честное слово, кошмар! Бойцы торчали там чуть ли не с начала февраля, больше полугода. Завшивевшие, чумазные, оборванные, в лохмотьях, голодные, с небритыми рожами. Мы поделились с ними своими продуктами, и как-то даже не по себе стало, когда они жадно накинулись на тушёнку, сгущёнку и банки с гречневой кашей. Их командир, тихий лейтенант, с бегаящим затравленным взглядом. Он признался Кулакову, что уже сам не понимает, офицер он или простой солдат, поскольку дисциплина на нуле, бойцы бузят каждый день, требуют смены, а из полка только обещания по радио. Ну не стрелять же, в самом деле, по солдатам за неподчинение?! Делал погоду на посту сержант Пашка Черных, да и, собственно, не столько погоду, сколько командовал, что и как делать. Получалось у него, по всей видимости, очень неплохо, пост пять месяцев существовал, все были живы и почти здоровы. Сержант перехватил инициативу у молодого лейтенанта ещё и потому, что имел медаль «За отвагу», это давало ему право, по его же разумению, ставить своё боевое умение гораздо выше, нежели подзабытые не до конца училищные навыки необстрелянного

офицера. Это по команде Пашки, когда мы появились в прямой видимости от блока, по нам свои же открыли огонь из пулемёта. Никого не заделали, но с десятков минут мы испытывали не самые приятные переживания в жизни. И ведь понимали, что по нам бьют свои, и огонь не откроешь ответный. Узбек быстро настроил свою рацию-«балалайку», и Кулаков, ругаясь в эфире, вышел на полк, а уж те в свою очередь связались ещё с кем-то, откуда были присланы солдаты на блок, и только тогда недоразумение разрешилось. И всё равно, когда мы поднялись к блокпосту, нас встретили неприветливые, хмурые, настороженные взгляды солдат.

Ночь мне показалась очень длинной. То и дело просыпался от криков, одиночных выстрелов, ругани. Да, тяжковато тут пацанам приходится! Перегрызлись, передрались между собой. Только непререкаемый авторитет Чёрного сдерживал здешних обитателей от прямой резни. Как они тут существуют? Непонятно.

Утром Кулаков прервал неприятную сцену. Лейтенант стоял напротив сержанта, бессильно сжимал кулаки и пытался в чём-то убедить Черныха. Тот же стоял в небрежной позе, курил и сплёвывал под ноги офицера. О чём они говорили, я не слышал. Но и так было понятно, что лейтёху тут ни во что не ставили. Привычные, судя по всему, к подобному, бойцы почти не обращали внимания на происходящее, сбились у большого котла с кашей, сваренной из нашей тушёнки и пшёнки.

Кулаков подошёл к беседующим, корректно постоял в сторонке, склонив голову к левому плечу, прислушивался. Затем приблизился и что-то сказал сержанту. Черных, не поворачиваясь к нашему командиру, зло скосил глаза и сплюнул в его сторону. Кулаков упрямо повторил неслышное мне. Сержант повернулся всей грудью и злобно проорал что-то, только обрывки его слов донеслись: «Твою мать... пошёл...», ну и что-то в таком же духе. Ротный встал уже вплотную к Пашке, надвинулся на него грудью и зашипел ему в лицо, не хотел, чтобы мы слышали. Черных отступил на шаг, протянул к Кулакову руки, но тут же охнул от сильного удара в грудь и стал оседать в пыль. Кулаков придержал его, мягко опустил к земле.

Парни с блока кинулись было на помощь сержанту, но поздно, все наши стояли уже полукругом с поднятыми автоматами, только лязгнули затворы. Лейтенант заорал своим: «Куда? Назад!» Они и отошли, а куда тут поспрешь...

Сержант, поглаживая рукой ушибленную грудь, покачиваясь, встал, краснел гневным лицом, но «уши поприжал». Когда Кулаков опять стал вплотную к зарвавшемуся Черныху, говорил медленно, властно, тот нехотя кивал, глядя каменевшим взглядом на чужого офицера.

Уже перед самым выходом Кулаков вдруг остановился и выкрикнул:

– Сержант, ко мне!

Тот исполнительно выскочил из-за стены и вытянулся по-уставному, приставил к пилотке

(откуда он её взял здесь, где все сплошь и рядом носили панамы, самые удачные головные уборы для здешних мест?!) ладонь.

– В общем, товарищ сержант, считаю, что мы обо всё договорились?

Черных кивнул, улавливая растерянным взглядом тщательно скрываемые ухмылки бойцов, ещё только вчера находившихся под его гнётом.

– На обратном пути проверю, – пообещал старлей, по-отечески хлопнул по затылку Пашку и дал нам команду уходить.

Так вот же, о блокпосте.

Вся проблема была в том, что добраться к месту можно было только пешком. То есть, на сам перевал вертушки доставляли очередную смену, выгружали боепитание, продукты, дрова и другие грузы, а уже на саму точку приходилось всё это перетаскивать вручную. Склон был почти отвесным, и карабкаться по нему около семисот метров – удовольствие ниже среднего.

Вообще-то, мы крайне редко попадали на эту точку, без неё дел хватало. Но раз в полгода, жалея «дембелей» и «молодых», комбат отправлял на боевой пост группы, подобные нашей, где служили бойцы, уже понюхавшие пороху. Чего нас жалеть? Всего-навсего «годки», за плечами кое-что есть, да и впереди дорога длинная, конечно, если доживёшь до заветного дня.

Кулаков предупредил, есть трудности сегодняшнего заступления в том, что придётся делать несколько ходок туда-сюда с выгруженным с борта имуществом. Поизносился пост со снабжением, продукты и боеприпасы поистощились. Нужно пополнить.

Мы завидовали тем, кого меняли. Их задача – зорко наблюдать за нашим первым подъёмом, чтобы ни одна душманская сволочь не смогла вцепиться нам в спины горячую очередь из «калаша» или мощнейший заряд из «бура». Потом сменяемые подождут, пока новая четвёрка спустится вниз за следующей партией груза, затем сядут в вертолёт и вернуться в полк. А тут уже трое трудолюбивыми муравьями потянутся снова вверх, поскольку четвёртый останется прикрывать подъём. И так предстояло сделать несколько раз.

Ротный обошёл наш коротенький строй. Всего-то пятеро бойцов. Подёргал лямки ранцев, лифчиков, сдёрнул с меня панаму, ладонью ударил по тулье, придав уставную форму головному убору (прямо «банан», коий обязаны были носить только молодые), напялил панаму обратно мне на голову, проворчав что-то в усы про оборзевших «годков» и про то, что, мол, наберут детей в армию, а тут страдай отцам-командирам. Это он уже не в мой адрес бурчал, это доставалось Мальцу, Лёхе Мальцеву. Кулаков срезал своим ножом кусок парашютной стропы, один конец которой был привязан к брючному ремню Лёхи. На другом конце стропы пристёгнут карабинчи-

ком небольшой перочинный нож. Малец суетливо затолкал стропу в карман.

Не знаю, откуда пришла мода таскать с собой безделушку-ножичек, в общем-то и на фиг не нужный, бесполезный, однако каждый стремился носить на куске стропы именно таким образом. Умельцы свивали стропы в виде косичек или нарезали из парашютных пружинки кольца, вязали их в цепь, и ножички покоились в правом кармане.

Справедливости ради надо сказать, что нож у Мальца был замечательный, трофейный, из диковинной серой блестящей стали. Лезвие хоть и короткое, но очень острое. Крючок для консервов тоже справлялся со своей задачей будь здоров, в отличие от наших консервных ножей. Правда, открывашкой для бутылок не приходилось пользоваться. Лёха всё мечтал на гражданке пооткрывать всё пиво, что на глаза попадётся, ну и, разумеется, выпить его. Хотя нет, вспомнил, пару раз открывали бутылочки с кока-колой. Ничего особенного, просто открыли и всё, но Лёшка с видом знатока подносил бутылку к уху, щёлкал крышкой и, закатывая глаза, прищипывая, говорил: «Хрена ж тут скажешь... Золлинген... Слышали, какой звон стали?!», – протирал нож, складывал и совал опять в карман. И вправду, на лезвии ножа красовалось слово «Zollingen».

И у меня имелся нож, конечно, гораздо проще, из тех, что в любом хозмаге СССР можно было приобрести копеек за пятьдесят-семьдесят. Купил я свой нож перед вылетом в Афганистан

в приграничном кишлаке Кокайты. В глинобитном магазинчике валялись на витринных полках куски хозяйственного мыла, просроченные консервы «Килька в томате», слипшиеся куски вяленых фиников, на вешалках висели выцветшие блёклые ситцевые халаты и порыжевшие чёрные мужские костюмы. В посылочном ящике, видимо, специально выделенном для хозяйственной мелочи, среди отвёрток, шурупов, болтов и гаек я и нашёл этот единственный нож. Пришлось купить его, выбора-то не было. Выглядел он, конечно же, не так мужественно, как Лёхин «золлинггер», далеко не так выглядел. Хм... почему-то неожиданно ярко-жёлтая пластмассовая ручка, подёрнутые налётом ржавчины большое и маленькое лезвия, а также и приспособления для консервов и бутылок. Ну да не беда! В конце концов, я довёл его до ума. Очистил от ржавчины, наточил как следует, даже ручку перекрасил чёрным лаком. Только вот лак быстро облез, и нож стал жёлто-чёрным, таким леопардовым.

– Да уж, Пловец, – ухмыльнулся Кулаков, заметив раскраску ножа. – Тебе бы с таким камуфляжем в Иностранном легионе где-нибудь в Африке служить...

– Это почему? – поинтересовался я.

– Да так. Пустыни, горы там... – отмахнулся старлей.

А я подумал про себя, интересно, чем же Африка от Афганистана тогда отличается? Та же пустыня, те же горы...

На перевал прилетели позднее, чем рассчитывали, ближе к полудню. Солнце уже плавило не только нас, но, казалось, спекало в единое целое камни, пыль, нашу вертушку и солдат, спускавшихся с блока к нам навстречу. С тоской подумалось о том, что нужно нам занимать боевой пост и переть на себе большое количество груза. Как только спустились на землю, тело покрылось едким, каким-то тугим потом, противно катавшимся липким комом по спине, груди и лицу. Быстро выбросили из вертушки груз, отбежали в стороны, и машина, жарко всхрапывая, сторожко ввинтилась в небо.

Причиной задержки, как всегда, послужили лётчики, и, как всегда, не по своей вине или расхлябанности. Тот борт, что должен был забросить нас к месту, рано утром задействовали для перевозки раненых из роты, которая ушла ещё три дня назад на «войну» в горы. Оказалось, в ночь их сильно потрепали духи на подходе к зелёнке у входа в долину. Получив отпор, душманы классически слиняли по запутанным тоннелям кяризов. В результате в часть привезли троих раненых, в том числе и взводного Мукашева, немолодого старлея, неплохого мужика. Знали мы его по совместной операции этой весной в районе Мармоля. Толковый офицер, ничего не скажешь, чем-то похожий на нашего Кулака. Не внешне, конечно, а неким мощным стержнем, придающим уверенности всем, кто находился рядом с Мукашевым.

Пришлось загорать почти четыре часа. Наконец-то наш борт полсотни третий тяжело прокатился по взлётке и грузно осел неподалёку, замирая присвистывающими лопастями. К МИ-8 подскочила «таблетка», санитары сунулись к проёму двери. Оттуда уже подавали носилки с ранеными. Осторожно перегружали в потрёпанную санитарку.

Мы подошли к машине, когда из вертолёта выносили Мукашева. Судя по широкой перевязи, порывшей от крови, и по его лицу, бледно-серому, близкому по цвету к пыльной почве, да по губам, пузырящимся кровавыми шариками, было понятно, что взводный получил пулю в лёгкое. Когда втискивали в таблетку носилки со старшим лейтенантом, зацепились рукоятью за дверь. Мукашев расслабленно вздрогнул, мазнул по нам больными глазами, даже, показалось, узнал нас, сомкнул веки и тут же закашлялся, выплёскивая изо рта кровь.

– Мляааа... – тоскливо обронил Лиса, Генка Лисяк, мой друг и товарищ. – Хреново дело...

Лиса – снайпер. Умный, интеллигентный парень, всегда спокойный, уравновешенный, теперь хмурился и вздыхал, теребя в руках поля панамы.

– Ладно, Лиса, заткнись! – ткнул узкой ладонью в плечо Шохрат Рахимов, по-нашему Бабай или Узбек.

На Бабая Шохрат иногда обижался, если дело было в спокойной, тыловой обстановке. Вот в бою его можно было хоть чуркой, хоть ишаком, хоть

собакой назвать, он сразу понимал, что к нему обращаются, и действовал быстро, сообразно обстановке.

– А Мукашева жаль, – вздохнул Шохрат. – Да продлит Аллах его дни, – вполне серьёзно прибавил и зашептал что-то из Корана.

Нельзя сказать, что Шохрат был набожным человеком, но кое-какие религиозные обряды совершал. Не в части, конечно, где-нибудь на выходе, если выпадало спокойное время, где и замполита нельзя было встретить даже в страшном сне.

Узбек до службы успел проучиться почти три года в консерватории, пока его не отчислили за бесконечные пропуски занятий и, что самое главное, за чрезмерное увлечение образцами западной музыки. Мало того, на отчётном концерте, или как там это у них называется, в общем, что-то вроде экзамена, вместо заявленного Рахманинова, исполнил в классическом стиле поппури битловских песен. Аплодировали ему долго, но на «бис» вызвали только один раз, да и то на следующий день. В деканат.

Шохрат лихо играл на любом инструменте, на клавишном или духовом, на смычковом или струнном. И ещё одно отличало его от нас. Шохрат был женат. С преимуществом поглядывая на нас, он ждал, что вот-вот станет отцом, и тогда уйдёт на досрочную демобилизацию. Будет ждать нас дома в Ташкенте, где угостит восточными изысками. Обещан плов рассыпчатый, чебуреки, баурсаки, фичи, шашлыки и прочие

кулинарные безумия. Когда Шохрат начинал заливать про будущее угощение, обычно ему вежливо советовали заткнуться и заниматься воинским ремеслом. Шохрат не обижался, широко улыбался, разбирал и собирал свой РПК, смазывал, очищал от пыли. Пулемёт был в его умелых руках.

Забегая вперёд, скажу, что посидели мы за дастарханом в доме Шохрата. Не все, правда. Те, кто возвращался живым домой. Застолье действительно оказалось богатым, с фруктами, овощами, жирным пловом, ещё чем-то. И с водкой. Только не весёлым оказалось угощение. Поминали мы Узбека. Домой на дембель мы с Лисой добирались через Ташкент. Как же не заехать на кладбище, не поклониться могиле друга? Так что сидели за столом, молча пили водку, чем-то закусывали, я курил по привычке в кулак, Гена жевал очередную спичку. Глаз не могли поднять на жену Шохрата Малику, на его сынишку, сидевшего на руках бабушки – матери Узбека, пугливо смотрящего на нас чёрными, неожиданно круглыми глазёнками. Сидели, поминали, стискивали зубы, тёрли глаза, чтобы не разреветься от бессилия совсем по-детски, с обидой и навзрыд.

Вообще, Кулаков, едва мы оказались в Афганистане, неведомо как сумел укомплектовать наш взвод отличными спецами. Когда стал ротным, то и остальные взводы пополнились классными ребятами, выдернутыми сильными руками старлея из других рот и батальонов. Если уж снайпер, то Лиса, ученик Дениса Лыжина, гро-

зы духов в зоне ответственности нашего полка. Уж как они прознали, кто именно раскалывает, словно арбузы, головы собратьев-душманов, кто его знает, но слава о Дэне гремела немалая. Из уст в уста передавали духи: «Лыжин в горах!». И, правда, кое-где, кое-когда затихали напуганные грозным именем моджахеды. И до нас доходила молва, что наше командование от отчаянной нехватки сил на некоторых направлениях распускало через прикормленных духов-лазутчиков слухи о том, что именно в том или ином месте в засаде работает Лыжин. Помогало почти всегда.

Я был знаком с Денисом, собственно, как и Негорюй, тоже пересекались то в части, то на боевых. Дэн – приятный парень из Питера, с тонкими чертами лица, высокий, грамотная речь. Посидели, покурили, обменялись адресами-телефонами на случай, если выживем да и пересечёмся где-нибудь на просторах СССР. Виделись с ним в Афгане ещё не раз, но как-то быстро, на бегу. Это уже потом встретились на гражданке, даже не в Ленинграде, а в Санкт-Петербурге.

Наш Лиса оказался прилежным учеником Дэна. Вскоре после занятий с ним он как-то враз потерял свою способность ржать по любому поводу, только вежливо улыбался, да и то не во весь рот, только уголками губ. Старался производить как можно меньше шума, научился маскироваться так, что, вот, вроде бы, зашёл в курилку или палатку Генка, а окружающие тут же забывали о

нём, не замечали. Хрен его знает, как это у него получалось. В расположении полка, на выходах в рейды, на привалах что-то черкал карандашиком в маленьком блокнотике. Я как-то случайно увидел его записи. Мура сплошная: циферки, крестики, чёточки, буковки отдельные – шифровка одним словом. Интересоваться не стал. Да и Лиса сунул свои писульки во внутренний карман выгоревшей хэбэшки.

Генка парень не жадный, простой, отзывчивый, но, что касалось его винтовки, тут всегда наотрез только нет! Всё же однажды я уговорил его дать не просто взглянуть в оптику, но и выстрелить.

Дело было на Панджшере минувшей весной. Вот-вот должна была начаться широкомаштабная войсковая операция по выкуриванию духов из этого неприступного ущелья. Со стороны Баграма и Мармоля подтягивались основные силы. Сапёры шли первыми и расчищали великое множество минных полей, за ними втягивалась пехота. Нас тогда бросили в Панджшер несколько раньше, озадачив передачей по радио данных о движении духов. Чували, ох, чували моджахеды, что очень хреново для них может закончиться нынешняя весна. Чуть припоздай мы, вполне безнаказанно ушли бы духи с плоскогорий и равнин высоко в горы, отъедаться бараниной, запивая ледяной, хрустально чистой водой из ледниковых рек и оттуда жалить насмерть оккупантов-шурави. Оно и понятно, с сытым брюхом воевать веселее и сподручнее.

Так вот, то ли попал я на лирической волне под хорошее настроение Гене, то ли просто надоел ему своим нытьём да выклянчиванием, дай стрельнуть да дай стрельнуть. Получилось, как в том старом анекдоте про разговор двух женщин, мол, этому мужику проще дать, чем не дать... Угу... В общем, позвал меня Лиса к себе. Шёпотом, как всегда «на войне», объяснил премудрости попадания в цель. А чего там попадать? Винтовка лежит прочно в построенной из камней амбразуре, обложенной внутри рукавами старой порыжевшей шинели, чтоб не дай бог не повредить прицел или же саму винтовку. Лиса постарался укрепить снайперку в расщелине так, чтобы я при всём старании не смог навредить оружию. Понимаю это, злюсь на Генку, подумаешь, мастер, ну и на себя тоже – чего привязался к человеку. И стрелять уже почти не хочется. Как глянул в оптику – мама родная! Вот, прямо на расстоянии вытянутой руки, вернее подальше, но всё равно очень близко стоит душара. Да ещё какой дух, прямо классический, хоть сейчас его в учебник про два мира – две системы. Седобородый мужик, они вообще, по-моему, с юношеского возраста начинают седесть. Крючковатый нос, коричневая, словно изюм, иссушенная солнцем кожа, серая чалма на башке, такие же широченные по щиколотку штаны и рубаха, обязательный неопределённо-тёмного цвета жилет и тапки на босу ногу. Я прям поёжился, тут сырость ранневесенняя, кое-где ещё снег лежит, мы даже днём пока не стягиваем бушлатов, только нараспашку

ходим. Тут же Гена меня слегка ладонью по спине – не отвлекайся. Вернулся я к духу. Поверх жилета крест-накрест ленты с патронами, на груди бинокль, а в руках наш родной АКМ. Вот всё это в мельчайших подробностях я увидел сквозь идеально отстроенную систему линз. На какие-то значки и чёрточки особого внимания я не обращал. А что толку? Один чёрт из шёпота Лисы ничего не понял. Да и фиг с ним. Маневр покажет. Припал плотнее к холодной резине окуляра, мысленно попрощался с духом, задержал дыхание и плавно, как мне показалось, нажал на курок. Да нет, точно плавно нажимал, на своём калаше как ни пытался смягчать, ничего не получалось, всё равно рвал его, да и на боевых особо не следишь за мягкостью, там уж, наоборот, пожёстче да порезче. Выстрелил я. Винтовка по-серьёзному врезала в плечо, блин, надо было плотнее прижать. Да ладно, проехали уже. Я лихорадочно стал выискивать свою поверженную цель, надеясь увидеть врага лежащим на земле.

– Попал? – срываясь на хрипоту, зашептал я Гене.

– Ага, – усмехнулся Лиса, – попал. Дух побегал умирать, – выплюнул изжёванную спичку, некрепко меня по затылку кулаком двинул, совсем так, как это делал Кулаков в минуты недовольства кем-то из нас. – Мазила ты, Серёга! – проворчал без всякого огорчения, засунул между зубов новую спичку.

Вот же, гад! Тут каждая спичка на учёте, а Лиса, как только бросил курить, стал жевать

спички и в полку, и на войне. Что ему ни говори, спички – дефицит. Ни фига толку. Сам же знает, сам же страдал без курева и тепла, а жуёт и жуёт, как корова какая-то. Тьфу ты... Справедливости ради надо сказать, что я напускной злостью просто скрывал своё неумение и досаду от неудачного выстрела. Да и у Лисы, когда ни спроси, всегда был запас спичек, и никому никогда он не отказывал в огоньке.

Всё же я нашёл через оптику место, где недавно стоял душман. Пригляделся и заметил одну тапочку.

– Глянь, Геша! – тихонько заржал я. – Трофей всё же есть!

Лиса мягко оттолкнул меня, прилёг к винтовке, сунул бинокль: смотри, чучело! Быстро припал к окуляру и мгновенно выстрелил. Тапочка взлетела в воздух, кувыркнулась высоко в воздухе, и второй пулей Гена отправил её за камни.

– О, за хозяином помчалась! – всё ещё веселился я.

Гена быстро огляделся, не видел ли ещё кто-нибудь его ребячества, приложил палец к губам, не болтай лишнего, поднялся из своего логова. Взял винтовку, не оглядываясь на меня, ворча под нос что-то навроде: уже дяди, а всё забавляются. Непонятно, о ком это он? Если о себе, так и ладно, действительно, солидный снайпер, и вдруг такая шалость. А если обо мне, то и тоже ладно, позабавился и хватит. Но всё равно, обидно как-то, если обо мне. Подумаешь, снайпер! Да без всякого зла я так подумал, просто чтоб оправдать свой про-

мах, что ли. Знаю ведь Генкину Большую Мечту – ходить в свободный поиск, так же, как это делал знаменитейший Зайцев в Сталинграде или как Дэн Лыжин здесь, в Афгане.

Потом я часто размышлял: на кой ляд мне надо было стрелять тогда в человека?! Ну, выбрал бы какой предмет, да хоть тот же камень, и пальнул в него. Так нет же, захотелось именно в человека. Слава богу, не попал! Если разобраться, то есть в снайперском ремесле что-то неправильное, несправедливое. Ведь снайпер и его цель находятся далеко не в равных условиях. Стрелок видит жертву издалека и находится в более-менее безопасных условиях, если, конечно, грамотный снайпер. Правда, после выстрела ему нужно быстро уходить с этого места и прятаться в новом. Так кто ж мешает настоящему мастеру подготовить для таких случаев новые лёжки?

Так вот, почему же я целью для выстрела выбрал человека? Не знаю! Азарт? Может быть. Кстати, из-за этого не люблю охоту. Как-то, после армии уже, друзья пригласили поохотиться. В состоянии азарта я пристрелил молодого кабанчика. Вкусный был. Реальной угрозы он для нас не представлял, да и мяса на нашу ораву маловато было. Вот если бы его мамашку друзья не пристрелили, тогда бы туговато нам всем пришлось. Но здесь хоть оправдание смерти свињи есть, могла и порвать нас всех скопом и по отдельности. Защищались, можно сказать, позабыв, что атаку вызвали сами на себя, вернее, я на всех, застрелив её детёныша. Опять отвлёкся.

Врага в том моджахеде я не видел. Это же не лицом к лицу, не в прямом или засадном бою. Не могу ответить, не знаю, зачем стрелять. Глупость, мальчишество какое-то было, честное слово. И помню, помню сквозь годы, что жутко, до соплей хотелось попасть в того духа, аж тщеславие чесалось, как выражался наш Кулак. Бог отвёл. Вот и ладненько. Снайпер – не моя это работа. Есть настоящие стрелки, есть у них боевые задачи, пусть и трудятся ребята. Кто, если не они? Удачи им!

Едва вертолёт коснулся грунта на перевале, как мы уже вышвыривали на землю груз, выскакивали сами, неуклюже пытались сгруппироваться и упасть более-менее удачно, не подвернуть ногу и не удариться плечом при падении. Десантирование прошло нормально. Чуть полежали, очухиваясь от вертолётного урагана, да и вперёд, за дело. Нагрузились мы – мама не горюй! Килограммов по пятьдесят на нос. Тут и цинки с патронами, и ящики с консервами, и мешки с крупой. Первым шёл Лиса, повесив свою СВД на грудь, за спиной его покачивались коробки с патронами к пулемёту, равномерно позвякивали о срез каски на затылке. За ним брёл я с ящиком гранат на правом плече и мешком с продуктами в другой руке, видел перед собой только кусочек узкой каменистой тропы да потрескавшиеся подошвы ботинок Лисы. Дальше тащились Узбек и Лёха Малец, сопели под тяжестью груза, так же рассматрива-

ли тропу и ботинки впереди идущего. Замыкал унылую цепочку Юрка Кошель, Кашель.

Кашель – дураковатый парень. Что-то с мозгами у него всё же было не так. Может быть оттого, что он один из нас плотно сидел на дури? Ничем не брезговал: ни чарсом, ни анашой, ни гашишем.

Тут ведь никакой тайны особенной нет. Каждый, небось, в Афгане пробовал курить «дрянь». Кому – пошло, кому – нет. Мне лично не понравилось. Лисе тоже. Узбек иногда покуривал, а Малец – не знаю, не видел, чтобы он курил.

Шутки у Кашля были тупые, злобные. Ещё в учебке его нещадно били, когда сделал он, для чего – непонятно, «велосипед» безобидному огромному парню хохлу-западенцу Кольке Ясевичу, Мыколе. Не знаете, что такое велосипед? Хм... жестокая штука. Спящему между пальцами ног вставляются бумажки и поджигаются. Представили себе, что чувствует человек, выдернутый из сна огнём? Размахивает ногами, пытаясь погасить жжение. Со стороны вроде, как и вправду крутит педали.

Кашель с неделю ходил с набитой мордой, и столько же времени Мыкола пролежал в санчасти.

Юрка в своей дурости был катастрофически непредсказуем. Скажем, ему ничего не стоило подкинуть в ботинок спящего товарища скорпиона или каракурта. Благо, никто не пострадал серьёзно от укусов тварюг. Как-то подсунул под одеяло Мальцу молодого, совсем маленько-

го варана. Как его не раздавил плюхнувшийся в койку Лёха! С такой же скоростью, как падал на кровать, Лёха взлетел с неё, обалдело глядя на некое гибкое тело, скользящее под тонким одеялом. А что, если этот дуралей в следующий раз змею сунет? Так размышлял Малец, вдумчиво нанося удары по лицу Кашля.

Все его проделки имели для него же плачевные результаты, на некоторое время Кашель затихал. Но именно на некоторое, совсем короткое время.

Положительной стороной его забав, как отметил Кулаков, стало то, что мы бесконечно проверяли обувь, одежду, постели и ранцы. Бдили. Хрен его знает, до чего в следующий раз этот балбес додумается.

Совсем недавно у Юрки появилась наколка между указательным и большим пальцами правой руки. Две буквы: У и Г. Мы долго пытались понять, что бы значило «УГ». Оказалось, что Кашель с таким же, как он сам, олухом из батальона обслуживания решили увековечить свою дружбу. То есть, второму накололи на том же месте тоже две буквы – Д и Р. В результате, когда эти дебилы встретятся через пару минут, через неделю или с десяток лет спустя, они пожмут друг другу руки, и буковки сложатся в слово «ДРУГ». Надо же додуматься, а? Ладно, тот, второй, ещё сможет доколоть буковку А, ДРА всё же. А наш отморозок что доколоть сможет? Только ничто не могло смутить Юрку, подумаешь, наколол и наколол.

Так из-за чего же командир вытянул в роту Кашля, если он такой придурок?

Дело в том, что Юрка был отличным сапёром. Установить ли мину, снять ли – равных в этом деле было маловато. Нюх у него на мины – как у собаки верховое чутьё. Во всяком случае, по небрежности Кашля никто в нашей роте не погиб. Юрка на спор однажды пытался извлечь мину с завязанными глазами. Дело было на выходе, на привале. Урод, конечно, кто спорит. Кулаков отозвал его подальше от снаряда и тут же пробил хук слева. Кашель сидел в пыли, размазывал кровь из ссадины на щеке, но глаза его, только что затянутые туманом, всё же торжествующе сияли. А ведь смог бы обезвредить, смог бы!

Поднялись на блок. Парни, сменяемые нами, нетерпеливо ждали нас, стреляли сигареты, спрашивали о новостях в полку.

Старший караула, сержант Игорь Негорой, здоровенный, широкоплечий ростовчанин, Татарин. Звали его так, видимо, из-за чуть раскосого разреза глаз. Хоть и был Игорь из другого батальона, встречались мы с ним довольно часто. Неспешно разговаривали, если в расположении полка находились, так же неспешно пили чай, курили. Да и понятно, хоть и два лаптя по карте, но всё же земляки.

– Тут, Серёг, дело такое, – докуривал памирину Татарин. – Не думаю, что через неделю вас

сменят. По радио слышал, вроде как операция крупная затевается...

Ага. Тут я понял, почему Кулаков, назначая меня старшим поста, вдруг, ни с того ни с сего назвал меня Пловцом, что делал крайне редко.

По началу ко мне это прозвище и прилепилось. Позже некоторым, видите ли, было лень полностью произносить «Пло-вец» и стали сокращать до обидного «Плов». Пришлось побороться, чтобы выбить из ленивых голов прозвище. Так что очень скоро всё это позабылось, и комроты самолично вlepил мне новое, короткое, звучное – «Конт». Ну, что ж, Конт, так Конт, и быстро произносится, и всё же производное от слова «контингент», куда мы все и входили, в ОКСВА, то есть в Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане.

Вот почему командир настоял, чтобы нас укомплектовали двойным боезапасом, продуктами и несколькими дополнительными батареями к рации! Знал ведь Кулаков и ничего не сказал. Обидно даже. Хотя мог бы и сам догадаться, намёк с припасами более чем прозрачный. Эх! Запасным батареям Малец, наш радист, очень обрадовался, даже не стонал, когда затаскивал сюда, на пост, тяжёлые коробки со свинцовой начинкой. Вечная проблема была со связью: то батареи сядут, то хрип сплошной в наушниках. Только не у Мальца, тот своё дело знал туго. Впрочем, я уже говорил, что у Кулакова в роте плохих спецов не было. Вон, Шохрат, не только мастер на любом инструменте играть да всякие

блюда готовить, пулемётом так управляется, что любо дорого.

– Игорь, а как тут вообще? – спросил я, махнув рукой на перевал.

– Да как, – сплюнул под ноги Татарин. – Почти каждую ночь сработка сигналок. Вот, посмотри, – выцарапал из планшета карту минных полей.

Ну откуда она у него? Мне Кулаков дал ознакомиться с такой же перед вылетом и сразу убрал. Но изменения на карте Татарина я увидел сразу.

– Это что? – ткнул пальцем в новые значки.

– Каримов установил тут и тут сигналки, – объяснил Игорь. – А то что-то привыкли духи к старому порядку. Ты, это, давай Соплю, они с моим ещё малость пусть натыкают. Не помешают. – Повернул голову в сторону своих солдат, позвал, – Эй, Карим-бобо!

На зов Татарина из укрытия блока выскочил тощий, вертлявый, словно ящерица, с тёмным, прокопченным от природы, от солнца или, скорее всего, от недельного сидения на посту, туркмен Каримов.

Сейчас с Кашлем быстро вниз... Серёга, вы мины-то привезли? – уловив мой кивок в сторону высадки, Игорь продолжил. – Вот там, с южной стороны, где прорыв вчера намечался, – чуть подумал, – поставьте не только сигналки, пару-тройку противопехотных тоже. Но так, с хитринкой, с выдумкой...

Каримов и Кашель только криво улыбнулись и исчезли за небольшим скальным гребнем, скрывающим тропу. Да уж, не учи учёных, у этих про-

фи, что ни установка, то праздник иезуита. После них вряд ли кто сможет извлечь мину.

– Я на карту нанесу, чтобы изменения в штабе сделали. – Игорь прикурил новую сигарету. – Блин, третий день, как табак закончился. В общем, так, братуха, дела такие...

Толик Мосин, Мося, снайпер из группы Татарина, сидел рядом с Генкой, что-то рассказывал ему, кивал в сторону перевала. Лиса хмурился, переспрашивал, вносил записи в блокнотик.

– Серёга, ты давай им возможность трупы уносить...

Как будто без него этого не знаю, поморщился я. Вот же человек Татарин, основательный во всём, лишний раз не забудет напомнить-предупредить. Игорь, не обращая внимания на мои возмущённо вскинутые брови, спокойно продолжал:

– Ну их на хрен. Вони не оберёшься в прямом и переносном смыслах. Пусть забирают и хоронят. Как пришли на смену, тут дышать нечем было, особенно под утро, когда ветерок с юга поднимается. Спросил у Кота, сменщика моего, на кой хрен труп оставили? А он, идиот, ржёт, мол, какая-никакая, а всё же – развлекауха! Духи ж не отступятся, всё равно будут переть, чтобы тело забрать. Ну а эти уроды, – Татарин насмешливо-зло сплюнул, – развлекались, стреляли по спасателям. Те – по блоку. Веселились... Разрешил я забрать тело. Сейчас более-менее спокойно.

– Ладно, Игорёха, пора вам, – тронул я за рукав сержанта.

Действительно, пора. Вертолёт торопливо выгребал на посадку, давя, уплотняя винтами воздух.

– Боезапас оставляю вам, – уже на ходу говорил Татарин. – Там немного, но лишним не будет. – И прорычал низким голосом, – Всем вниз.

Его группа начала спуск. За ними пошли и мы. Нужно было поднять оставшийся груз.

На посту остался Лиса. Он лениво развалился за бруствером на камне, прикрыл глаза панамой, зажал между коленями расчехлённую винтовку. Со стороны могло показаться, что Лиса дремлет, забив на службу. Но я-то знал, что это не так, далеко не так, и можно быть совершенно спокойным, ничего не ускользнёт от глаз Гены.

Тропа была хоть и узкой, но достаточно удобной из-за уступов, что-то вроде естественных ступеней, только разновеликих по высоте и ширине, никак в такт не попадёшь, всё время темп сбивается.

Лопасты вертушки вздымали мощные, упругие пылевые стены, давившие плотно в грудь, отбрасывающие тело назад, заставляющие пригибаться. Пыль, мусор, мелкие камешки не давали возможности осмотреться, разглядеть предметы, остро тыкались в лицо и руки, норовили уколоть в глаза.

Хлопнули с Татаринцом по спине друг друга. Последним на борт заскочил Каримов, обернулся к нам и перед тем, как захлопнуть двери, неслышно заржал, оскалив белые зубы на грязной, запы-

лённой роже, стукнул ладонью правой руки по сгибу локтя левой и что-то проорал нам.

Вот же, чучело! Я ухмыльнулся, опустив лицо к груди, прячась от хлещущего пыльно-мусорного урагана.

Вертушка прижалась к земле и начала мягко подниматься в рыжее вечеряющее небо. Поднявшись над перевалом, машина накренилась, уходя в разворот, и отстрелила первую партию тепловых ракет. И, надо сказать, вовремя. Сквозь оседающую, почти уже прозрачную пыль, хорошо было видно, как гораздо севернее от нас в небо взлетела ракета, поволокла за собой белесый след, покрутилась, чутко реагируя на тепловые выстрелы, и скрылась за скалами, откуда мгновение спустя, вспух неслышный разрыв.

Ну, что же, вот мы и на дежурстве. Второй подъём оказался труднее. Подустали и груз взяли весь, побольше и потяжелее первого. Тащили втроём. Соплю оставили прикрывать, на спине ведь глаз нет. Хоть я и доверял полностью Лисе, но перебдеть никогда лишним не бывает.

Вот уже за гребнем у поста, перед самым бруствером, скрылась навьюченная фигура Узбека, вот, затравленно дыша, даже с расстояния пятидесяти метров слышно было, как хрипит лёгкими Малец, вот-вот и я должен был достичь рубежа. В поясницу больно давил цинк, лежащий на дне рюкзака. Кашель позаботился об удобстве командира, сучонок, ничего нельзя доверить, злился я про себя. Тут и раздались выстрелы. Два. Один за другим. Пуля ударила где-то внизу, звонко дзень-

кнула о камень и упруго срикошетила в воздух, вторая же обожгла левую щеку, вжикнула юлой о кремневый скол, торчащий из земли, и умчалась прочь. Я тут же упал на колени, выпустил из рук мешки с консервами. Сыто брякая, мешки покатились вниз. Один тут же прочно засел в расщелине, второй, издевательски похрюкивая, скатился к самому подножию перевала, откуда с таким трудом я его тащил. Я не наблюдал за мешками, просто чувствовал, что происходит, вот и всё. Сам же я перекатился через тропу, забился за камень и ждал, ждал выстрелов либо с той стороны, либо от Лисы. Нет. Тишина.

– Эй, Лиса, ты чего молчишь? – перепугано проорал я.

– Дык, а чего патроны жечь? – спокойно, чуть громче обычного, прямо над моей головой проворчал Лиса, – Лезь сюда, сержант. Дух ушёл.

Только я выпрямился, как опять же над головой пронёсся веер пулемётной очереди, посланной Узбеком в сторону исчезнувшего врага.

– Шохрат, какого хрена? – наконец-то и я оказался за бруствером.

– Так чтоб знали! – засмеялся Узбек.

Вскоре на посту появился Кашель, притащивший мешки, потерянные мной.

Солнце почти совсем скрылось за горами, только тоненький сегмент его жёлто-красно тлел над вершинами, скрадывая близкие очертания скалистых гребней, делая резче склоны, чётко

прописывая извивы скрученных страшной силой горных пород, выпирающих драконовой чешуёй из-под тонкого слоя земли. Лиса неподвижно лежал на старой шинели, надёжно укрывшись от стороннего взгляда стеной бруствера, жевал спичку и сторожко охватывал взглядом бегущие внизу на перевале тени.

Эх, был бы сам перевал более-менее ровным, тогда бы и нам работы было поменьше – сиди, наблюдай, вдруг немирный душара появится и всё. Но, увы, так не бывает. Сверху поверхность перевала напоминала лунный ландшафт, сплошь усеянный каменными пирамидками разной высоты и величины. За некоторыми можно было спрятаться в полный рост, сидя на лошади, за иными можно просто присесть, и трудно будет углядеть человека за таким укрытием, ну а за другими запросто лёжку соорудить не трудно. Главной проблемой было то, что по утрам и вечерам под восходящим или заходящим солнцем тени от пирамидок бесконечно перемещались, создавая иллюзию движения, а если ещё и редкие гости в здешних широтах, облака, резво бежали по небосводу, то для наблюдателей оставалась одна задача – не сойти с ума от чехарды теней на земле, уловить угрожающее движение в карусели скользящих пятен. Ясное дело, что духи прекрасно знали об этой особенности перевала и постоянно пытались использовать её в своих коварных планах. Так что до рези в глазах, до слёз вглядывались в инопланетный пейзаж наблюдатели и, что уж греха таить, от усталости просто падали из автоматов по подозрительным

тениям. Тут уж лучше перебдеть, чем не добдеть, перестраховаться, одним словом. Кстати говоря, иногда и не напрасно пуляли по фантомам, утром находили либо кровавые следы, либо труп нарушителя. И совсем уж хреноваستنенько было, если духи открывали либо ответный огонь, постоянно перемещаясь от пирамидки к пирамидке, либо с той стороны работал по блоку снайпер. Ух! Невозможно ухватить всю панораму тогда, люди внизу постоянно в движении, тени от облаков сливаются всё в единое чёрно-серое кружение, только по вспышкам автоматных выстрелов можно ориентироваться. Только толку чуть от этого. Дух стрельнул, перекатился под защиту камней, а ты лупишь по тому месту, откуда он только что бил. Скверно. Если же снайперюга ещё... ууууууу... тогда только держись. В грохоте автоматных очередей и не уловишь одиночный выстрел. А сколько беды может такой стрелок наделать, лучше даже и не думать. Изредка их снайпер выходит один на один с нашим блоком. Развлекается. Выбирает тихий вечер или раннее утро. Стреляет метров со ста. В тихом воздухе раздаётся резкий звук, очень похожий на щелчок пастушьего кнута. «Драгунка». Её выстрел. И от этого хлопка мороз по коже, падаешь за бруствер, глазами прочёсываешь периметр блокпоста, все ли целы, и ждёшь нового выстрела. Жизнь замирает, день становится резиновым, осторожничают все, лишний раз над каменной стенкой никто не мелькает, двигаются в полуприюсаде. Караул в напряге, выискивают в бинокль или в оптику вражину. Безрезультатно. Дух, может,

ушёл, а, может, просто любит, как прищучил шурави. Пытались наши стрелки снайпера духовского вызвать на дуэль, но безрезультатно. Однажды Татарин рассказал мне случай, о котором я слышал уже, в более цветистых оборотах, приукрашено. Игорю-то верить можно, сам участник тех событий.

Летом, ближе к концу августа, пришлось его отделению надолго отправиться на блокпост. Дежурство и дежурство, вроде бы ничем не примечательное, однако ниже расположения обнаружили раздувшийся труп лошади, дохлятинкой пованивало изрядно, особенно когда ветерок поднимался в сторону блока. Ночью выпал снег, да сильный такой, чуть ли не метровой периной укрыл всё вокруг, и коняшку мёртвую тоже. Где снег, там и морозец. Благо, наученные войной, никто не расставался с бушлатами и прочими тёплыми вещами перед заступлением на пост. Всё просто замечательно шло, пока были продукты, а как только начали заканчиваться консервы и овощи, остались только брикетированные каши, тут и тоскливо как-то стало. А ещё снайпер-змея объявился, продыху не давал, шмалял периодически и шмалял. Как его найдёшь в снегу-то? Делали чучела из досок, набивали бушлат соломой, притягивали всё это хозяйство бронезиловым к шесту, нахлобучивали каску сверху и выставляли из-за бруствера. Мерзавец пулял охотно, не всегда попадая в цель, но довольно метко.

Заскучали бойцы на посту, затосковали по вкусной и полезной пище. Тут Татарина толкает в

бок один, мол, командир, а не попробовать ли нам конинки? Игорь сначала обалдел, там же трупного яда уже хоть ведром вычерпывай. Но искуситель гундосит и гундосит, выварим получше и все дела. Согласился сержант, дал добро, а то ведь и правда с пустым брюхом воевать несподручно. А чем живот набьёшь? Последние несколько дней разбивали гороховые концентраты, замешивали на воде и пекли лепёшки. Пару дней ещё ничего было, а сегодня желудки колом встали и наотрез отказались принимать бобовые. Сколько ещё торчать тут придётся, толком не знали ни Татарин, ни комроты, периодически выходящий по рации на связь.

Ладно, конина так конина. Подумаешь, с запашком. Эх, жаль, что сюда собачки не забредают, а то б отъелись бойцы на свежатинке, враз повеселели бы. Ну и ладно, будем есть то, что есть!

Тот солдатик, что смутил умы товарищей и вызвал у них обильное слюновыделение от ожидания мясной халявы, и направился за первой партией мяса. Только неудачно у него получилось, снайпер-зараза прострелил ему бедро. Хорошо хоть пуля мягкие ткани навывлет прошила. Татарин, ясное дело, наотрез запретил было ходить к продскладу дохлому. Но всё тот же искуситель, только теперь уже раненый, подкинул идею прорыть траншею к лошади и вырубать мясо из той части, что к земле ближе. Согласился сержант. Два добровольца лихо прорыли глубокую канаву, отсекли лопаткой ломоть мяса от крупа коняки и приволокли на блок. Понюхали,

ну, есть запашок, конечно, что грешить, но не такой уж и сильный. Покачал головой в сомнениях Татарин, велел дневальному ставить котёл, кипятить воду. Мда... как только в горячей водичке стало оттаивать мясо, тут уж на свежем воздухе оказались все, даже отдыхающая смена. Сказать, что в помещении сильно, жутко, страшно воняло – ничего не сказать. Вывернули котёл с содержимым прямо в снег. Теперь уже варили мясо на улице, через каждые полчаса меняли воду, дневальный присаливал бульон, добавлял лаврушки и перца-горошка в тщетной надежде отбить амбре. К вечеру мясо было готово, разварилось, стало бледно-белым. Татарин, как старший, отрезал кусочек, поднёс к носу, понюхал... хм... чёрт его знает, вроде и не воняет уже, круто присолил, подул на горячий кусок, сунул в рот, прожевал. Вполне съедобно. Тут уже все кинулись делить добычу. Нормально, в добавок к каше так вообще замечательно.

Так и ходили за мясом раз в сутки, дежурные варили, хором ели конину. Как-то раз один из посланцев мясных вернулся не только с очередной порцией, но и с хорошей новостью. Обнаружил всё же, откуда снайпер ведёт огонь. Приползли под лошадку с сержантом. Увидел Игорь, куда пальцем тычет боец. Почти напротив поста через ущелье есть пещера, где и прячется дух с винтарём. Попробовали взять его на арапа. Пуляли из калашей, из РПК – ничего не получается. Забился душара поглубже в пещеру, костерок развёл и отдыхает.

Ночью Татарина осенило, как угробить врага. Поднял весь личный состав и потихоньку – полегоньку перетащили с другого конца периметра выносной пулемёт ДШК. Дождались утра, подманили снайпера наживкой, чучелом в обмундировании, высмотрели, откуда хлопок был. Игорь сам приложился к пулемёту, надавил на спуск и повёл огненной струёй прямо над пещерой, где огромный снеговой карниз навис. Для верности прошёлся ещё разок. Снеговая гора с шумом сверзилась вниз по склону, многотонной подушкой прочно закупирила духа в его укрытии.

Вскоре пришла замена на блок. Летели в вертушке, а летуны заперлись у себя в кабине, блистеры пооткрывали нараспашку, да и то носы затыкали. Удивились бойцы, чего это они? Нормально же всё! Мда... приняхались ребята, смрадной вони от себя не замечали. В части им тоже прохода не давали, вернее, наоборот давали, везде пропускали, только просили стать с подветренной стороны. Да ничего, всё в порядке. Отмылись, отчистились, всякими разными способами достали новое обмундирование.

Постепенно история эта обросла всякими подробностями глупыми, легендой прямо стала. Татарин равнодушно и невозмутимо отмалчивался, когда слышал очередной вариант пересказа, не реагировал даже, когда оказалось, что всё это произошло совсем в другой части, в совсем другом конце Афганистана.

Я зашёл внутрь блока. По краям убогого пристанища стояли грубо сколоченные из снарядных ящиков нары. Под одним из лежаков приткнулись ящики с боезапасами, оставленные Игорем. Тепло стало на душе от подарка Татарина. Ничего себе, чуть-чуть оставил... Пара нераспечатанных цинков с автоматными патронами. Десяток гранат, по пять экземпляров сигнальных и противопехотных мин. Рядом с печкой, сложенной из камней, густо обмазанных глиной, семь вязанок дров, три из которых явно не нами принесённые. Опять же Татарин сэкономил. Стоп! А где же наши недостающие вязанки? Заледенело всё внутри, неужто в вертушке забыли?! Да нет же, я сам выпихивал на землю семь больших вязанок, по одной на сутки дежурства. Ночью в горах холодно, да и без горячей жратвы и чая тоже скучновато как-то.

– Кашель! – негромко позвал я.

– Чего тебе? – нехотя откликнулся Юрка.

– Где дрова? Почему не захватил? Ведь замыкающим шёл, с пустыми руками...

– Да пошёл ты!

Юрка не успел договорить. Ударил я его коротко, зло, прямо под дых. Хорошо хоть он без броника был, а то бы все костяшки снёс себе. Кашель согнулся, плюхнулся задницей на нары, тяжело задышал, закашлялся:

– Ты чего, сержант?

По глазам его было видно, что всё прекрасно он понял. Тут за всё: и за грубость по отношению

ко мне, сержанту, командиру боевого подразделения, и за брошенные на перевале дрова. Юрка притих и примирительно затараторил:

– Да труханул я, когда пальнули духи. Дёрнул к тропе, за камни сунулся, – для убедительности показал куда-то ладонью. – Смотрю, ты кувыркаешься перед блоком, думал, засадили тебя. Тут на меня сверху мешок с консервами упал, я вообще чуть в штаны не наделал...

Хитрил Юрка, ой, хитрил, старался загладить свою вину, ну и вызвать заодно жалость к себе, бедному, напуганному бойцу. Угу, знаем его уловки. А Юрка продолжал:

– Схватил я мешок и сюда, наверх поднялся. И вместо благодарности вот, – прижал руки к груди, чуть ли не носом зашмыгал. – Да ладно, я утром спущусь мин понатыкаю и дрова принесу.

Да уж, благодетель! Промолчал я. Злость душила, кипела во мне, так и хотелось звездануть Сопле по зубам, но сдержался. Заслать бы этого урода прямо сейчас за дровами, только опасно это, да и, пожалуй, не очень справедливо. Я проворонил мешок с консервами, а он приволок. С остывающим возмущением в голосе сказал Сопле:

– Ладно, утром посмотрим. Духи тоже насчёт дров не дураки.

И вправду сказать, здесь, в Афгане, дрова ценились высоко, особенно в пустынных и высокогорных районах. Сам видел, как торговцы взвешивали вязанки хвороста, а то и отдельные поленья на допотопных верёвочных весах. На одной

огромной медной чаше лежали дрова, на другой булыжники разного размера. Кто знает, как они определяли вес. Покупатель отдавал деньги или менял топливо на продукты по неведомому курсу. Вполне вероятно, что ночью здешние душки попытаются выкрасть наши дрова. Не хотелось бы!

Распределил смены. Первым заступать досталось Лисе. Он безразлично кивнул широким круглым лицом, сунул в рот новую спичку и вышел на воздух. Вторым назначил Шохрата, слух у него тонкий, музыкальный, пусть пару часов послушает ночную симфонию гор. Узбек отозвался от котла, где варилась рисовая каша с тушёнкой. Но пахло так, будто от мангала где-нибудь на пикничке у озера. Шохрат умел и любил готовить. Думается, что у него получалось вкусно из-за массы приправ, носимых им в ранце в маленьких пакетиках.

Следующим в караул заступал Малец. Он вздохнул согласно и уселся спиной к пока ещё тёплой каменной стене блока. Совсем скоро камни остынут, потянут наше тепло в себя, поэтому мужики стали развязывать скатанные в рулон бушлаты, готовиться к ночи. Затем была очередь Кашля нести службу. Не самое приятное время с четырёх до шести утра, но что делать, это армия, тут не выбирают. С пяти утра на подмогу Юрке, да и вообще для профилактики зоны ответственности, выйдет вновь Гена. Как красиво всё распределилось, а! Дай Бог, чтобы ночь спокойно прошла, в противном случае все надежуримся! Себе

я времени на караул не нарезал. Незачем! Да и все парни понимали, что отдыха у командира не бывает. Ни ночью, ни днём. Я сам замечал, что в таких ситуациях сна нормального всё равно нет. Вполуха, вполглаза спишь. Всё слышишь, что вокруг делается. Ночью кто-нибудь из отдыхающей смены заскрипит нарами, поднимется, сразу глаза нараспашку, куда собрался? Буркнет спросонья, что по малой нужде или по великой приспичило. Лежишь, ждёшь, когда назад придёт. Ночью тоже проверить караул нужно, не задремал ли кто. Бойцы наши парни проверенные, надёжные. Только мало ли что может случиться.

Внутри помещения сидеть совершенно не хотелось. Все вышли на воздух, отдыхали, ждали ужин, курили молча. Насидимся ещё в блоке, нанюхаемся. Внутри стоял устойчивый тяжёлый запах мужского пота, грязной одежды, ружейной смазки, копоты, сапожного крема. От этих ароматов ощутимо наваливалось чувство усталости, едва стоило переступить зев входа.

Два полных бака-ранца с водой – опять же знак вежливости улетевшего караула – могли худо-бедно продержат нас суток пять, а то и больше, если экономно расходовать её, только пить и готовить пищу.

Однако не собирался я бережливо относиться к воде. Прежде всего гигиена. Обязательное умывание, ополаскивание тела, бритьё и мытьё рук перед едой, на ночь ещё и ног. Это было беспрекословным правилом, введённым Кулаковым. Зато и грибок, и желтуха обходили нашу роту стороной.

Наш комроты всегда придерживался принципа, что военный человек должен соответствовать уставу во всём хотя бы внешне. Конечно, в горах, на выходе весьма проблематично следить за чистотой обмундирования, подворотничка или обуви. Но вот умыть рожу, почистить зубы, по возможности, нужно. Можешь побриться – честь тебе и хвала.

Прошлой зимой на высокогорье, когда все промёрзли за ночь до состояния сосулек, меня поразил командир. Он сидел на валуне у замёрзшей речушки, пробивал полынью лопаткой. Затем щедро намылил помазок о брусочек мыла, нанёс пену на щёки, окунул в ледяную воду станок и спокойно стал сбривать суточную щетину с лица. Потом умылся из реки, утёрся полотенцем и весело закурил. Так всё это выглядело смачно и вкусно, что я тоже принялся за дело. Нехотя, с большим трудом волоски помазка напитывались мылом, так же нехотя пена размазывалась по щекам, лезвие станка с хрустом срезало щетину. Ещё туда – сюда на щеках, а вот на подбородке и под носом дело шло хуже. Изрезался я тогда капитально, кровяца текла из порезов, как из кабана под ножом. Благо хоть морозец был небольшой, быстро свернулась кровушка, остановилась. Эх, тогда бы одеколончика хоть чуток, хоть самого поганенького, лишь бы обжечь им кожу, она бы сразу и успокоилась. Да откуда его взять?! Ничего, обошёлся ледяной водой, ничуть не хуже какого-нибудь «Шипра» жигануло лицо. Зуд прошёл моментально. И ведь правда жизнь показалась значительно лучше! Привык к этим

процедурам я быстро. Даже сейчас, спустя многие годы, запросто могу побриться с холодной водой или вообще на сухую. Ерунда, плёвое дело!

Ужинали поздно, не спеша. Узбек давно сварил импровизированный плов, попросил подождать, пока блюдо настоится. Ну и ладно. Побольше аппетита появится, хотя, честно говоря, жрать уже хотелось сильно. Солнце чуть виднелось над скальной грядой напротив блокпоста. Вот с неё откуда-то по блоку и стреляет снайпер, только и у нас пост прикрыт витыми каменными хребтами. Природа постаралась, а архитекторы военные уже приспособили конструкцию убежища под местный рельеф. До полной темноты ещё минут сорок есть. Наконец-то Шохрат решил, что пора и за кашу приниматься, разложил каждому в котелки вкусно пахнущее варево. Принялись стучать ложками, нахваливая повара. Только Кашель сел в сторонке, всё ещё обиженный за мою расправу, тыкался носом в свой котелок, кривился, жевал рис с тушёнкой словно промокашку, что-то сплёвывал, снимал с языка грязными пальцами налипшие кусочки приправ:

– Вечно ты, Узбек, всякой ерунды в жратву насыешь. Тьфу!

Не любил Юрка приправы. Из всех признавал только соль и сахар.

– Угу, – насмешливо протянул Малец. – Тебе бы дури туда сыпануть, вот бы кайф был!

Народ заржал. Помнили, не забыли, как однажды в договорном кишлаке бабаи нас пловом угощали. Сам плов почти постный был. Какой навар с нескольких бараньих костей, почти блестящих, с тоненькими лоскутками мяса? Старейшина, чтобы угодить нам, шурави, распорядился сварить большой котёл плова. Узбек крутился возле поваров, наблюдал, что, как и в какой последовательности они делают. Запоминал, наверное, а может быть, просто следил, чтобы чего лишнего не сыпанули. Да и чего ему учиться, если лучше него вряд ли кто сможет плов сварить.

Когда сели за трапезу, местные мужики приволокли и плюхнули на ковёр огромное медное блюдо золотистого, рассыпчатого риса. Пахло потрясающе. Вкус был похуже. Ну, нет жира, хоть стреляйся! Зато приправок всяких, моркови и лука в достатке. И то хорошо! Рядом с блюдом Гафур, старейшина, глава кишлака, поставил широкую жестяную банку из-под чая, полную зеленоватого порошка. Зачерпнул щедро, посыпал густо плов сверху. Запахло ещё сильнее, желудок уже просто урчал, слюна бесконечно скапливалась во рту, приходилось глотать её и ждать. Думал, что я один такой, а нет, искоса посмотрел на ребят. Кадыки прыгали у них тоже будь здоров. Даже ротный слюной давился. Мы подождали, пока Гафур сам возьмёт горстку риса и съест. Азия. Ждать можно чего угодно. Местная милая привычка быть коварными. Шохрат толкнул меня локтем в бок:

– Осторожнее... Анаша! – скосил глаза на блюдо.

Все принялись степенно есть, аккуратно набирая в горсть рис, стараясь, чтобы анаша не попала, выбирали посочнее, с лучком и морковкой. Вкусно. Всё равно вкусно, хоть и без мяса. Кашель же, нервно задёргал ноздрями, учуяв запахи дури.

Кулаков вовремя заметил, что Юрка малость поплыл от угощения, негромко сказал:

– Кошель, смени Мальцева!

Юрка непонимающе уставился на старлея, зачем? Тоже верно, вряд ли местные духи решатся сделать сейчас нам бяку, не выгодно им это, по всем прикидкам не выгодно. Чтобы закрепить договор о взаимном доверии, мы приволокли в кишлак керосина, муки, круп разных, медикаменты. Только вот боеприпасов не дали, чем немного разочаровали Гафура и его приближённых. Ага, сейчас, подарим вам пару цинков, чтобы уже этой ночью патроны в горы ушли. Враг не дремлет, хехе... Кулаков, не повышая голоса, опять обратился к Кашлю:

– Эй, военный, что-то не понятно?

Юрка поднялся с пола, с сожалением глядя на блюдо, взял автомат и вышел во двор. Вскоре из-за пыльной брезентовой занавески, заменяющей дверь, появился Малец. Не теряя времени, уселся на корточки, даже не сбросил автомат с плеча, потянулся к плову.

Томный вечер с угощением закончился. Мы сели «на броню» и укатили к месту расположения полка. Кашель «летал», пьяно улыбаясь сво-

им видениям, размазывал грязной ладонью по лицу слюни, потом ему стало плохо, началась рвота. Пришлось держать этого урода за ноги, чтобы не свалился в дорожную пыль и не испачкал БТР. На месте Кулаков быстро привёл Кашля в чувство. Пара вёдер холодной воды на башку – и всё. Ну и наутро был разговор о чём-то, после которого Юрка затосковал, загрустил и старался весь день не показываться на глаза капитану.

Повечеряли. Эх, какое слово, а! Мне так нравилось, когда говорил так мой дедушка, пока был жив, или бабушка, собирая после ужина со стола посуду. Чем-то тёплым, родным, спокойным и уютным веет от слова. Повечеряли!

Обмыли котелки горячей водой. Шохрат выставил огромный помятый чайник с круто заваренным чаем. Каждый наливал, сколько хотелось. Чаёк у нас был замечательный, трофейный. Месяца два назад брали караван, а там, кроме оружия, было несколько тюков настоящего цейлонского чая. Вот один мы и скоммуниздили для нужд роты. Я пил чай без сахара. Не только в целях экономии, больше для того, чтобы не испортить запах и вкус напитка. Только Малец налегал на рафинад, тут уж ничего не поделаешь, любит сладкое парень. Шохрат отсчитал, когда Лёха подгрёб четвёртый кусок сахара, мягко потянул к себе картонную коробку и убрал её в кухонный ларь, сделанный из снарядного ящика.

Я достал из ранца книжку. Читать уже было невозможно, совсем засерело вокруг, небо почернело. Ну и ладно. Бесцельно полистал странички томика Толстого. «Войну и мир» с трудом осилил

в техникуме, пробегая глазами длинные диалоги героев, особенно те, что на французском языке. Не понравилась мне книга. Потом уже, когда в кандагарском госпитале валялся, взял почитать роман. Библиотека была скудной, кроме трудов основоположников, Ильича и Брежнева, были произведения Толстого, Паустовского и какие-то книжонки современных авторов. Пытался их читать, но через несколько страниц сводило от тоски скулы. То руду добывали для страны, выполняя и перевыполняя план, то лес заготавливали герои, то строили что-то. Вроде бы всё правильно делали. Однако так не бывает, чтобы не думал человек больше ни о чём, кроме как о стране да о работе своей. Где же любовь, где семья, где что-то другое, личное? Просто безнадега какая-то. Надуманные проблемы надуманно решали. Ну их. Лучше уж к классике поближе. Паустовского, на удивление, проглотил с интересом. Даже сны снились лёгкие, приятные. Леса, озёра, пичуги разные, лисицы да зайцы. Потом подступился всё же к «Войне и миру». Заинтересовался, старался читать в свободное время. А вот как дошёл до слов, что война – безумие, «противное человеческому разуму и всей человеческой природе», так застопорилось чтение. А так ли уж прав был босоногий граф? Ведь известно, что за последние тридцать пять столетий человечество не воевало в общей сложности двести тридцать лет. Значит, не так уж это и противно человеческому разуму, раз вся история людская говорит об обратном? Дети с раннего возраста играют в войнушку на всей планете. В кино, в книгах романтизируется война:

столько геройства, столько красоты боя, столько наград! Парадная форма, знамёна, фанфары и залпы победы, чеканный шаг, звон медалей, почётный караул, Неизвестный солдат. Зачем всё это? Ради чего? Ведь известно, что войны начинают не народ какой-либо страны, а его правители, решившие погреть руки на нефти, на золоте, на захваченных землях. Вот они и придумывают красивые слова о том, почему народ должен воевать, почему у него появился враг. Вот, к примеру, почему мы здесь? Что, у СССР мало своей земли? Да и зачем нам пустыни, скалы, жарница немилосердная? Разве мало азиатских республик, где всего этого вдоволь? Ну, хорошо, возможна агрессия заокеанского врага с этой территории. Так ведь есть дипломатия, договоренности и прочие возможности утрясти все вопросы. Зачем же бросать на бойню свой народ? Не понимаю. Одно твёрдо уяснил – ошибся Лев Николаевич в своём утверждении. Всё же война – естественное состояние человечества. Плевать человечеству на тех, кто погибнет, на матерей и отцов, на жён и детей осиротевших. Подумаешь. Вон сколько людей на планете живёт, горстка-другая ляжет в землю, не такая уж и потеря. Так для чего же мы тут воюем?

Аж голова разболелась от этих мыслей. Я подбирался с вопросами к замполиту, он что-то молчал о защите Апрельской революции. Да нам-то что от её завоеваний? Мы о своём октябрьском перевороте не всё знаем. Майор Дубов, замполит наш, сразу посуровел и приказал мне лично подготовить конспект работ Ленина, чтобы я смог понять всё величие замыслов родной партии. Только напле-

вал я на его приказание. Всё равно политзанятия бывают раз в два-три месяца, да и то перед и во время очередной окружной проверки. Для таких случаев замполиты батальонов придумали отличную фишку. Где-то в Союзе, в каком-то учебном центре стащили экземпляров двести конспектов, раздобыли обложки тетрадные, на которых каждый боец свою фамилию – имя написал. Как только комиссия из одного подразделения в другое направляется, нарочные несутся впереди них с вещмешками. Раздаются тетради с конспектами, меняется обложка, и вот вам – образцовые воины. И в бою кое-что смыслят, и не забывают политически подковываться. А то, что обложки падают с тетрадей, так ведь война тут, не всегда есть возможность бережного отношения к вещам, да и ребята иногда почитывают записи, как же без этого! Обложки и отрываются. Ну, ничего, обещают проверяющие, покрепче тетради привезём.

Напрямую полез с вопросом к комроты нашему Николаичу. Он мне посоветовал читать устав и пообещал, что поговорим на эту тему потом, позже. Но и позже разговора у нас с ним не вышло. Сидели в кабачке на набережной у моря, и на языке у меня крутился вопрос. Мне даже показалось, что Кулаков ждал его.

– А вообще, зачем мы были в Афганистане, товарищ старший лейтенант? – всё же задал я вопрос, и чтобы придать ему некоторую необязательность, что ли, даже грубовато спросил. – Без всяких умничаний и прочего, Вы хотя бы для себя это уяснили?

– Знаешь, надо учиться у прошлого, чтобы не повторять ошибок, Конт. Согласись, многие из нас остались там, под Кандагаром. Я фигурально выражаюсь, конечно же, не имею в виду погибших. Разве тебе не снятся сны оттуда? Разве не тянет туда?

– Снятся, – почти прошептал я в ответ. – Ещё как снятся, мать их! И тянет... Так зачем? – я тупо повторил свой вопрос, точно так же повторил, как и там, в Афгане, задавал его замполиту, самому Кулакову, ребятам, себе, в конце концов.

Николаич нетерпеливо махнул рукой:

– Брось, Серёга, никто не даст ответа...

Первую смену караула я пробыл вместе с Лисой. Лежали на настеленных на камнях бушлатах, вслушивались в ночь. Это только кажется, что ночью тихо. На самом деле то камушек мелкий зашелестит вниз со скалы, сдвинутый маленькой лапкой ящерицы со своего места, то ветерок зашуршит редкой высохшей травой, то в недалёкой речушке зажурчит вода, то кто-то из парней внутри блока всхрапнёт во сне и сам же испугается звука, замолчит и снова засопит. Лиса всё жевал свои спички. Хотел было я закурить, да не стал демаскировать нашу позицию, передумал. Посмотрел на часы. Ого. Пора Шохрата будить, его время настало. Шепнул Лисе, что скоро смена. Он равнодушно кивнул и опять опустил голову к прикладу винтовки. Блин, что он там видит?

Узбек проснулся легко, нащупал под нарами автомат, прижал к нему ремень, чтобы не брякнул антабками и вышел в ночь. Лёг на нагретое Лисой место. Гена ушёл в спальную нору и бесшумно улёгся спать.

Я посидел ещё немного с Шохратом, чтобы убедиться, что он проснулся окончательно, и не сморит его прерванный сон. Сидел и смотрел в глубокое чёрное небо с невероятно роскошной россыпью звёзд и огромной, выпуклой полусферой луны. Что-то мифическое чудится в небе Афгана. Начинаешь понимать по-иному сказки Шехерезады. Ведь действительно, вот он, купол неба, плавно изгибается вверх, звёзды от его краёв к центру всё гуще и гуще, а на самом пике кажется, что они сливаются в единое драгоценно сияющее целое. Только если долго смотреть на них, до боли в глазах, до слезинок, тогда видишь, а скорее понимаешь, что есть расстояния между ними. Только не буду я сегодня разглядывать небо, пора отдохнуть.хлопаю Узбека ладонью по заднице, мол, пока. Он оборачивается, блестит в лунном свете чёрными глазами:

– Уйдиии... пратииииивный...

Тьфу, балбес! Улыбаясь, прокрадываюсь на своё место в блоке, аккуратно кладу на пол автомат, развязываю шнурки на ботинках, ложусь на доски нар, закрываю глаза. В памяти всплывает дурацкая поговорка, которой грешили деды в Союзе. Каждый вечер, после отбоя, кто-то из новобранцев орал на всю казарму:

– Дембель на день стал короче. Дедушкам спокойной ночи, молодым...

И тут уже во всю мощь лёгких, в сотню глоток вступал хор:

– ОТБОООЙ!

Полежал немного с закрытыми глазами, повернулся на правый бок, поджал колени к груди. Любимая поза. А в голове всё кружатся мысли о книге Толстого.

Хлопок винтовки мгновенно вырвал из сна. Блин, на какое-то мгновение я даже разозлился. Так хорошо уснул, просыпался только, когда Кашель выползал из нашей норы, менял Узбека. Момент заступления Лисы на службу я пропустил. Чувствовал во сне, как тело отдыхает, дневная усталость наконец-то отпускает мышцы, а тут... Эх! Я вытянул из-под нар автомат, вылетел наружу.

Лиса повернул башку ко мне, ухмыльнулся:

– Ну, что, уделал я всё же гада!

– Ого! Как? – я не мог поверить, что Гена достал-таки духовского стрелка.

– Вчера ещё логово засёк, когда он по тебе шмалял. На второй вспышке заметил, – уже равнодушноничал Лиса, прикусывая спичку.

– Так чего ж ты сразу его не мочканул? – возмутился я.

– Не успел. Он же сразу после выстрела перекатился, спрятался, да и Узбек из пулемёта всех бояться заставил. Я и подумал, нет смысла ему далеко уходить. Не профи он. Так, пустышка. «Драгунку» надыбал где-то, чуть пристрелял и

возомнил себя снайпером. Тьфу! – Гена плюнул разжёванной спичкой, позвенел коробком, вынул ещё одну. – Всё пучком, Серёга, нет его больше.

Вот же чадо, а! Ясное дело, на месте душка он меня вчера с одного выстрела бы снял. Аж холодком по спине потянуло.

– Лиса, а где Кашель? – вдруг сообразил я, что Генка один, Юрки нигде нет. Подумалось, может в сортире. Однако дверца полуподземного туалета, врытого в дальнем конце блокпоста, открыта нараспашку. Что поделаешь, естественная вентиляция, иначе в этом погребе от вони сдохнешь. – Так где Кошель? – ещё раз тупо спросил я, и холодок озноба вновь коснулся спины.

– С час назад ушёл вниз, – встревожился и Гена. – Сказал, за дровами пошёл и мины проверить. Взял с собой еще пару сигналок.

– Твою мать, Лиса! Какого хрена ты его без меня отпустил? – я забрал у Лисы бинокль, приоткрыл к глазам, настраивая резкость.

Вот дрова, две вязанки, так и лежат на месте посадки вертушки. Ни духи ночью не позарились, ни Юрка пока их не взял. Пока! Резануло под ложечкой. Где же ты, падла! Куда ты девался, рядовой Кошель? Ещё была надежда, что вот вот он появится из-за лунных пирамидок. А если нет? Я пристально изучал пейзаж. Лиса смотрел сквозь прицел. Ни-че-го! Никакого движения, ни звука. Даже утренний ветерок угомонился.

– Лиса, всем подъём. Тревога! Только тихо. Не надо шуметь...

Гена понятливо кивнул, откатился от бруствера, не забыв прикрыть шинелькой СВДешку. Вну-

три помещения зашевелились, брякнули автоматы. На свет божий появились Малец и Узбек, рассыпались по своим позициям, зашарили взглядами по перевалу. Я отдал бинокль Мальцу, глаза от напряжения уже стали слезиться. Надо подумать. Крепко подумать. Пропал боец. Ладно, ждём ещё полчаса и сообщаем в полк.

– Сержант, – тихонько позвал Лиса, поманил к себе.

Я придвинулся к Гене, он показал на оптику:

– Смотри чуть правее от дров, выше метра на полтора за крайней пирамидкой.

Я пошарил винтовкой, присмотрелся. Ага, есть! На каменной осыпи у самого края перевала, где начинала подниматься каменная гряда, лежала Юркина панاما. Не надо было и сомневаться, что именно его шляпа. Кашель, обормот, уронил на неё склянку с хлоркой, когда метили обмундирование. Вот с той поры на тулье под звездой расплылось белесое пятно, хорошо видимое даже на выгоревшей ткани. Хоть что-то есть!

«Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку!» – всплыла в памяти глупая поговорка. Но только на первый взгляд дурацкая. Когда-то, очень и очень давно в прежней, не только гражданской, а ещё в школьной жизни, когда учился в начальных классах, мне было ужасно лень учить таблицу умножения, падежи существительных и прочее, что требовало механического заучивания и не поддавалось импровизации. Вот тогда-то

мама и рассказала мне про Ивана с девчонкой и пелёнкой. Этого оказалось достаточно, чтобы навсегда запомнить падежи русского языка. Ну, сами посмотрите: «Иван – именительный, родил – родительный, девчонку – дательный, ну и так далее...» С тех детских лет я и пытался систематизировать что-то новое, непонятное, чтобы найти ключ к неизвестному для меня, разобраться в конструкции, выработать некое лекало, которое оставалось только наложить на неизведанное и понять. Впрочем, это касалось только точных наук и части гуманитарных, где всё же требовалось знание каких-то системных вещей.

Итак, перед нами уравнение со многими неизвестными, есть только некий икс – сам Кашель, мля, прямо Мистер Икс. Юркина панама – игрек и зет – место его теперешнего нахождения. Ну, как тут систематизируешь произошедшее?!

Лиса положил винтовку перед собой, да и что толку было пялиться на панаму, если вокруг картина нисколечко не изменилась, ни звука, ни движения, только по виску Гены катилась мутноватая капля пота:

– Серый, похоже – абзац, – шепнул Гена. – Что дальше? – вопросительно посмотрел на меня.

А что дальше? Откуда я знаю, какого ответа он ждёт от меня, да и Малец с Узбеком со своих позиций немо задавали этот же вопрос.

«Иван родил девчонку, велел тащить пелёнку!» Никак не приложить этот шаблон к ситуации, не накладывается и всё.

Ладно, хоть что-то будем делать. Во-первых, с чего это мы шёпотом заговорили? Конечно, на

блоке старались меньше шуметь, ситуация обязывала, но всегда разговаривали нормально, почти в полный голос, так же и смеялись, если было над чем. А тут вдруг шептать начали, насторожились, слух и зрение обострились. Да и мир тоже уловимо изменился, поднимающийся было ветер стих, едва-едва обдувая горячее лицо, обычно в это время ящерики упруго и юрко сновали туда-сюда, выискивая плоские камни, на которых будут весь день нежиться под солнцем, небо очистилось от ночных облаков и застыло в ожидании дневного зноя.

– Так, мужики, – я взглянул на часы с поцарапанным стеклом, полчаса прошло, и минутная стрелка поползла по следующему кругу. – время истекло. Лёха, давай связь, сообщать будем.

Кулаков спокойно выслушал доклад, выдирая из треска и жужжания эфира мои слова, велел ничего не предпринимать, вниз не сходить, ждать команды от него.

Мы ждали, не уходили в укрытие, глазели на панаму по очереди, искали ответы на поставленные Юркой вопросы и загадки. Панама лежала на том же месте, даже разыгравшийся ветер не сдвинул её ничуть. Шохрат приволок каждому остатки вчерашней каши. От еды я отказался, только напился из помятого алюминиевого чайника, втягивал в себя противно-тёплую воду прямо из носика.

Часа через два Кулаков вышел на связь. В общем-то, и без его указаний, каждый понимал, что вляпались мы серьёзно, вся ответственность за происшествие лежит на мне. Командир

сказал, как только услышим вертолёт, спускаться на перевал, обеспечить безопасную посадку и грузиться в машину, весь боекомплект оставить для смены, не предпринимать никаких попыток к поиску Юрки.

И опять ползло время в ожидании, вновь и вновь мы искали усталыми взглядами хоть какие-то признаки движения, хоть что-то, что могло дать понять, куда и как пропал Юрка. Ближе к обеду Малец, схватившись руками за живот, пригнувшись к земле, со стоном рванул в туалет, на ходу расстёгивая куртку, срывая ремень с подсумками. Хлопнула дверь сортира, и донёлся блаженный стон Лёхи, а за ним грохот и урчание газов. Это даже как-то разрядило обстановку, мы с Шохратом закурили, Лиса сунул в рот следующую спичку. Малец приглушённо ворчал на Узбека, ругая его поварское искусство, Шохрат же только улыбался, удовлетворённо кивая, после очередного проявления громоподобного метеоризма. Звук скомкиваемой газеты поставил точку над развлечением, Лёха хлопнул дощатой дверцей, дурашливо потянулся всем телом, собрал своё имущество и улёгся на прежнее место, закуривая и разгоняя рукой первые струйки дыма.

В голове всё кружилось про пелёнки для девочки, я пытался уцепиться хотя бы за что-то, только бы долбаный Иван оставил меня в покое, в очередной раз выпытывал у Лисы, как ушёл Кашель. Гена терпеливо повторял, что Юрка ничего особенного не говорил, просто сказал, что пошёл за оставленными вчера дровами, заодно проверит мины и установит ещё сигналок. Всё.

В обед Шохрат вынес всем по большому куску чёрного хлеба, слегка смоченному водой сверху и густо посыпанному сахаром. Поели, запили водой и вновь вперились мрачными взглядами в ландшафт. Гена жевал спичку за спичкой, ворчал, мол, хотя бы облака набежали, что ли, хоть какое-то развлечение для глаз, последить за тенями каменных пирамидок.

Издали донёлся звук вертолёта, еле уловимый, но уверенный, настойчиво приближающийся. Мы схватили вещи и оружие. Первым спустился Шохрат, пробежал по перевалу на противоположную от блока сторону, на ходу цапнул Юркину панаму, сунул под лифчик, спрятался за камни, выставил перед собой пулемёт. Затем вниз скатился Малец, именно скатился, поскольку зацепился ботинком за камешек на краю природной лестницы, упал на бок, прижал к груди автомат и то ехал на заднице по осыпи, то скользил, как на лыжах, подошвами ботинок, у подножия пытался выровняться, но не смог и тяжело упал на бок. Сквозь пыль, поднятую Лёхой, слышались маты Лисы, мало что видевшего в оптику.

Потом спустился я без приключений, за мной – Гена неторопливо сходил, останавливаясь, приседал, всматривался через прицел.

Вертолёт выскочил из-за гребня скалы, быстро пошёл на посадку. Не успел коснуться колёсами грунта, как из него посыпались ребята из смены. Я с удивлением и стыдом узнал

Татарина и вчерашних парней. Подставил называется. М-да, выходит, ошибался вчера Игорь, говоря о том, что явно больше недели придётся нашей смене тут торчать. Накаркал на свою голову проблемы. Татарин приветливо вскинул руку и проорал сквозь свист винтов:

– Серёг, держись... в полку особисты ждут... – побежал дальше, залёг за пирамидкой.

Сапёр Каримов, по-идиотски ухмыляясь, вскинул руки во вчерашнем прощальном жесте, пробежал мимо меня, запнулся о долбанную вязанку дров, перелетел через них, плюхнулся наземь, беззвучно заматерился, вскочил на ноги, ухватил-таки дрова одной рукой и исчез в пылевой занавеси. Наконец все покинули машину, в проёме борта показался Кулаков, махнул рукой, мол, вперёд, загружайтесь! Внутри скользнул Лёха, опять зацепившийся носком ботинка за срез двери, загрохотал автоматом о металлический пол, вскочил на колени и уполз в сторону хвостовой балки. Шохрат метнулся из пыли, юркнул за Мальцом, мягко скользнул мимо меня Лиса со своей винтовкой, за ним уже на борт влез и я.

Весь полёт в полк я молча сидел рядом с Кулаковым, чувствовал его тяжёлый взгляд. Лицо моё пылало от стыда, нестерпимо давило уши, но я даже не смог сглотнуть слюну, чтобы ослабить давление на перепонки, казалось, что, если не буду производить никаких движений, меня просто не заметят и никто не будет прессовать за произошедшее. Как только вертушка оторвалась от земли, я попытался заговорить, как-то объяснить Кулакову, что у нас случилось. Но грохот двигате-

ля позволял только орать во всю глотку, искажал слова, и командир просто махнул рукой в ответ на мои попытки, показал на уши и велел заткнуться.

Когда Ми-8 сел на взлётке и стал заруливать на стоянку, стало гораздо тише. Я торопливо рассказал, как и когда исчез Кошель. Шохрат сунул в руки Кулакова панаму, Лиса кивком головы подтвердил сказанное мной, а Лёха виновато пожал плечами. Я успел выложить всё, что происходило с места нашей высадки до последней минуты пребывания на блоке, не умолчал и о том, что ударил Кашля и за что. Кулаков слушал молча, изредка поднимая глаза то на меня, то на кого-то из группы. Как только вертолёт замер, лопасти остановились, старлей коротко сказал:

– Конт, драки не было! – обвёл взглядом команду. – Надеюсь, всем понятно?!

Парни собрали вещи и ушли в расположение. Только Малец неудачно потянул своё снаряжение, из перешитого РД сыпанулись заготовки для разгрузок, автоматные подсумки и пара мотков суровой нитки, собирался Малец попортничать, сшить новую сбрую, подлатать старую. А оно вон как обернулось. Лёха как-то одним махом затолкал всё обратно, повернулся лицом ко мне, подмигнул: «Держись, если что, поддержим... ну, сам знаешь...», – и заспешил за ребятами.

Командир поторапливал, мол, успеете ещё наговориться. Пошёл следом. Остановился. Резко повернул ко мне усталое усатое лицо и напомнил ещё раз, что никаких конфликтов не было.

– Сиди тут, жди, сейчас из комендатуры за тобой приедут.

Я даже из вертушки не стал выпрыгивать, сидел на алюминиевой скамье, смотрел сквозь потрескавшийся иллюминатор на серую бетонку взлётки, на такую же серую колючку дальше в пустынном пейзаже, на угадывающуюся на горизонте, тоже серую, гряду высоких горных вершин, пока борттехник не турнул меня с места:

– Чего расселся? Иди на двор!

Я чуть не расхохотался, несмотря на пасмурное настроение. Надо же, на двор! Какое милое, домашнее слово – на двор! И как оно выпадает из этой жесткой жизни. Всё же улыбнулся прапорщику, выпрыгнул на бетонку, отошёл метров на пятнадцать от машины, плюхнулся задницей в пыль и закурил помятую сигарету.

Лётчики уехали на подскочившем уазике, бортач возился внутри вертолётки, погромыхивал чем-то там, затем из машины разнеслись знакомые звуки песни.

«Сомбади, сомбади, сомбади, сомбади йеэ-эээээ... Сомбади, сомбади, сомбади, сомбади йеэ-эээээ...» Кто пел, до сих пор не знаю. Хотя мелодия и слаженные голоса либо трио, либо квартета часто звучат в моей голове, никак не могу найти исполнителя. А эта песня была чуть ли не гимном у вертолётчиков того полка, от которого выделялись машины для выброски нашей и подобным нам групп. Каждый борттехник имел такую каску и ставил её в трофейный «Шарп» при удобном случае.

Через много лет после Афгана смотрел фильм Полански «Апокалипсис сегодня». Помните, там

есть сцена, когда вертолётки летят большой группой над рекой и, заглушая рёв двигателей, в воздухе носятся позывные радиостанции «Доброе утро, Вьетнам!» и вслед «Сатисфекшен» Роллинг Стоунз!? Вот такой же мощью звучала для нас та самая «Сомбади».

Прапорщик уже опечатывал вертолёт, когда вместе с большой тучей пыли к нам подскочила гауптвахтовская таблетка. Начальник гарнизона майор Синий, не выходя из кабины, наорал на невиновного бортача, почему это подлежащий аресту находится не внутри вертушки и не под охраной. Борттехник устало пожал плечами и молча пошёл по своим делам. Я же поднялся с земли, отряхнул штаны и влез в салон таблетки под охрану двоих солдат с автоматами.

Пока ехали на «губу», я успел пожалеть, что не сказал Мальцу о выменянных мною на консервы гречневой каши с мясом подсумки от пятьдесят четвёртых РД, ремней от них же и нескольких тренчиках, брючных ремней. Зачем они ему нужны были? Ха... как же это я забыл рассказать. Лёшка у нас был классным шорником! Это – по словам Кулака. Так как сбрую для переноски боекомплекта и других жизненно важных вещей в горах изготавливал именно Малец. А кто мы, если не ломовые кони? Прём в горы, как владимирские тяжеловозы. Вот нам и нужен шорник свой, чтобы сбруя соответствовала. То есть, конечно, были уставные ранцы и подсумки. Но,

говоря откровенно, если бы народ ходил на войну в тех, что любезно предоставило министерство обороны, ой-ой-ой, насколько больше было бы потерь личного состава!

Однажды Юрка приволок из рейда китайский нагрудный подсумок, который снял с убитого духа вместе с китайским же калашом. Удивительно, азиатские умельцы комплектовали свои автоматы даже нагрудниками! Ясное дело, что каждый боец теперь спал и видел себя хозяином китайской вещицы. Думаю, что и офицеры не отставали от нас в своих мечтаниях. Юрец, конечно же, отдал свою добычу ротному. Кулаков покрутил в руках подсумок, ушёл в свой модуль и вскоре появился у нас в палатке, восхищённо поглаживая разбухшие на груди от автоматных рожков карманы подсумков, проводил пальцами под широкими наплечными ремнями и вздыхал откровенно разочарованно.

– Спасибо, конечно, рядовой Кошель, за такой прелестный бакшиш, но... – снова вздохнул ротный, – придётся отдать. У замполита завтра день рождения, командир попросил отдать для подарка. Вот так! – начал стаскивать с себя подсумок.

– Товарищ старший лейтенант, – затарахтел Малец. – Дайте мне эту штуку на ночь. Я тут покручу, посмотрю, что и как, а утром верну.

– Не вопрос, – не раздумывая, согласился Кулаков. – Бери. Только поаккуратнее, подарок всё же. Да, ещё тут вот на боку, – ткнул пальцем куда-то в левую сторону, – кровь есть. Если сумеешь, отмой!

– Есть! – почему-то заулыбался Лёха.

Он с нами даже на ужин не пошёл, попросил притащить что можно прямо в палатку. Какие проблемы? Принесли и каши в котелке, и банку «Минтай в масле». Когда вошли в палатку с ужином, Юрка вдохновенно распарывал на составляющие китайское изделие.

– Ох-ре-нет! – монотонно, но вместе с тем с ноткой ужаса проговорил Лиса.

М-да, и действительно, ох-ре-нетъ. Вместо ладной конструкции подсумка на кровати валялись куски раскроенной ткани.

– Чего застыли? – улыбался Юрка. – Давайте, помогайте. Выбирайте выпоротые нитки. Всё будет пучком, – гоготнул Малец, – и торчком, разумеется!

Мы быстренько повытаскивали огрызки грубой провощённой нити, когда Лёха закончил разбирать подсумок. Потом попросил принести ему несколько газет. Пришлось тайком выдирать из подшивки «Красной звезды» фактически из-под носа завтрашнего именинника – замполита, майора Дубова, совать газеты под хэбэшку и с независимым видом усесться в курилке возле клубной палатки. Выкурить «Памятину», подстреленную у дневального под грибком того самого клуба, и только потом, не торопясь, вразвалочку, возвратиться в родную палатку, где уже, как стреноженный жеребец, пританцовывал от нетерпения Лёха, ему вторил даже Кашель, укоризненно пожимал плечами Лиса, только Узбек лежал на кровати, взгромоздив босые ноги на металличе-

скую спинку и высвистывал мелодию из «Истории любви», намеренно корявя, уродуя звуки мелодии, выдавая и своё волнение тоже.

– Подумаешь, нервные какие, – подумалось мне. Но внутренне я тоже был сжат как пружина.

– На! – Вытащил примятые газеты и протянул Лёхе.

Как всякий мастер, Малец прищурился чуть брезгливо, глянул сурово на меня, – Ты бы, Серый, ещё из сортира приволок, использованную...

Но уже раскладывал, разравнивал на дощатом полу газетные листы чуть подрагивавшими от нетерпения руками.

– А, ясно, лекала будет срисовывать, – прояснилось у меня.

И точно, Лёха прикладывал отпоротые детали, обводил их по несколько раз зелёным фломастером, писал внутри детали номер, аккуратно зарисовывал в записной книжке в уменьшенном виде то, что обводил, так же нумеровал, и довольно скоро процедура изготовления выкроек подошла к концу.

– Всё, теперь шиваем назад!

Да уж, работка ещё та была. Пришлось всеми правдами и неправдами искать, кланчить, выпрашивать, выменивать на сигареты и прочее большие цыганские иглы, суровую нить, шило у парней, что служили при складах. Удивить их было, в общем-то, нечем, всего у них было в изобилии. Пришлось отдать заныканный давным-давно во время одного из прочёсываний кишлака маленький радиоприёмник «Сони». Он-то и был уже ста-

ренький, о чём свидетельствовали закруглённые грани корпуса, большая круглая ручка настройки прямо под динамиком и такая же с правого бока ручка кремальеры – поиска частот радиостанций. Однако работал исправно, брал диковинные тогда для нас волны эф-эм, довольно чисто, хоть и не очень громко передавал звуки. Приволок его с собой Узбек, думал, может быть, на дембель с собой возьмёт, но тут не поспешил, совсем легко расстался с вещицей.

Всю чистовую работу, разумеется, Малец взял на себя. Нам же пришлось по очереди намётывать детали, прихватывать белой ниткой то, что отпорол так легко Лёшка. Толстая ткань подсумка сопротивлялась, выталкивала остриё иглы, которое тут же подло и услужливо втыкалось в пальцы. В палатке то и дело слышались приглушённые маты, вскрикивания, ежеминутно пальцы оказывались во рту, из них отсасывалась кровь и вновь голова очередной жертвы склонялась к шитью.

Лёха, смотрел, покрикивал, давал указания, потом всё же отошёл, присел у входа в палатку, поскрёб ложкой в котелке, съел рыбную консерву, попил чайку и вернулся к нам.

– Кашель, твою мать! – заорал Малец. – Ты чего сюда впендюрил?!!

Хм, да, чего-то Юрец совсем попутал. Прибабахал на место кармашка для магазина, карманчик для гранаты. И ведь чётко видно, что даже по размеру не подходит. Впрочем, от Сопли этого можно ожидать, чтобы откосить от работы, он готов на всё, даже вот на такое!

– Вали отсюда, – шипел Лёха. – Модельер хренов!

Юрка криво улыбался, но помалкивал.

Всю ночь Лёшка сшивал подсумок обратно. Получилось очень даже замечательно, на подвыцветшей ткани выпукло проступали новые ровные стежки, прямо как на джинсах. Даже кровавое пятно почти стало невидимым, просто напоминало потёртость брезента и всё.

Кулаков только понятиливо кивнул, когда Лёшка вернул ему подсумок.

Сначала Лёха по своим лекалам воссоздал точную копию того самого китайского подсумка. Просто-напросто выкроил из куска палаточного полога и собрал. Повосхищались, конечно, но всё же этого было мало. Нужно было нечто новое, совсем уж личное, что ли, подходящее для войны в горах.

Теперь у нас начались бесконечные споры о том, как сшить и что конструктивное внести для удобства в создаваемый Первый лифчик. Кашель вообще предлагал не париться, а стырить у кого-нибудь с брони спасательный жилет. От этого сразу отказались. Не потому, что стырить, значит что-то плохое совершить. Это – армия. В армии нет слов «потерял» или «украли». В армии есть слово – про...бал! Всё. Этим всё сказано. Не больше и не меньше. Имеешь что-то нужное и дефицитное, изволь организовать сохранность. Не имеешь такой возможно-

сти? Что ж, обменяй, продай или лишись! Другого не дано. Так вот, отказались от спасжилета по нескольким причинам. Во-первых, приходилось видеть его плюсы, очень скромные. Пенопласт из жилета выбрасывался, в образовавшиеся пустоты вставляли магазины, гранаты, патроны россыпью, осветительные и сигнальные ракеты. Много в него входило! Но минусы перевешивали блага. Во время перебежек автоматные рожки легко выскакивали из карманов. Если бой, то попробуй ещё выковырять магазин, он цеплялся углами за ткань, никак не хотел лезть. Ага, и это, напоминаю, во время боя, когда каждая секундка на учёте. Честно говоря, спасжилет можно было всё же довести полностью до ума, распороть его, перекроить, перешить. Так что было принято решение создавать лифчик, или, говоря современным языком, «разгрузку» исключительно с ноля и под себя!

За основу взяли два РД-54. Лёшка отпорол от них подсумки для магазинов и гранат, затем сшил их между собой. Получилось по два кармана на груди для магазинов, а по бокам – для гранат. Ого, получилась дополнительная защита от пуль и осколков!

В общем, путём эмпирических размышлений, теоретических выкладок и практически исколотых пальцев получился удобоваримый во всех отношениях лифчик. Шил их только Лёха, привносил в каждый новый экземпляр что-то новое: то пошире наплечные ремни сделает, то пришьёт лишний карманчик на лифчике для ротного, в

который вставлялись обоймы для «Макара», то ещё что-то выкроит. Творческая мысль не стояла на месте. И тут хоть подавайся Лёха в частные предприниматели. Потянулись к умельцу безрукие горемыки, желающие приобрести в личное пользование лифчик. Лёха, конечно, поддался соблазну, принял несколько заказов, даже плату взял авансом: трёхлитровую банку мёда (откуда, блин?), ящик гранат Ф-1 (на фига?!), три бутылки «шаропа». Совсем-совсем правильного «шаропа», обыкновенной «Русской» водки, цена которой росла ежедневно.

Про этот искус Лёхи Кулаков узнал очень быстро. Зашёл вечером в палатку, молча сгрёб в ручищу Лёхины заготовки и унёс к себе. Возражать было не только бессмысленно, но и опасно для здоровья. Лёха только вздохнул тоненько и отнёс подношения заказчикам. Вернулся с бланшем под левым глазом. Кто-то никак не хотел смириться с таким поступком портного.

Утром ротный увидел художественно оформленное лицо Мальца, удовлетворённо кивнул:

– Шорничать будешь только тогда, когда нужно будет для дела! Всё ясно?!

– Так точно, товарищ старший лейтенант! – вскинул ладонь к правому полю панамы Лёха.

На этом инцидент был «исперчен», опять же, говоря словами ротного. И всё же мысль и смелка не стояли на месте. Там, где располагались два подсумка, теперь выше нашивался ещё один, создавая ёмкость для дополнительного боеприпаса. Потом пришла идея усовершенствовать сбрую, сместить центр тяжести пониже, что весь-

ма и весьма немаловажно в горных переходах. С такой новинкой даже по-пластунски было легче передвигаться. А вершиной интеллектуального труда стало решение брать с собой ещё и сумку от противогаза, куда насыпались автоматные патроны россыпью. Не совсем удобно, что рассыпуха, но зато всегда грела мысль, что кое-какой БЗ имеется. Сумку эту обычно носили на левом плече, через грудь, и специальным ремешком пристёгивали к основному поясному ремню. Может быть, и выглядели мы не так красиво, как Сталлоне в образе Рэмбо, но нам было наплевать на внешнее, наносное, лишь бы самому было удобно, легко и всё необходимое было под руками.

Почти неделю нас мурыжили особисты. Я как командир отделения сидел на «губе», мужикам запретили выходить на боевые, они маялись бездельем между допросами. Меня долго и нудно трепали по очереди незнакомый молоденький лейтенант и капитан из особого отдела, которого я видел и здесь, и в Кокайты. Лейтенант, всегда туго затянутый португеей, в офицерском пэша, с яркой полоской белого подворотничка, в хромовых начищенных блестящих сапогах, бесконечно вынимал из брюк платочки, промакивал пот на лице и шее. Затем аккуратно складывал платок и возвращал его в карман только лишь за тем, чтобы через минуту вновь вынуть его. То, что лейтенант совсем молодой, не обстрелянный, не потрёпанный войной, было видно не только по

его новенькой форме, но и по той моде ношения оружия, которая прижилась только при штабах, да и то только у новых офицеров. Старослужащие уже отделались от нее. Ну, зачем, скажите, зачем таскать с собой по расположению полка не только кобуру с пистолетом, но и автомат за плечом, снаряжённый магазинами. Да-да, именно магазинами! Мой следователь так и входил в комнату для допросов, с автоматом за плечом. Снимал его, аккуратно приставлял в углу, подальше от меня, за столом, поближе к себе. Изредка поглядывал на оружие, любовался, видно, ладно примотанными яркой голубой изолентой магазинами. Глупость всё это. Вредная глупость. Если бы лейтенант поинтересовался, отчего я так презрительно смотрел на его автомат, я бы рассказал ему, что всё это игрушки и даже пояснил, почему.

Какой-то мыслитель здесь, в Афгане, решил, что спаренные рожки очень и очень нужное дело, поскольку якобы дают возможность быстро перезарядить автомат. Дальше – больше. Некоторые его последователи умудрялись скрутить вместе даже три магазина! Да уж, воистину, человеческая мысль есть зело велика и всеобъёмна. Впрочем, посудите сами, так бы я начал свою речь, естественно, содранную со слов комроты. Если ты «на войне» залёг где-то за камушком маленьким, упёрся магазином в землю, куда сам хочешь врыться по самую маковку, долбишь из «калаша», елозишь рожком. Тут, на тебе, патроны в первом магазине закончились. Суегливыми ручонками отстёгиваешь пустой магазин, вставляешь второй, тот самый, который изолентой к

первому прикреплён. Суёшь его на место, передёргиваешь затвор, а тут тебе – ага. Засорился магазин от пылищи, патрончик – хоп, и перекосило, заклинило оттого, что засорился патронник. И вот тут самое интересное начинается. Бой идёт, а ты мордуешься с извлечением того самого грязного патрона. Красота?!

Ещё были самоделкины, что таскали с собой на «калашах» магазины от РПК. Бесспорно, патронов в них ровно в полтора раза больше, чем в автоматных. И это есть весомый плюс. Но! Представьте себе опять же бой на открытом месте, когда вжимаешься в любую неровность, чтобы скрыться от глаз и пуль вражин. А никак! Никак не выберешь лишнего сантиметрика, чтобы голову спрятать, поскольку торчит твоя маковка, пусть и в каске, на целых десять сантиметров выше, чем торчала бы бестолковка с обычным автоматным магазином. Почувствуйте разницу, как говорится! Ничего этого пока лейтенант не знал и поэтому красовался с глупыми сдвоенными магазинами. Да Бог с ним! Может быть, потом поймёт или расскажет кто-нибудь из боевых офицеров. Нет. Так и будет ходить до замены.

Вопросы лейтенант задавал заинтересованно, просил помногу раз повторить сказанное, пытался уцепиться, как и я тогда, на посту, хоть за что-то, что могло помочь понять, куда и почему девался Юрка. Позволял курить во время допроса его дешёвые сигареты без фильтра «Донские», предлагал воды. Все мои слова он тщательно записывал на бумагу ровным округлым почерком, уверенно заваленным влево, перечитывал,

исправлял ошибки. Читать написанное не давал, в конце допроса вкладывал листы в целлулоидную прозрачную розовую папку, щёлкал кнопкой застёжки и вызывал конвой. За семь дней папка солидно потолстела, что, видимо, придавало уверенности лейтенанту в скором раскрытии дела.

Капитан же, полная противоположность лейтенанту, сидел за столом в форменной рубашке с короткими рукавами, расстёгнутой до пупа, в солдатских хэбэшных штанах и в пластиковых тапочках на босу ногу. На допросы приносил с собой вентилятор, такой старинный агрегат. Видел я такие в далёком детстве на работе у мамы. Коричневый металлический корпус, резиновые изогнутые лопасти, массивная станина и чёрная кнопка немалых размеров. Следовательно устанавливал вентилятор в режиме «подхалима» на краю стола, и горячий воздух обдувал то его, то моё лицо, создавая иллюзию прохлады. Капитан сам курил, мне не запрещал тоже, но сигарет у меня не было, а он не предлагал своих. Его допросы отличались стремительностью, хотя в них чётко прослеживалась та же методика, что и у лейтенанта, вопросы повторялись раз за разом. Записи допросов прекратились на второй день. Корявым почерком на нескольких листах капитан записал что-то, изредка поглядывал в них, чувствовалось, что он давно понял бесперспективность так называемого дела, поэтому отчаянно скучал, всем своим видом показывая, что это осточертело ему ещё больше, чем даже мне. В заключение нашего очередного общения, капитан просто выставял

меня за дверь, указывая на неё ладонью, представляя мне самому сдать конвойному.

Так и шли дни за днями. В девять часов утра меня вели на первый допрос, в полдень возвращали в одиночную камеру, караульный приносил котелки с кашей и супом, я съедал обед и ждал, сидя на земляном полу, следующего допроса. Гауптвахта была у нас импровизированная. Одинок стоявший загон для овец, связанный из тонких жердей, обмазанный глиной вперемешку с мелко нарезанной соломой. Крыша тоже была сложена из жердей, поверх навалили верблюжьей колючки. В общем, тюрьма была прозрачной, сквозь многочисленные щели свободно проникало солнце, но в то же время глиняные стены достаточно долго держали ночную прохладу и раскалялись ближе к вечеру, когда я возвращался после допроса. Охрана «губы» была такой же призрачной, как и крепость стен помещения для арестантов. Солдаты сидели в тени, меняя своё расположение соответственно передвижению солнца. При желании можно было легко уйти оттуда, но только некуда, разве что в родную палатку. Парни приходили ко мне поздно вечером, после отбоя, садились за глухой стеной, просовывали сквозь щели мне сигареты, кое-что из жратвы, и мы подолгу либо молчали, либо потихоньку разговаривали обо всём, не трогали только темы, касающейся Юрки. Через пару дней после возвращения в часть и моего ареста Лиса подтвердил сообщение Негорюя о том, что действительно началась крупная войсковая опе-

рация, в результате которой мы могли зависнуть на блоке не только на пару недель, но и провести там целый месяц. Так и случилось, только вот торчала на перевале группа Татарина.

Парни заметно нервничали, да и я тоже. Ведь раньше как было. Если начиналось какое-то активное движение, одними из первых в место предполагаемых боевых действий выдвигалась и наша группа, среди множества подобных. И это было нормально, и это было хорошо и правильно. Теперь же мы сидели в полку, ждали, чем закончится следствие.

Приходил ко мне и Кулаков. Как и парни, садился у стены, просовывал мне пачку болгарских сигарет, даже шоколадку сунул, просил вспомнить всё, что произошло на посту. Я охотно ему всё рассказывал, вспоминал поминутно, кто и что делал, о чём говорили, за что я ударил Кашля. Ротный молча слушал, вздыхал, никак не комментировал мой рассказ, только перед уходом ещё раз вздохнул тяжело, легко хлопнул ладонью по глиняной стене, однако этого хлопка хватило, чтобы несколько пластинок штукатурки легко заскользили вниз, зашуршали по соломенным вкраплениям:

– Да, Серёга, это – залёт! – Поднялся с земли и добавил, – ладно, отдыхай!

А я и правда отдыхал. Чувство бессонницы я ещё не испытывал, угрызения совести за пропажу Юрки тоже не мучили меня. Да и с чего вдруг? Ведь ничего, абсолютно ничего не могло подвигнуть Кашля на уход. Однако же ушёл. Ушёл, и всё тут.

В том, что Юрка ушёл сам, я уже не сомневался. В ходе допросов ситуация на блоке прояснялась, по крайней мере для меня. Как могло случиться так, что духи совершенно беззвучно похитили бойца Советской армии, да не молодого, желторотого, а обстрелянного не единожды годка. Ладно, допустим, подкрались они близко. Там, за теми камнями, где осталась панاما, легко было устроить засаду, не спорю. Но ведь хоть как-то Юрка мог подать знак, что там духи. Если не заорать или выстрелить, то хотя бы замычать, стукнуть автоматом по камням. В утреннем бесшумном воздухе звук разнёсся бы звонко и далеко. На посту тогда был Лиса, и Юрка хорошо знал об этом. Однако... вот и есть, что только полувопрос, полунедоумение... Гена тщательно разглядывал место исчезновения Кашля, я тоже шарил биноклем, но, кроме панамы, ничего не было, ни пятен крови, ни ещё чего-то, чтобы указывало на место борьбы и пленения бойца. Хорошо, ещё раз допустим, мы не смогли изучить внимательно, но ведь после нас место точно рассматривали, приноживались, прислушивались... Хотя... стоп... А кто бы это делал? Очень сомневаюсь, что у Татарина была такая возможность, а кроме его группы после нас там никого не было. Ведь я даже не успел Игорю ничего рассказать, так, перекинулись на бегу парой слов. Кулаков даже из вертушки не выскакивал, ждал нас внутри. Вопросы, вопросы, вопросы. А ответов на них нет. С этими мыслями я засыпал каждую ночь, утром просыпался и старался не думать об этом, поскольку думали за меня следователи особого отдела. И всё

же я нервничал, психовал, никак не мог понять алгоритма действий Юрки, ну никак не встраивалось произошедшее в «Иван родил девочку, велел тащить пелёнку», никак не накладывалось лекало, хоть убей. А может, и правда, Кашель так обиделся на меня за то, что я его ударил, и решил уйти? Да ну, глупость какая-то! Он мог сто раз так поступить, поскольку бит был не единожды за собственную дурость, да уйти более комфортно, хоть в Кабуле, хоть в Кандагаре, хоть в Газни.

Лейтенант начинал заметно нервничать, пытался орать на меня, всё выпытывал, что я от него скрываю. Ну а что я ему мог рассказать? Ведь выложил всё, кроме того, конечно, что ударил Юрку.

Я никак не мог понять, чего хотят от меня офицеры особого отдела, куда клонят. Нет-нет, но каждый из них рано или поздно спрашивал, употреблял ли я наркотические вещества, к примеру, опиум, анашу или ещё что-то. Я упорно отказывался от этого, ничуть не кривя душой при этом. Не курил я ничего, кроме папирос и сигарет, не нравилось мне это и точка! Курил ли кто-то из наших солдат? Не знаю, не видел, не подозревал, не замечал. Да и вообще, они что, первый день в Афгане, не знают, что каждый второй здесь балуется чарсом. Достать его не проблема даже в расположении полка, не говоря уже о выходах.

Много раз я чертил схему расположения блокпоста, крестиками и буквами обозначал

место нахождения каждого из наших ребят на момент исчезновения Юрки, рисовал панаму и обозначал схематично расстояние от неё до точки, откуда её заметили. Писал расписание и очередность заступления в караул. Вспоминал, о чём разговаривали, что говорил Юрка, что ему на это отвечали я, Узбек, Лиса и Малец. Не замечал ли я чего-то странного за пропавшим солдатом, не провоцировал ли он разговорами нас, не призывал ли сдаться в плен. Всё это выглядело так странно и смешно, что я однажды не выдержал и засмеялся. В тот раз допрашивал капитан. Он резко вытянул руку и хлестнул ладонью меня по щеке, вернее, попытался хлестнуть, поскольку я, хоть и смотрел в этот момент в стол, всё же успел отклониться чуть в сторону и назад. Ладонь обдала моё лицо сгустком тёплого воздуха, приятно пахнущего одеколоном, лишь жёсткий удар ногтя среднего пальца зацепил по нижней губе, оцарапав и раскровянив её. Это было неожиданно и очень мерзко ощутить чужой жёсткий ноготь возле рта, ещё долго я чувствовал это скользящее прикосновение. Тогда я вскочил со стула, отбросив его ногой, прижался спиной к дощатой стене, принял хоть какую-то защитную стойку и только тогда взглянул на капитана. Он всё так же сидел за столом с неловко выставленной вперёд рукой, смотрел в моё перекошенное брезгливостью и бешенством лицо, в его глазах читались досада и удивление тем, что пощёчина не удалась, сорвалась по каким-то причинам. Капитан вскочил со стула, кинулся было ко мне, но остановился, слов-

но упёршись в ненависть в моём взгляде. Тогда я был готов на всё: кинется – пойду в контратаку. Собственно, даже руки заболели у меня тогда, кожа на костяшках сначала побелела, потом налилась нездоровой краснотой.

– Ну, сунься, капитан! – Почти просил я внутренне. – Сунься...

Я чётко представлял себе, что буду делать. Обманно, но от души проведу правый боковой в голову капитана, а левой рукой нанесу удар под четвёртую, сегодня застёгнутую, пуговицу на рубашке офицера, как раз в солнечное сплетение.

Особист усмехнулся, неловко взмахнул ещё раз рукой, вовремя не смог остановить её, и она, описав неуклюжий круг, не смогла вовремя остановиться, ударила по лопастям туго вращавшегося вентилятора, вмиг свалившегося со стола и недовольно зажужжавшего, захлёбывающегося, словно лопасти подбитой вертушки, где-то у пола.

Допрос в тот раз закончился быстро.

На седьмой день моего ареста капитан выключил вентилятор, протянул полупустую пачку «Мальборо», пригласил угоститься. Я прямо оторопел, но вынул сигарету, прикурил от зажигалки офицера, жадно затянулся ароматным дымом.

– Ладно, сержант, свободен! Можешь идти, – и слегка улыбнулся мне, как показалось тогда, даже одобрительно.

Я встал со стула, направился к двери и всё ждал, когда в спину достигнет сакраменталь-

ное: «Пока свободен...», но капитан промолчал, и я, чувствуя огромную лёгкость в ногах, вышел из осточертевшего кабинета, ожидая встретить конвой за дверь, но в коридоре модуля не было никого. Прошёл к выходу, вышел на улицу, увидел в курилке, расположенной неподалёку от одноэтажного фанерного здания штаба, всех своих ребят. Устало пошёл к ним, с охотой прикурил новую сигарету из примятой пачки «Памира», предложенной Шохратом. Молча сидел на горячей скамейке, смотрел на парней. Лиса безучастно перекидывал из угла в угол рта спичку, Малец вертел в руках отстрелянную гильзу от ДШК, Шохрат привалился спиной к одному из четырёх столбиков, на которых крепилась крыша курилки, закрыл глаза, сложил руки на груди и что-то замурлыкал потихоньку.

– Ну вот, мужики, вроде бы отпустили, – неуверенно заговорил я. – Хм... свобода!

Лиса широко заулыбался, сунул ладонь для пожатия. Лёха тоже обрадовано закивал головой. Шохрат подмигнул чёрным глазом, дурашливо завопил, подражая Градскому:

– За-гу-за-гу-за-гу-лял, загулял пар-ниш-ка, па-рень мо-ло-дой, моло-доооой...

И так стало тепло на душе, так, действительно, захотелось загулять, стряхнуть, смыть с себя пот ареста, неизвестность ожидания, скуку и липкость допросов, что аж в носу защипало, как когда-то давным-давно, в детстве, когда от бессмысленной и злой обиды хотелось зареветь, уткнуться в мамины колени, выплакаться и в их тепле забыть об огорчениях.

Гораздо позже я узнал, что благодарить за освобождение нужно было Шохрата. Но к тому моменту, его уже не было в живых. Кулаков рассказал, что на допросе Узбек дал показания о том, что он сам похитил у Кашля спичечный коробок с анашой, дабы тот не накурился и нёс службу в соответствии с уставом. На вопрос, куда он дел наркотик, Шохрат ответил, что выбросил ещё там, на блокпосте, куда-то вниз, к скалистому ущелью. Следователи порешили, что рядовой Кошель ушёл на поиски травки и либо сорвался с горы, либо попал в плен к духам. Месяца через два после его исчезновения, командование полка отправило домой цинк, наполненный старым обмундированием, с некоторым количеством песка, чтобы вес соответствовал телу. Гроб запаляли, открыть его не было никакой возможности. Так что похоронили родители своего сына, на могильной плите написали «Погиб при исполнении интернационального долга».

Мы ещё долго натыкались на Юркины вещи в палатке. То старые ботинки его нашлись, то хэбэшка, постиранная запасная, оказывалась у старшины, он отдал её молодым на подменку, то из прикроватной тумбочки убрали щётку, зубную пасту и станок для бритвы с разлезшимся помазком. Личные вещи Кашля, его фотографии, письма, брелок с ногтерезкой, около сотни чеков рублёвыми бумажками, другие мелочи старшина аккуратно сложил в маленький посылочный ящичек, и его отправили вместе с цинком матери Юрки.

Месяца через два началась очередная подготовка по проведению крупной войсковой операции на Панджшере. Наша группа тоже выдвинулась туда. Достаточно много разведгрупп находилось в Мармоле, блокировали входы и выходы из него, обнаруживали лагерь духов, вели за ними наблюдение, в бои не ввязывались, но ясно давали понять моджахедам, что они находятся под пристальным вниманием шурави. Нет-нет да снимали наши снайперы духовских разведчиков, а то и огнём из пулемётов отгоняли от возможных лазеек вооружённого врага. Мы тоже вели себя крайне осторожно. Без особой надобности не высывались из укрытий, не передвигались в полный рост по расположению, даже ночью старались наиболее незаметно и скрытно ходить по разным надобностям. Консервы с тушёнкой или кашей открывали потихонечку, съедали содержимое алюминиевыми ложками, затем отползали подальше, аккуратно ставили банки так, чтобы не зацепить их лишний раз, иначе любой звон мог пробудить охотничий инстинкт у вражеских снайперов.

Надо сказать, что место для наблюдения не самое приятное. Высота почти четыре тысячи метров над уровнем моря. Солнце днём всё испепеляет. Тенёчек, скромненький даже, найти трудно в скальных трещинах. Мы изнывали от жары в ситцевых маскхалатах на голое тело. Ночью же, наоборот, в полном горном снаряжении и бушлатах мёрзли. Кровь разогнать в движении никак

нельзя – духи ведь тоже не дураки, свои дозоры выставили, а те уж на каждый шорох вели прицельный огонь. Очень серьёзное место. Моджахеды в пещерах и склады артвооружения обустроили, и госпиталь, и места лёжки.

Такое «большое сидение» уже начинало раздражать к исходу третьих суток. Только начали готовиться ко сну, как к нашей группе, прячась за россыпью крупных валунов, пробрался ротный. Сообщил, что где-то там, внизу, вблизи кишлака, в неприятную ситуацию попала мотоманевренная группа пограничников на одном БМП. Попали в засаду, был бой. Со стороны погранцов есть потери, двое ранены и погиб сапёр. Пострадавших эвакуировали вертушкой. Из боя-то ребята вышли победителями, могли и уйти, но обнаружили неподалёку от места засады пещеру, где нашли явные признаки того, что ближние подходы к мармольскому кишлаку заминированы. Судя по тому, что множество разноцветных проводов уходили из пещеры куда-то под землю, поняли всю серьёзность ситуации. Духи явно подготовили минные поля, да не просто нашпиговали противопехотными минами и растяжками, но и наставили радиоуправляемые и с электродетонаторами. Чего там, соединил два проводка, вот тебе и взрыв. Вот и запросили помощи пограничники, нужен сапёр. А коли мы ближе всех к ним оказались – нам и идти.

Собрались быстро, Кулаков пошёл с нами, оставил за себя лейтенанта Зимина, старого боевого волчару, командира первого взвода. Ушёл

ротный с нами, поскольку чувствовалось, что жаждет его душа поиска и свободы, чего нам было не занимать. Всё время в движении, а тут, на командной работе стал чуть-почуть закисать Кулаков. Ушёл, конечно, только по согласованию с вышестоящим начальством, выслушав от них многоэтажный мат, постановку задач и тому подобную хрень.

Недели три назад группу пополнили новым сапёром, Сержиком Оганесяном, молодым бойцом, прибывшим из учебки в наш полк. Ротный разнюхал, что Оганесян вполне приличный специалист, выдрал его из соседней роты, уговорил командира, что-то даже подарил ему, то ли «Шарп» трофейный, то ли ещё что-то. В общем, обмен состоялся. Сержик, а именно это имя было записано у него в военном билете, оказался отличным парнем. Армянин из Баку. Мы долго думали, какое прозвище-позывной ему присвоить. Сержик сам помог. Была у него мечта – после службы в армии закончить ПТУ и стать трактористом. Даже в горы с собой он взял книгу «Трактор ДТ-75», пытался читать её, разглядывал чертежи и схемы, но почему-то остановился на пятнадцатой странице, и дальше дело у него не шло. По-моему, до самого моего дембеля в учебнике закладкой так и была заложена всё та же пятнадцатая страница. Прозвали Сержика Дизелем, техника его мечты заправлялась соляркой. Сержик не возникал по этому поводу, легко отзывался на прозвище. Был он небольшого роста, крепкий, лицо украшали огромные чёрные глаза, а вот

уши несколько портили портрет, крупные мясистые, чуть заострённые кверху.

Шли к пограничникам почти всю ночь. Осторожно ступали по тропе, огибали крупные камни, перешагивали через мелкие, выверяли каждый шаг. Впереди шёл Шохрат, чутко прислушиваясь к звенящей тишине. За ним двигались Малец с рацией за спиной, Лиса, с прижатой к груди винтовкой, потом я и Дизель, замыкающим шёл Кулаков. По ходу движения Узбек обнаружил растяжку, снял её сам, потом уступил место во главе нашей коротенькой колонны Сержику, который рассерженно сопел, наблюдая, как Шохрат на ощупь искал конец проволоки, где придавленная камнем лежала эфка, готовая выскочить из-под груза, если бы мы зацепили и потянули растяжку, ну и рвануть, конечно же, блеснуть ярким разрывом в темноте и впиться множеством зазубренных осколков в наши тела. Вот суки духи, всё-таки смогли установить прямо у нас под носом ловушки! Всё же эти препятствия нас серьёзно задержали в пути. К тому времени, когда солнце уже стало просыпаться, продирайтесь к изломам горных вершин, мы были ещё только на подходе к кишлаку, километрах в пяти от него. Решили сразу спуститься вниз, пересечь дорогу, уйти в зелёнку и уже по ней пробираться к погранцам. Да не тут-то было.

Места эти нам не знакомые, не приходилось здесь бывать. Как только вышли на равнину,

откуда-то из зарослей кустарника по нам затарахтел пулемёт.

Залегли. Чёрт, камни мелковатые оказались, те, которые с дороги отбрасывают, дабы не мешали движению. Когда-то осыпи были, вот и скатились камни на дорогу. На БМП, БТР или танке проскочить без проблем, а вот на «шишиге» или КаМАЗе уже проблематично, а если уж на арбе или просто на лошади, то можно и в аварию попасть. Слава богу, что хоть эти камни тут оказались, всё же защита.

Лежим, всматриваемся в зелёнку. Я чуть ворочаю головой, оглядываюсь, пытаюсь рассмотреть, где остальные, определяюсь, что и как, и кто где. Мало ли, надо же знать оперативную обстановку. Ага, вон, справа, метрах в пятнадцати от меня ротный растянулся, поднял правую ладонь над землёй, мол, всем лежать, показал двумя пальцами на глаза и ими же ткнул в сторону стрельбы. Да и так всё ясно, командир! Смотреть надо, искать вражин. Чуть подальше от Кулакова замечаю каску Мальца и антенну рации. Наверное, Лёха пытается на связь выйти то ли с пограничниками, то ли с полком. Поворачиваю голову влево – никого. Сзади слышу шёпот Шохрата:

– Серёга, спокойно, мы тут с Лисой... гы... тылы прикрываем.

Дизеля заметил раньше, он споткнулся впереди меня и залёг, когда я ринулся к своему камешку.

Я всё же попытался увидеть их, чуть приподняться пришлось, иначе шея не поворачивалась. И тут же из зелёнки яростно хлестанул пулемёт.

Мать твою... я попытался вжаться глубже, влезть под камень. Да куда там. Камень плосковатый какой-то, наверняка то каска моя выгянет, то задница мелькнёт. Выудил из чехла лопатку, пытаюсь окопаться. Короткое лезвие упорно вгрызается в каменистую почву, отбрасываю левой рукой из ямки щебень и пыль. Улавливаю такие же движения справа, и сзади доносятся такие же звуки.

Духи понимают, что мы делаем, долбят не переставая, пробуют грохнуть нас прежде, чем мы сможем получше закрепиться. Нормально, жить пока можно, сантиметров на двадцать выкопал себе убежище вглубь. Больше пока и не надо. Теперь даже подкопал камень-укрытие с правой стороны, выставил туда ствол автомата, высматриваю, откуда по нам шмаляют.

Тишина. Знаю, что сейчас каждый из нас впился взглядом в зелёнку. Солнышко приходит нам на помощь, вырывается-таки из-за скал, бьёт по глазам духам, не даёт нормально прицелиться.

Сзади слышу голос Гены:

– Мужики, вижу! Сейчас стреляю, смотрите – камень прямо перед нами. За ним за кустами стена, в ней окно-амбразура. Оттуда бьют.

Я всматриваюсь до рези в глазах. Камень вижу, кустарник тоже, а вот стену, а тем более амбразуру – нет. Интересно, кроме Лисы ещё кто-то что-то видит?

– Бах!

Не реагирую на выстрел сзади, вижу, как пуля выбивает пыль и кремнистые осколки из сте-

ны. Есть! Теперь и я увидел сложенный из камней дувал, небольшое, вытянутое вдоль узкое оконце.

Кулаков вполголоса говорит всем:

– Парни, лишний раз не стреляйте. Просто следите за возможным передвижением духов. Лиса – повнимательнее. Дизель, Малец, прикрывайте тыл. Аккуратнее там! Узбек, пулемёт к бою, попробуй достать амбразуру.

Не успевает ротный договорить, как Шохрат лупит длинной очередью по узкой щели. Пули ложатся выше, визгливо уносятся в ветки кустарника, срикошетив о камень, сбивая листву.

– Узбек, пониже возьми, попробуй сбить кустарник, – прошу я Шохрата, – плохо вижу, что там.

Шохрат ещё раз длинно стреляет, но быстро замолкает, поскольку духи в ответ открывают огонь.

Почти бесшумно хлётко ударяет выстрел винтовки. Лиса ругается:

– Твою мать... ведь попал туда, в щель, а никого не зацепил...

– Что видишь, Лиса? – спокойно спрашивает ротный.

– В общем, похоже на дот, – докладывает Гена. – Со стороны дороги у них две амбразуры. Вон она, вторая, ниже сантиметров на пятьдесят и правее на метр.

Я слежу глазами за указаниями Лисы и точно замечаю всё, о чём он говорит, вижу очертания грубо сложенного каменного укрытия. Ну, грубо не грубо построено, нам от этого всё равно одни

проблемы: в горы назад не уйти, влево или вправо тоже, как на ладони будем, из пулемёта нас положить, как два пальца об асфальт!

Кулаков достал бинокль, прижал наглазники к лицу, смотрит и думает. Вижу струйки пота на его висках, они скатываются по щеке, наливаются крупными каплями, срываются с кожи и расплываются жирными пятнами на рукаве бушлата. Откуда я знаю это, если достаточно далеко нахожусь от командира и видеть на могу в подробностях? Так догадываюсь, поскольку сам уже потею. Мда, ещё с полчаса и солнце начнёт нас медленно зажаривать. В бушлатах и бронежилетах лежим, получится мясо шурави в собственном соку. Хм, вкусно, наверное, душкам будет. Постепенно начинаю выдираться из бронника, стягиваю бушлат, вынимаю из его карманов пачку «Охотничьих», спички и две гранаты. Курить я вовсе и не собирался, просто для сохранности сигареты вынул, чтобы уцелели. Всё кладу перед собой, бушлат же откидываю в сторону, нет ему тут места. И тут же в меня летит пулемётная очередь духов. Пока отвлекал их, Кулаков и Малец тоже стянули с себя лишние вещи. Думаю, Лиса, Узбек и Дизель сделали то же самое.

Теперь напяливаю бронежилет обратно на себя. Эх, красота, без бушлата я ещё надёжнее спрятан от духов, ещё глубже прячусь за камнем.

– Лиса, сколько их там? – кричит Кулаков.

Слышу, как Гена выплёвывает спичку и задумчиво отвечает:

– Не пойму, трое или четверо. На одном точно серый пакуль, второй в тубетейке, третий в чал-

ме, а четвёртый просто лысый... – Лиса замолкает. – Впрочем, может быть, лысый тот же, что и в чалме был. Темно там у них, – словно извиняется снайпер. – Рожи плохо видно!

Смотрю на циферблат часов. Мои часики, трофейные «Омакс», пострадали во время стычки. Когда это я успел хрястнуть их о камни?! Стекло циферблата покрылось сеточкой трещин. Вот же, а кто-то ведь говорил, что на «Омаксе» вместо стекла хрусталь стоит, такой ребристый, с чёткими гранями, словно драгоценный камень и твёрдый, хрен разобьёшь, даже если постараться. Видать, я постарался. Не только циферблат хрястнул, вон и локоть на правой руке саднит, расшиб, когда сунулся к земле от пуль. И не заметил ведь. Жалко часы. Ну да черт с ним, с «Омаксом», какие наши годы!

Уже давненько, может быть, с полгода назад, взяли мы караванчик небольшой, всего-то – четыре полугрузовые «Тойоты». Шли они по Калатке, так мы, шурави, называли дорогу, ведущую от Кандагара до Кабула. Что везли, было непонятно, поскольку кузова пикапов были плотно затянуты выгоревшим, белёсым брезентом. В любом случае караван нужно было брать, мало ли что они могли везти сюда, вглубь Афганистана: оружие, взрывчатку, мины или наркотики. Если уж мирный груз, то господь с ним, пусть везут, несмотря на то, что всё, что перевозилось из соседних стран, было контрабандой. Но наше-то какое дело? Везут и везут, надо же как-то суще-

ствовать дуканщикам, оптовикам, да и простому люду.

Всегда меня поражало и удивляет до сих пор изобилие товаров в воюющей стране. Просто уму непостижимо. К примеру, рынок в любом мало-мальски крупном кишлаке. Я уже не говорю о городишках. Купить можно всё. Дервиши бродячие всегда могут рассчитывать на какие-то лохмотья, драные, прожжённые во многих местах плащи-накидки, завшивленные, дырявые головные уборы: тюбетейки, чалмы, пешаварки. Более избалованный нищий люд мог позволить себе старые, поеденные молью и временем пакули, пластиковые сандалии, мы их называли «кандарками», что-то очень похожее на современные пляжные тапочки. Наряду со всем этим лохмотьем легко можно было купить кожаные куртки или плащи из тончайшей, великолепно выделанной лайки, дублёнки, с мягкой овчиной внутри, джинсы, не только азиатского хренового качества, вроде «Монтана» или «Бруклин», а настоящие, американские «Леви Страус», «Ли» или «Роки». Конечно, приобрести на дембель такие штаны да плюс трикотажные рубашки-батники было зачастую невыполнимой мечтой солдата из ограниченного контингента. Помимо шмоток, поражало изобилие технических товаров. Радиоприёмники, телевизоры, видеомагнитофоны, обычные магнитофоны японского производства каждый из нас мог видеть на гражданке только в импортных рекламных журналах. Надо сказать, что аппаратура работала от батареек, в редких случаях кто-то из местных жителей мог похвастаться наличием

ем аккумуляторов. В продаже были и различного вида батареи, начиная от мотоциклетных «Хонда» до огромных вертолётных, танковых или камазовских. Огромные терриконы различных приправ к пище соседствовали с бытовыми приборами, разноцветные молотые перцы, чаман, шафран, барбарис, гвоздика и прочее, и прочее, аппетитно пахнущее, было насыпано на тряпки, расстеленные, в лучшем случае, на досках прилавков, а то и просто на земле. Ветер взмётывал придорожную пыль, смешивал её с сумасшедшими запахами приправ, потом носил по базару, заставляя чихать и кашлять покупателей и торговцев.

Если бы караванщики тогда остановились по первому нашему требованию, могли бы остаться в живых. Однако, когда на дорогу вышел Шохрат метрах в пятидесяти от приближающихся автомобилей, поднял руку, давая понять, что нужно остановиться, из пассажирского окна первой «Тойоты» высунулся автоматный ствол, и пули прочертили дорожку у самых ног Узбека. Конечно, напрасно они это сделали. Неужели не понимали, что вот так, запросто, никто бы не вышел на дорогу. Безусловно, знали, но поскольку шли из Пакистана от ущелья Шенарай, то ещё и прекрасно понимали, что их могут перехватить либо духи, либо мы. Торопились ребята в кишлак Назаркала, там могли на какое-то время затаиться, спрятать машины. Кишлак недаром пользовался не очень хорошей славой, «отстаивались» частенько там и грузы с вооружением, и раненые духи могли отлежаться, даже формирова-

лись некрупные, но достаточно боеспособные соединения моджахедов. Знало об этом и наше командование, периодически шерстили кишлак, прочёсывали, пытались установить договорные отношения. Но, видать, страх перед моджахедами пересилил льготы, предлагаемые шурави, хоть и страдали жители от боевых действий, неизбежно проводимых советскими войсками во время проводки через кишлак крупных караванов. Да и кому могли понравиться бомбовые удары по жилищам или артобстрелы. Терпели жители и жестокие расправы над собой, когда раздосадованные потерями грузов караван-баши срывали свой гнев, резали глотки первым попавшимся назаркалинцам, обвиняя их в том, что своевременно не сообщили о готовящемся нападении на караван.

Кашель ударил из пулемёта прямо под колёса грузовичка, потом повёл ствол вверх, перечёркивая лобовое стекло. Пули разодрали резину, хлестнули внутрь кабины, попутно размолотили радиатор, откуда сильными струями выплеснулись пар и вода. «Тойота» словно наткнулась на стену, резко повернула вправо, туда, где вот только что стоял Шохрат, упёрлась голыми передними дисками в большой плоский камень и опрокинулась на правый борт, покачалась мгновение и рухнула на кабину.

Узбек откатился достаточно далеко, уже пришёл в себя и короткими очередями из автомата бил по «Тойоте» до тех пор, пока не взорвался её топливный бак. Машина подпрыгнула на месте,

из неё никто не выскочил, даже не попытались открыть дверцы.

Всё это я видел не очень ясно, так, боковым зрением, поскольку был сосредоточен на последнем автомобиле, из которого тоже пытались вести огонь, но не прицельно, так как нас трудно было засечь в придорожном глубоком пересохшем арыке. «Моя» «Тойота» (отслеживаемая мной бежевая «тойота», та «тойота», за которой я следил) бежевого цвета остановилась только тогда, когда ударились о впередиидущую, такую же, только серо-голубую. И в этот же момент раздался сильный взрыв. Пламя вырвалось из-под брезента грузовичка, мощным вихрем втянуло в себя раскалённый пламенем воздух, устремилось в небо, затем распухло мягким грязным грибом, из которого во все стороны ринулись осколки, камни и большие куски разорванных автомобилей.

Две уцелевшие машины остановились, из них бешено лупили по нам из автоматов. Пришлось немного подождать, когда начал стихать ураган выстрелов, магазины-то у них не резиновые. Из белой «Тойоты» выкатился на дорогу водитель, кувыркнулся в пыли, встал на одно колено, стрельнул коротко в сторону Узбека, пригнулся к земле и рывком бросился к арыку, где ему ничего уже не светило, поскольку он свалился прямо под ноги нашему ротному. Кулаков встретил его затылком автомата, ударил точно в челюсть. Если бы не грохот выстрелов, шум пламени горевших машин, наверняка бы можно было услышать треск ломаемых костей челюсти. Дух

обмяк серой тряпкой, выпустил автомат из рук. Старлей отбросил его ногой подальше от себя и вновь сосредоточился на автомобилях.

Забили тогда караван достаточно быстро и более-менее успешно. Установить, что именно и сколько оружия и снарядов везли в грузовичках, не представлялось возможным.

В уцелевших машинах обнаружили огромное количество наручных часов. Были там и электронные часики в металлической и пластмассовой оправе. Да каждый, наверное, помнит такие, с семью мелодиями, с калькулятором или без него. Были часы и посерьёзнее – «Сейко», «Омакс», «Ориент». По праву победителей каждый из нас взял себе понравившийся экземпляр. Мне приглянулись «Омакс» с жёлтым, как тигровый глаз, циферблатом. Можно было взять и больше, но куда и зачем? Набили Юркин рюкзак целой охапкой трофейных часов, Кулаков на это только ухмыльнулся и одобрительно кивнул головой.

Во второй машине были вещи более нужные и полезные для нас. Там мы пополнили запасы продуктов. Итальянская тушёнка в остром томатном соусе много раз радовала нас во время ужинов. Сок «Сиси» в маленьких жестяных баночках приятно разнообразил вкус воды из местных рек. Конфеты «Бат», кисло-сладкие леденцы в маленьких упаковках, тоже радовали.

Оставлять на дороге такие богатства никто из нас не решился бы, поэтому Кулаков распорядился отогнать с дороги автомобили и взорвать их. Сначала мы оттащили на обочину остатки взор-

ванных «Тойот», потом Юрка поставил взрывчатку на уцелевшие, мы спрятались в арыке, раздался два взрыва. Всё, каравана больше не было.

Дело шло к вечеру, уже серело, когда прилетела вертушка, куда мы посадили того, со сломанной челюстью, загрузились сами, отсыпали щедро летунам охапку часиков из Юркиного рюкзака, вызвав его неудовольствие, быстро погашенное умелым подзатыльником Кулакова. Летуны покачивали головами, мол, вот вы – демоны, разве ж можно так с вещами обращаться. Под вещами они, конечно же, не подразумевали бойца ограниченного контингента Юрку Кошеля, почёсывающего шею, совсем нет. Участок дороги, куда рассыпались после взрыва часы, напоминал фантастический инопланетный пейзаж, поскольку в наступающей темноте дорога подмигивала сотнями красных и зелёных глазков раскуроченной электроники.

Сквозь треснувшее стекло циферблата вижу, что духи держат нас уже около получаса. Огонь с их стороны то усиливается, то прекращается, начали экономить пулемётные патроны, стреляют из автоматов. Лежим, дышим в пыль. Я стараюсь выцеливать мелькающие пятна в амбразурах, но не получается никак попасть в них. То ветки кустарника отвлекают, то просто откровенно мажу, поскольку угол обзора из-под моего камня очень узок. Опять ковыряю почву под ним, расширяю обзор, углубляю яму. Духи заметили мои фор-

тификационные усилия, сосредоточились на мне. Пули то смачно вляпываются в землю, выбивают из неё короткие вспышки пыли, то глухо ударяют в камень, он в ответ тоже глухо гудит, то просто посвистывают над головой. Ни то, ни другое, ни третье никак не веселит меня, заставляет вжиматься в нагретую землю, ощущать все её неровности и грани мелких камешков. Духи всё бьют по мне, слышу со стороны Кулакова и Мальца стрельбу, Шохрат подключается со своим РПК, выбивает по стенам ДОТа свинцовую дробь. Моджахеды переносят огонь на Узбека. Азартный Сержик всакивает на колено, жмёт на курок даже тогда, когда автомат замолкает, а он всё жмёт и жмёт.

– Ложись, дурак! – кричу ему, сам удивляюсь, откуда слева от меня оказался Сержик, когда успел переместиться за соседний камень?

Этот валун я приглядывал для себя, хотел перекатиться за него до того, как более-менее обустроил гнездо. Видать, Сержику он тоже понравился.

Сержик всё никак не ложится за камень, меняет магазин, жмёт на курок вновь. Автомат молчит. Блин, долбаный салабон! Опять ору ему:

– Ложись, урод! Ложись!

Сержик плюхается за камень, смотрит недоумённо то на меня, то на автомат.

– Затвор передёрни, чучело! – показываю на раму своего автомата, понимаю, что Дизель не слышит меня.

Сержик кивает и улыбается смуглой, запылённой рожой, дёргает затвор и опять стреляет по духам.

И вновь наступает чуткая тишина... Кулаков говорит с хрипотцой, не кричит, а именно говорит спокойным голосом, разве чуть громче обычного, напряжённое:

– Короче... Надо брать дот, иначе просидим здесь, пока подмога к ним не подтянется... к нам – вряд ли... Малец достучался пограницам, они выйти не могут, тоже бой держат. Наши – далеко. Тут либо уходить, либо брать избушку... – голос ротового мрачнеет. – Конт...

Наверное, я ждал этого и внутренне был готов. Придётся мне штурмовать эту стену. Кто, как говорится, если не я!

Кулаков быстро даёт указания, только слушаю я вполуха:

– Перед тем, как он пойдёт, из всех стволов долбим по амбразурам, отгоняем духов от них, потом по команде Конта прекращаем, прицельно стреляет только Лиса...

Не успел договорить Кулак, как за моей спиной сухо стегает винтовка Гены.

– Есть! – вопит Лиса. – Есть! Уделал одного!

Мысленно я представляю, что сейчас творится внутри каменного помещения. Если Гена попал в лоб духу, его мозги должны разлететься во все стороны, заляпать других. Наверняка там сейчас небольшое замешательство, кто-то кинулся к убитому, кто-то оторвался от мушки. Вот он – момент.

Мгновенно сбрасываю с себя бронежилет, хватаю гранату, автомат летит в сторону. Да и ни к чему мне сейчас автомат. Всё равно лишним грузом будет в руках. А мне сейчас важна лёгкость

и скорость. Метров семьдесят отделяет расстояние от камня до дота. Никогда я не был хорошим бегуном, а тут придётся. Ору во всю мощь:

– Огонь!

Парни лупят со всех стволов, я поднимаюсь из-за камня и бросаюсь к зелёнке.

– Господи, хоть бы не споткнуться, хоть бы не упасть, – умоляю судьбу.

Бегу, смотрю под ноги, сознательно не хочу глядеть в чёрные провалы амбразур. Боюсь, наверное. Да нет, точно боюсь, только гоню от себя страх, как можно быстрее переставляю ноги, приближаюсь к цели. За спиной слышу ещё выстрелы. Лиса бьёт по цели, пока я ему даю возможность видеть её, не загораживаю собой. А тут справа ударяет автомат. Либо Кулак, либо Узбек прикрывают. Слева стрельба исключена, перекрываю обзор Дизелю.

Знаете, пока бежал к доту, мысль билась одна в мозгу. Не смейтесь. Честное слово так было. Почему-то остро хотелось мне пельменей домашних. Таких, как лепили родители в огромном количестве. Мама называла их «деревенскими», поскольку каждый был размером с хороший кулак и едва помещался в ложку. Так ведь трое мужиков в семье, если «культурные» делать пельмешки, каждому с полсотни надо было, чтобы утолить чувство голода. И лепили «деревенские» сразу сотни по две, по три.

Бегу и прямо ощущаю во рту вкус пельменей с обязательной томатной приправой с перцем и чесноком, с уксусом. Не любят у нас в семье портить божественный вкус сочных пельменей

сметаной. Пельмени ускользают, сосредотачиваюсь на чёрных дырах амбразур. Осталось метров двадцать всего-то. Ничего себе, всего-то! Когда плаванием занимался, очень чётко знал цену метрам. Бассейн у нас двадцатипятиметровый был. Тысячи раз переплывал его туда-сюда. Скажем, если стометровая дистанция, то четыре раза надо было переплыть его. Вижу, что расстояние до дота меньше. Молочу ногами по пыльной земле, вбиваю подошвами мелкие камешки ещё глубже в почву, тороплюсь. Метров за пять перед дотом оскальзываюсь гладкой подошвой на предательски подставленной спинке чёрного камня, падаю на землю, чуть не роняю гранату из правой руки. Перекатываюсь через плечо, бросаюсь ближе к стене укрепления, стараюсь уйти подальше от нижней амбразуры. Вовремя. Оттуда судорожно бьёт автомат, пули чертят аккуратными дырочками пунктир у моих ног. В верхней амбразуре также появляется ствол, но только РПК. Пространства для маневра у него мало, не сможет достать меня, да и времени нет на это.левой рукой срываю чеку, прижимаюсь к тёплой стене спиной, продвигаюсь ближе к амбразуре, почти втискиваю в щель гранату, тут же отдёргиваю руку назад, обжигаясь о раскалённый ствол пулемёта, и вновь сую гранату, пальцами проталкиваю её внутрь. Сползаю спиной о стену, ткань рвётся об острые камни, чувствую, как кожу раздирают глубокие царапины, боюсь перевести дыхание, остро цепляюсь слухом за звуки в доте. Слышны крики, сквозь них чётко слышу звон отброшенного пружиной рычага гранаты,

зажимаю уши ладонями. Бум! Глухой разрыв, ярость взрыва, погашенная тесным помещением, приглушена, зато вопль ужаса и пыль ударной волны, вылетевшие из амбразур, дают возможность мне вдохнуть полной грудью. Бесконечная, какая-то космическая усталость наваливается мгновенно. Тяжело дышу, только сейчас ощущаю, что дыхание сбито напрочь, от напряжения дрожат ноги, трясутся руки (как я смог затолкать гранату?), пот катится по всему телу, настоящими ручьями заливает глаза, затекает в уши. Смотрю на расплывчатые фигуры бегущих ко мне людей. Отмечаю, что нет Мальца. Первым подбегает Лиса, падает на колени:

– Серый, ты как?!

Не успеваю ответить, рядом плюхается Узбек:

– Ай, шурави, ай, красавчик!

Дизель тоже уже рядом, мнётся, не знает, что и сказать, просто хлопает меня по плечу рукой, цокает языком.

Подбегает ротный:

– Чего расселись? Пошли внутрь!

Парни исчезают. Кулаков садится рядом со мной:

– Ну, ты как?

Я неопределённо пожимаю плечами, морщусь, чувствую саднящие царапины на спине. В голове устойчивая пустота, вселенский вакуум, только слегка звенит что-то, может, контузия? Из дрожащего марева наплывает фигура Лёхи, на ходу кивает мне и исчезает где-то справа.

Кулак вынимает из лифчика пачку «Мальборо». Ого! Срывает с неё целлофан, комкает паль-

цами фольгу из внутренностей пачки, протягивает сигареты мне. Я тянусь рукой, но пальцы сильно дрожат, бесцельно бьются о картонку. Николаич вытягивает зубами сразу две сигареты, на секунду останавливается, услышав выстрелы из дота, и успокоено подкуривает от зажигалки, распространяя запах бензина. Втыкает одну мальборину мне в уголок рта. Я благодарно закрываю глаза и бормочу:

– Товарищ старший лейтенант, а старшина наш – сука! – показываю уставшими, воспалёнными глазами на свои вытянутые ноги и ботинки на них.

Кулаков вздрагивает, с шумом выдыхает ароматный дым, смотрит на ботинки и начинает ржать. Хм, а чего тут смешного? Правый ботинок зияет огромной дыркой на носке. Подошва оторвалась ко всем чертям, демонстрирует миру мой носок, с прорехой на большом пальце. А ведь я столько времени угробил на обувь! Неделю назад обратился к старшине, старшему прапорщику Губенко, вот, мол, нет никакой возможности воевать в такой обуви. Демонстрировал ему изношенность ботинок, показывал, что даже и пришить подошву не к чему, ранты истёрлись на нет. Губенко обещал помочь, подобрать что-то. Ушёл в свою палатку-каптёрку, пропал там минут пятнадцать. Ххеххх, в норке Губенко мало кому удалось побывать, да если б кто и побывал в этом царстве вечной тьмы, мало что мог рассказать. Наш старшина – настоящий старшина, как называл его Кулаков. Губенко раздобыл где-то некое количество арматурного прута, сам спроектиро-

вал и сам же сварил огромный куб из него, этакий решётчатый, причём ячейки-клеточки были не более трёх сантиметров, так что даже если что-то и углядит тать, разрезав палаточную ткань, то вытянуть никак не сможет. Куб, он и есть куб, хоть с какой стороны посмотри, даже и подкопаться бесполезно, поскольку все грани геометрической фигуры абсолютно одинаковы.

Вынес мне старшина обувку. М-да, красотища! Носки ботинок завернулись вверх явно лет с пяток назад, кожа потрескавшаяся, негнущаяся. Отказался я тогда от подарка прапорщика. Хрен с ним, как-нибудь в своих похожу ещё. К обуви мы всегда относились серьёзно. Ноги в горах – это жизнь. Новую пару ботинок обязательно проваривали в котле с рыбьим жиром. Ну, да, запашок ещё тот стоял и при варке, и от прокипячённой обуви, но зато никакая горная роса, никакая речная переправа не была страшна таким ботинкам. Кожа становилась мягкой, эластичной, отбрасывала влагу, стоило только протереть тряпкой, как ботинки становились сухими.

Впрочем, если бы не замполит, майор Дубов, и не масса проверяющих из штаба ОКСВА и ТуркВО, мы бы горя не знали и в кроссовочках. Вот ведь удобная обувь. Мягкие, лёгкие, не скользят по мокрому камню или траве. Красотища. Только нельзя их носить, вот в чём штука. Вернее, можно, но нельзя, чтобы политическое руководство видело такое вопиющее нарушение уставных норм. Армия, на то и армия, чтобы многое неудобно было, зато – по-уставному. Так что летели наши «Ботас», «Пума», «Ромика» и «Адидас» в

разрубленном виде в мусорные кучи, которые с одобрения Дубова поливались керосином и поджигались руками нарушителей формы одежды, то есть нашими руками.

Год назад получили с мужиками новые ботинки. Говорят, что фасоном они очень уж похожи на зековскую обувь. Не знаю, не видел, сравнивать не с чем, да и не хочется, честно говоря. Только думается, что фасончик всё же изменить требовалось. Человек за решёткой разве истопчет за пару месяцев новые ботинки? Куда он в них много ходит? На прогулку, в промзону? Разве что в побег бездумно в них уйдёт, да и то при первой возможности сменит на что-то другое. А у нас обувка на полгода выдаётся, носи до срока, хоть тресни. Только далеко не факт, что через полгода получишь новые ботинки. Ой, не факт. В лучшем случае старшина подберёт что-то из своих запасов, менее заношенное, чем у нас и не такое рваное, залатанное. Интересно, в армии вообще бывает новая обувь?!

Так что пришлось мне провозиться со старыми ботинками довольно долго. Искал дратву, у старшины оказалась только шёлковая нить. Тоже мне, хваленный рачительный хозяин! Нашёл у ребят из зенитного дивизиона. Прошил несколько раз те места, где ботинки вот-вот могли порваться. Наклеил на подошву клеем БФ несколько кусочков матерчатой наждачки, хоть как-то будет цепляться, если что. А то подошвы истёрлись до такой степени, что скользили даже просто по сухому камню. Да и наплевать бы, взял бы с собой «на войну» кроссовки, не впервой

ведь таскать в рюкзаке, переобуваться, как только скроешься с глаз Дубова, ну и перед возвращением прятать «Ромику». Только не в этот раз. Тут уж замполит был принципиален во всём. Ожидался приезд к нам в полк больших звёзд, чуть ли не из самого Минобороны. Вот и ушли мы в уставном прикиде воевать!

Кулаков отсмеялся, хлопнул меня по затылку ладонью, сунул ещё одну, взамен сгоревшей до фильтра, и когда только успел выкурить сигарету.

– Ты, Серёга, ни черта не мыслишь в тактике! Сколько учить можно: перекатами нужно, бежать под разными углами, менять бег, – он замолкает, явно читая в моих глазах: «Да пошёл ты, тащ командир!». – Ещё раз шлепает ладонью, теперь уже по макушке раскалённой солнцем каски. – Ладно, отдыхайся, сейчас дальше пойдём.

Только теперь я успокаиваюсь, нервная дрожь уступает размягченности тела, ноги становятся ватными, руки едва слушаются. Вытягиваю изо рта свежеподкуренную сигарету, недоумеваю, когда это она истлела до фильтра, а я так и не насытился никотином. С удивлением вижу след ожога на ребре правой ладони, вспоминаю, что обжёгся о пулемёт духов. Запоздало дую на покрасневшую кожу, чувствую, что болит серьёзно, сукровица и прозрачная жидкость выступают на ладони. Блин! Тянусь к лифчику, чтобы вытянуть бинт. Ага... какой лифчик? Я же его вместе с броником оставил там, за камнем. А вот фляжка со мной. Снимаю её с ремня, отвинчиваю крышку, резко втягиваю воздух в себя, когда касаюсь

парусинового загрубевшего чехла обожжённой рукой, чертыхаюсь и пью заваренную на верблюжьей колючке противно-тёплую воду.

– Ха, а ведь дедовщины никто не отменял, – как-то равнодушно думаю я. Вижу, что ко мне вновь подходит Дизель, притащил мой бушлат, разгрузку и бронезилет. Протягивает гранату, что лежала в моём укрытии и пачку «Охотничьих».

– Ташакур, Сержик! – киваю ему. – Спичку дай.

Наконец-то ощущаю в лёгких крепость табака, закрываю глаза, глубоко затягиваюсь. Всё, надо собратиться, а то так и не доживу до родительских пельменей, шлёпать нам ещё далековато. Скептически смотрю на ботинок, куда уж в нём дойдёшь!

Из-за угла дота выходит Кулаков, протягивает мне мягкие чувяки, сапоги такие, на тонкой кожаной подошве:

– Ну-ка, примерь!

Я вижу на коричневых голенищах разводы:

– Вот, спасибо! – щерюсь в улыбке, принимаю сапоги от ротного, листвой размазываю кровавые следы, стягиваю с себя ботинки, с сожалением забрасываю их в кусты.

Сапоги оказались впору. Странно... с моим-то сорок пятым тут маловато обуви. Нормалёк. Мягко, комфортно, только сквозь подошву ощущаю почву. Ничего, с этим жить можно, более уверенно за землю цепляться буду.

Натягиваю на себя сбрую, обхожу дот, с обратной стороны вижу вход-лаз у самой земли, запол-

заю в него, надо же полюбоваться на дело своих рук!

Особо там и смотреть нечего. Как я и предполагал, видимо, Лиса засадил пулю в башку духа. Вон, большое кровавое пятно почти под потолком, правее верхней бойницы хорошо видно от солнца, нагло влезшего внутрь дота. А вот и сам дух, что мозгами пораскинул от снайперской руки. Лежит в уголочке обезбашенный. Мои трое у противоположенной стены лежат, посечены осколками очень уж убедительно. Тот, что в пакули был, половину рожи потерял от взрыва, так и замер, прижал руки к отсутствующему лицу. Чалмастый, видимо, ещё был живым, кто-то из наших добил его выстрелами, что мы слышали с Кулаковым. Лысый лежал грудью вниз, лужа крови застывала под ним, рубиново мерцая на свету. Тяжёлый запах крови, человеческих испражнений, пота, отстрелянных газов и однотонный гул мух замутили голову, тошнота подкатила к горлу. Я сдержался, сглотнул ком, пошёл на выход. Рядом с лазом, согнувшись в конвульсиях рвоты, головой к стене скорчился Дизель. Шохрат и Малец рассматривали трофейное, мало на что годное, оружие. Ствол РПК согнулся углом под тридцать градусов, автоматы покорёжило взрывом тоже не слабо. Кулаков вынул из оружия затворы, сунул в карман лифчика:

– Всё. Уходим! – посмотрел на часы. – До заката нужно быть на месте.

Ребята вытянулись цепочкой. Лиса подгонял зазевавшегося Сержика, добродушно толкая его в спину прикладом винтовки.

Я шёл следом за ротным. На узкой тропе, тянувшейся среди зелёнки, меня нагнал Малец:

– Конг, держи. Твоё! – сунул мне в руку что-то увесистое, длинное.

– Ага, спасибо, Лёха! – кивнул я, на ходу затолкал предмет под броник, не выказывая никакого интереса.

У Мальца от возмущения даже лицо вытянулось, но он понятливо кивнул, обогнал меня и встал впереди. Но я видел, чувствовал по его спине, что он недоволен отношением к своему подарку.

Шли мы быстро, но аккуратно. Кулаков возглавлял колонну. Теперь мы ушли с тропы, переметнулись через дорогу, скрывались за нагромождениями камней, тянули к другой, противоположенной зелёнке, наконец, углубились в неё. Торопились мы сильно, поскольку нужно было наверстать упущенное время, потерянное при стычке с духами, да и сторожились того, что на звуки боя к доту могли подтянуться вражины, дабы оказать помощь защитникам дота. Отмахали мы достаточно, прежде чем где-то там, за спиной, довольно далеко уже, бумкнули разрывы.

– Вперёд, мужики! Вперёд, – ещё сильнее заторопился ротный. – Уходим. Не хватало нам на пятках бородастых!

– Ха, а Дизель-то, наш человек! – размеренно, в такт шагам, думал я. – Гляди-ка, сам харч метал, а всё же успел растяжек наставить. Молоток, Сержик!

Словно в подтверждение моих мыслей, где-то далеко жажнул ещё один разрыв, за ним – следующий.

– Товарищ капитан! – радостно завопил Дизель. – Сработало... вай, сработало! Я же после первой растяжки протянул ещё одну на тропе, рядом слева. А они... быыыы... купились!

– Да заткнись ты, чудило! – пнул носком ботинка под зад радостного сапёра Лиса. – Дойдём до места – порадуемся...

Узбек где-то позади промурлыкал:

– Парень песню поёт о девчонке одной, а о ком он поёт, отгадай. Вместо имени милой звучит под луной: долалай, долалай, долалай...

Хехе, тоже, инопланетянин, распелся, но всё равно как-то веселее на душе, думается, не только мне одному стало.

Я шёл словно во сне. Как-то не верилось, что всё произошедшее совсем недавно было со мной. Тело было уставшим, но очень отзывчивым на жизнь. Теперь хотелось двигаться быстро, целеустремлённо, дышать полной грудью, ощущать покалывание камней, щепок, каких-то осколков сквозь подошву духовских сапог, даже хлёсткий удар ветки по лицу в зелёнке не вызвал раздражения, и пот, струящийся по спине, раздражающий ссадины, даже ожог на ладони тоже радовали полнотой ощущения. Я – жив!

Подоспели мы тогда к погранцам, как говорится, к шапочному разбору. Конечно, мы предпола-

гали, даже знали, что бой там давно закончился, и парни просто ждут от нас помощи в качестве сапёров. Ну, сапёр-то у нас был, да ещё какой, целый Сержик Оганесян, Дизель. Как уж он справится со своей задачей, пока неизвестно, но в зелёнке отличился, чего уж там. Как только прибыли на место, продираясь сквозь заросли дикого винограда, сразу вылезать из них не торопились, прислушивались, присматривались. Мало ли, как изменилась здесь оперативная обстановка. Хоть и не слышали ни стрельбы, ни взрывов, это ещё ничего не значит. Абсолютно. Бывало, что и более крупные подразделения, чем экипаж единственного БМП, духи вырезали совершенно бесшумно. Ну и нарваться на пули своих же шурави было бы тоже глупо.

Залегли за кустами винограда, Лиса по команде ротного выдвинулся вперёд, зашуршал легонько сухими лозами, исчез из виду. Минут через десять раздались крики, шум, ляг автоматных предохранителей. Вскоре Лиса открыто позвал нас:

– Всё в порядке. Свои!

Ага, свои. Это – точно! Гена стоял в обнимку с винтовкой у дороги и тыльной стороной левой ладони растирал по физиономии кровь из разбитого носа. Блин, жаркая встреча! К нам выскочил крепкий, невысокого роста паренёк, безошибочно узнал в усаче офицера, подошёл ближе. Не используя армейских уставных формальностей, не вскинул руку к замурзанной панаме, просто доложил, мол так и так обстоят дела, доложил

сержант Сеницын, командир БМП. Ясное дело, извинился за расквашенный нос Лисы. Кулаков даже расчувствовался, пообещал дыню очень серьёзных размеров снайперу за то, что был обнаружен и бит. Лиса индифферентно хмурился, сидел на корточках, держал перед собой эсвэдэшку и жевал спичку. Но сержант был честным до конца.

– Товарищ... ммм... – всё силился понять звание Кулакова.

– Старший лейтенант, – подсказал ротный.

– Старший лейтенант, – послушно повторил Сеницын. – Мы бы пропустили вашего снайпера. Тут так получилось, что вон механик наш, Билибин, срочно в кусты ушёл, мучается поносом третий день. – Сержант показал рукой на парня в шлемофоне, сидевшего спиной к полуразрушенному ДОТу, явно измороженному желудочными болями. – Нажрался, скотина, трофейной сушёной дыни, теперь дрищет, как котёра помойный.

Сеницын явно был рассержен, на его серые глаза наплывали чёрные тучи, скулы наливались краснотой, даже кулаки сжимал от возмущения сержант. Бедолага Билибин пытался вжаться в каменную стену ДОТа, потом бочком переместился к примыкающему дувалу и исчез в проломе.

– Вот, опять! – взмахнул руками сержант

– Отставить лирику, – ухмыльнулся Николай. – Давай, показывай, что за дела тут у тебя.

Сержант полез в гору, у подножия которой и стоял кишлячок с ДОТом. За ним двинулся Сержик, Малец, Шохрат с РПК на груди, какой-то парнишка из экипажа бээмпэ и Кулаков. Мы с

Лисой остались на месте, рассредоточились по сухой зелёнке, вместе с нами разошлись пограницы, тот самый механик Билибин, всё не снимающий шлемофон, ещё один сухой длинный поджарый парнишка, на ходу представившийся стрелком Иваном Начальником. Мы с Геней переглянулись:

– В смысле, начальник?

На офицера парень явно не тянул, хорошо, если полных девятнадцать исполнилось. Ваня понял наши взгляды, улыбнулся:

– Не, Начальник это кликуха. А так я просто – Великий. Фамилия такая.

Фамилия как фамилия. Всяко бывает.

Билибин оказался неподалёку от меня. Пока мы, напрягая зрение, рассматривали склон горы, куда ушли наши, наблюдали за кишлячком в десяток дувалов, я узнал, как Лиса выхватил гостинца.

Саня Билибин не таясь рассказал, как было.

– Сижу я на корточках, уже и сил нет сидеть-то, ноги затекли, мама не горюй, а из меня уже ни капли не выходит. Так, пустые хлопоты! – сокрушённо говорил Саня. – Боль в желудке аж выворачивает наизнанку. Я ж с каждым разом всё дальше уходил, там, на краю зелёнки уже всё того, – невесело улыбается, – загадил. Ну, сижу, никого не трогаю, вдруг показалось, шевеление какое-то. Подумал ещё, может, геккон, может, варан шибуршится. Сижу, слушаю, автомат поближе подтянул. А тут, оба-на, из-за спины кто-то наваливается, ну я и саданул туда, за спину, прикладом. Вот, попал в нос вашему снайпе-

ру. Хорошо, увернулся он, вскользь приклад прошёл, а то б сломал нос-то...

Да уж, попал Лиса. Я потихоньку засмеялся, спрятал лицо к земле. Ко мне подобрался Гена:

– Ну, чего ржёшь? Сам прикинь, – спокойно, не оправдываясь, заговорил Лиса. Почти до самой опушки меня никто не слышал, никто не дёрнулся, я их всех мог снять очень даже быстро. Расселись на броне как зяблики, блин! – выплюнул разжёванную спичку Гена. – Только ближе стал выдвигаться, а тут, тьфу ты... вот же гадство какое, всё засрано, на мармус... – Лиса брезгливо сморщил большой нос, сунул в рот новую спичку. – Я попытался обойти эти естественные преграды, ну и почти в задницу носом этому... ммм... Балибину...

– Балибину, – поправил Саня.

– Балибину, – согласился Гена. – Ага, в общем, чуть не въехал в него, шарахнулся в сторону, а этот придурок меня прикладом... по морде... Вот так и помогай после этого всяким там.

Оба сердито посопели.

– Так чего у вас тут произошло? Из-за чего шум-гам? Зачем мы так быстро к вам пробирались? Вы что, не могли у своих помощи запросить? – засыпал я вопросами Балибина. – А ты, Лиса, шлёпай назад, бди! А то тебе за нос твой разбитый Николаич ещё дыню обещал. Смотри, ещё парочку пропишет.

Гена ушёл в свой сектор, расчехлил винтовку, прильнул к окуляру и усердно заскользил по ландшафту.

– Понимаешь, мы тут в разведке были, вроде как в этом кишлаке то ли лёжка духовская была, то ли новая банда формировалась, – начал рассказ Билибин.

Подошли погранцы с той самой стороны к кишлаку, откуда и мы появились. Заглушили БМП, в дозор пошли Билибин и Великий. Вышли почти к самому ДОТу, за ним арык течёт. Вроде бы тихо. Решили проверить. Саня вышел, не скрываясь, из зелёнки, зарядил «муху» и всадил снаряд прямо в небольшую амбразуру ДОТа. Только метнулись с Начальником к дувалу, а тут огонь из кишлака открыли. В общем, разведка боем получилась. Залегли парни в зелёнке, начали отстреливаться из автоматов, благо, духи не пошли в атаку, а то б растёрли в глину пацанов. На стрельбу из зелёнки выскочила БМП, не останавливаясь, дошла до ДОТа, врезалась заострённым краем передка в дувал и почти полностью развалила его. Обзор увеличился намного. Видно стало, как духи перебежали от дувала к дувалу, сначала подтягивались к центру кишлака, видимо, надеясь задолбить шурави, а то и разжиться бронёй в личное пользование. Тем более, что БМП стояла глухо, пушка молчала. Из машины выкатились сержант, сапёр Толик Щербаков (Щерба) и Митёк (Витька Митин) наводчик-оператор. Что за фигня? Может, горит машина? Да нет, целёхонькая стоит, только молчаливо так, скромненько. Мужики за бронёй прячутся, стреляют по духам. Саня Билибин к ним подкатился, мол, в чём дело-то, сержант? Синицын отмахнул-

ся только, вскарабкался на броню, скатился в люк БМП. Оказалось, что Митёк то ли плохо отрегулировал вентиляцию, то ли она отказала, но сгоревшие пороховые газы не уходили полностью из машины, душили экипаж. Так вот сержант всё же сунулся внутрь, понадеялся, что через открытый люк большая их часть ушла, уселся в своё командирское кресло, переключил управление пушкой на себя и начал жать на гашетку. Стрелял до тех пор, пока не вырубился, не потерял сознание. Отравился, конечно. Первые же залпы пушки показали духам всю бесперспективность их алчных желаний добыть броню. Духи сыпанулись на окраину кишлака, споро покарабкались в гору, туда, где позже обнаружили пограничники пещеру. Но Синицын вёл их до самого зева пещеры огнём из пушки и не дал возможности скрыться там.

– Мы потом ходили туда, – закурил Билибин. – Представляешь, в кишлаке и возле пещеры пятнадцать духов убитых. Сколько ушло, не знаю, не видел...

Ого! Вот это повоевали ребята!

Вытащили сержанта из БМП, он зелёный весь, еле дышит, кое-как откачал его Щерба, ещё и медбрат по совместительству.

– Ох и рвало Игорёху, – качал головой Саня. – Мы думали, хана Синице... Но, отошёл, оклемался... Ой, – внезапно схватился за живот рассказчик. – Ой, ой, ой, – и кинулся в дальний конец зелёнки, на ходу расстёгивая штаны.

– Засранец! – прокричал ему вслед Лиса.

Билибин, не оборачиваясь, показал ему кулак и скрылся из виду.

Скоро с горы спустился Кулаков, принёс с собой пару отличных берцев, почти новеньких, не затасканных, не затёртых, и снова моего размера. Я не стал уточнять, где Николаич их достал, памятуя о духах, которых положили здесь пограницы. С облегчением стянул с себя ичиги, брезгливо отбросил их в сторону. Вот ведь а. К чему только не привык тут, в Афгане, а всё же постоянно ощущал на себе эти кожаные сапоги, словно боялся, что грибок или какая другая гадость перейдёт ко мне от бывшего хозяина. По ходу движения к пограницам успел мне рассказать Шохрат, насколько далёк я от Азии, хотя бы только потому, что неграмотно назвал свою новую обувь. Ичиги. «Какие там ичиги?!» – возмутился Узбек. «Понимаешь, – горячился Шохрат, – если Кулак снял сапоги с узбека, то это – чиги, если с перса – сахтийан, с таджика – арих, с туркмена – кювеш!» – втолковывал мне знаток Востока.

– Братишка! – насмешливо отвечал я Шохрату. – Мне глубоко плевать, как это дерьмо называется. – Чиги ли, арих, кювеш... на-пле-вать... Мне бы переобуться в свои, родные ботиночки, и в гробу я видал эти сахтийан. И потом, согласись, ведь вполне могут это быть и ичиги!

Шохрат озадаченно замолчал, выгнув чёрные брови, мол, ну-ну, рассмеши меня, неверный.

– Скажи, Узбек, как этнограф энтомологу. Ты смог бы определить, с кого именно стащил сапоги ротный? С какого такого жучары: узбека, белуд-

жа, туркмена, азербайджанца или даже, наоборот, с черкеса или дагестанца?

– Да ну тебя, Конт! Вечно ты со своей демагогией... – перегнал меня Шохрат и, уходя вперёд, бросил. – Откуда тут наши горцы возьмутся? Тоже мне, этнограф недоделанный!

Теперь у меня новая обувь. Интересно, каким кёвешем бы Узбек назвал эти ботинки?

Уффф, можно хоть сбрую стянуть с себя. Снял лифчик, положил его под дувал, аккуратненько на камне расстелил. Теперь потянул застёжки бронника. Ух ты, из-под него на колени выпал подарок Мальца. А я и забыл о нём совсем. Развернул обрывок серо-зелёной ткани, видимо, от рубахи кого-то из убитых там, в зелёнке. Мама моя родная! Вот это да! Кинжал, да длинный такой, сантиметров семьдесят вместе с рукоятью и украшенным набалдашником на ручке. Наверняка, что-то старинное. Ножны серебряные, чёрнённые, с разводами арабской вязи, с отверстиями, в которых когда-то, наверняка, были вставлены разноцветные камни. Сюда бы здорово подошёл лазурит. Нахожу на такой же витиеватой рукояти фиксатор, тонкую металлическую пластинку, нажимаю её и вытягиваю на свет лезвие. Кинжал и вправду очень длинный, лезвие широкое у основания, не меньше шести сантиметров, плавно сужается к острию. Кровостоки с обеих сторона лезвия аккуратно углублены и повторяют очертания кинжала. Мастер не поскупился на арабские письмена и на лезвии. Красивая вещь. Только абсолютно мне не нужная, даже вредная.

Не дай Бог попадёт на глаза Дубову, замордует так, что сам отдашь, ещё и упрашивать будешь, мол, дяденька, возьми бакшиш, прости засранца! Да, сделал Малец подарок! Впрочем, я понимаю Лёху, сам так же поступил бы. Трофей принадлежит тому, кто завалил вражин. Отдам-ка я ножичек Кулакову, он сам решит, как и что.

Сразу переобуваться в обновку не стал. Достал из мешка чистую портянку, что использовал в качестве полотенца для ног. Пошёл босиком к арыку, сел на краю, опустил ноги в прохладную мутную воду. Куском хозяйственного мыла тщательно вымыл ноги, поелозил между пальцами, задрал штанины, погрузил ноги в воду по колено. Эх, красота! Насухо вытерся, натянул толстые носки, втиснулся в берцы, зашнуровал их, встал, потопал ногами в пыли. Отлично! Просто замечательно сидят ботиночки на ногах. Ботинки и правда отличные. Видать от амеров духи снарягу получали. Явно натовского образца обувь. Ничего, верой и правдой бойцу Стран Варшавского Договора послужат, хе-хе! Кожа на берцах, что обхватывает ладно и крепко лодыжки, мягкая, чуть ли не бархатистая, только в месте шнуровки более толстая, уверенная такая, не морщится, не сминается. Головки ботинок округлые, ранты широкие, прошитые в несколько раз, подошва... ммммм... просто загляденье! Напоминает чем-то наши горные трикони, рубчатые, внешне даже похожие на рубашку эфки, прорези между рубцами широкие, ущелистые. Наверняка, идти по каменистым горам одно удовольствие! Красотища!

Чем-то особым помочь пограничникам мы не смогли. Ну что там, чем поможешь? Обнаружили в пещере несколько деревянных ящичков, смахивающих на наши посылочные. В них комками змеились разноцветные провода, какой откуда, чёрт разберёт. Правда, нашли сапёры карту минных полей, расположенных неподалёку от кишлака, где как раз должны были проходить наши войска при подготовке к скорой операции на Мармале. Покрутили, повертели бумажку так и сяк, всё исписано арабской вязью, привязались к нашей карте, стало чуть понятнее, что и как. Сержик сгоряча хотел было соединить какие-то проводки, чтобы уничтожить хоть несколько мин, но Кулаков дал отбой. Да оно и понятно. Хоть и излазили Дизель и пограничный сапёр Толик Щерба и пещеру, и подходы к ней, сняли пару растяжек, отрыли противопехотную мину, но кто даст гарантию, что всё обнаружили, всё сняли? Духи, народ хитрый, собственно, как и любой сапёр, могли сюрпризов понатыкать. Соедини то, что не нужно, и вся пещера на воздух взлетит. Поступили проще. По радиации связались со штабом полка. Кулаков доложил ситуацию, выслушал гневный ор начальства и запросил огня на указанные квадраты. Корректировку огня взяли на себя.

Ждать пришлось долго, почти до захода солнца. В кишлаке никаких движений не было, тишина. Лиса с Билибиным слышали, углядели одинокое кудахтанье рябой курицы и мельтешение её некрупного тела за камышовой загородкой в одном из дувалов. Сходили туда, притащили

уже обезглавленную тушку. Толик Щерба взялся ощипать курицу. Парни разожгли костёр, поставили на камни большой котёл, вытащили его из БМП, варили что-то вкусное, пахучее.

Митёк ковырялся внутри БМП, ругался, стучал инструментами, регулировал систему вентиляции. Высунул испачканную гарью рожу из люка:

– Товарищ старший лейтенант, мне бы на пробу стрелнуть надо!

– Давай, – махнул рукой Кулаков. – Только аккуратнее, вон туда пали, по окраине кишлака.

Наводчик скрылся в машине, башня БМП плавно повернула вправо, пушка чуть опустилась. Ба-бах, ба-бах, ба-бах – троекратно жажнули выстрелы. На краю кишлака вспухали пыльные разрывы, взмётывались вверх куски дувалов, какие-то доски.

– Есть, – радостно заорал из откинувшейся крышки люка Митёк. – Работает! – и вновь скрылся внутри, заглушил двигатель.

Внезапно с той стороны, куда вёлся огонь, раздалась автоматные очереди. Хренасссе! Каждый метнулся в своё укрытие. Лиса прыганул за БМП, выцеливая, выискивая стрелка. Автомат с той стороны замолчал, словно раздумывая, и вновь хлестанул длинной очередью прямо по броне. Пули застучали по металлу, зачиркали рикошетом, с воем уходили в небо.

Откуда-то выше нас, от самой пещеры по кишлаку ударил РПК Узбека, но явно безуспешно, не хватало Шохрату сектора обстрела, бил выше.

Ротный подскочил к броне, сунулся в люк, оттолкнул в сторону Митька, поводит носом пушки и ударил несколько раз в сторону выстрелов. И опять тишина.

Только собрались прочесать кишлячок ещё раз, с горы спустился Синицын, попросил дать кого-то из людей и пойти самому, поскольку их недогляд, ведь смотрели вроде бы всё. Пошли втроём. Я, Лиса и Синицын. На окраине кишляка нас встретил Шохрат и тоже двинулся с нами. Крались вдоль полуразрушенных дувалов, прятались за стенами домов, каких-то пристроек-сараяв. Натыкались на брошенный скарб, лохмотья в мешках, корзины с чахлыми початками кукурузы, сломанная арба перегородила путь, уныло завалившись на единственное деревянное, обитое железом колесо. Иногда попадались трупы духов, мы перешагивали через них, подбирались всё ближе и ближе к предполагаемому месту засады стрелка.

– Вот он, мужики! – тихо воскликнул Лиса.

Сначала я даже не опознал в груди окровавленного тряпья тело. М-да, угораздило мужика! Грудь измочалена осколками, рёбра в костный фарш иссечены. На месте головы лепёшка кровавая. Кровь жирно поблёскивает, ярко белеют кости позвоночника, но и на них натекает чернеющая кровь, вездесущие зелёные мухи уже жадно кружатся над трупом.

Тело лежало на боку. Ноги, сведённые вместе судорогой, прижаты к груди, правая рука откинута в сторону, рядом валяется калаш, левая рука вытянута, будто по швам, вдоль тела.

Шохрат подошёл к трупу, пнул ботинком по левой ноге, что была сверху, с неё слетела тапочка, чапли, с подошвой, сделанной из автопокрышки. Штаны широченные, из серой ткани оказались заляпанными кровью у коленей.

Только теперь я понял, что насторожило Шохрата, да и Игоря с Генной. Всё же я, наверное, тормоз! Ну, как сразу не понял, что нет на трупе традиционной рубахи длиннополой, с широкими рукавами, и обязательного жилета нет. Есть только вполне даже обычная гимнастёрка советского образца на голое тело.

Собственно, в этом ничего удивительного нет. Местный народ охотно выменивал, покупал или просто воровал наше обмундирование. Часто можно было встретить даже высоко в горах какого-нибудь денди, щеголяющего в шароварах, на плечах красовался парадный китель с погонами и петличками танкиста, артиллериста или автобата. На голове вместо чалмы или тибетейки армейская серая зимняя шапка с кокардой.

Шохрат присел возле трупа.

– Серый, Гена, – подозвал нас. – Смотрите, – перевернул правую руку трупа ладонью вниз...

Тут уж прав был Лиса, когда чуть не выкрикнул короткое слово «бля»! Между указательным и большим пальцами ясно читались две буквы: У и Г. Кашель! Юрка Кошель. Да неужели это он?! Он, конечно, он!

Теперь уже я опустился на колени, лихорадочно расстёгивал хэбэшку на груди убитого. Пальцы плохо слушались, тряслись, одну пуговицу вырвал вместе с металлической дужкой,

распахнул куртку. На левом внутреннем кармане расплылась надпись, давно сделанная хлоркой: «Кошель Ю., в/б (военный билет) № ...».

Вот уж действительно «бля», вот такой полный звездец!

Синицын непонимающе смотрел на нас, пытался понять, в чём собственно дело. Подумаешь, нашли духа в советской хэбэшке!

– Игорь, как друга прошу, будь добр, сбегай за ротным, – попросил Лиса. – Поверь, очень надо!

Сержант подхватил автомат и убежал, особо не хоронясь, громыхнул по пути сломанной арбой.

До прихода Кулакова обыскали одежду Кашля. Ничего существенного не нашли. Документов при нём не было, писем или записок тоже. В левом кармане обнаружился тряпичный узелок с дырью, пачка сигарет “Red@White”, большая прозрачная зажигалка и брелок с фирменным значком “BMW”, но без ключей от машины. Из правого кармана вынули крупный рулон афошек, перетянутый резинкой. Что-то около ста тысяч афгани в скатке оказалось мелкими купюрами. Найденные вещи разложили возле ладони с татуировкой.

– Твою маму в клетке видел! – озадаченно ругнулся Кулак, увидев такой натюрморт. Присел рядом с нами, в несколько затяжек высосал сигарету, горько сплюнул в пыль. – Лиса, найди какую-нибудь тряпку побольше. Узбек, там арба валяется, отломай от неё дышла. Конт, поищи гвозди или что там ещё.

Кивнули, разбежались на поиски. Очень скоро я набрёл на хижину, где явно жил мастеровой, может, кузнец, может, плотник, кто знает, но

инструмент его годился и для того и для другого. Я прихватил с маленького верстака ржавый молоток, пластиковую банку из-под чая, наполненную тоже ржавыми, гнутыми гвоздями, обломок сломанной пилы с крупными зубцами и заспешил назад.

Быстро сбили носилки из оглобель и старых, почерневших от времени и солнца обломков досок, кое-как опилили концы, чтобы не цепляться лишний раз. Подняли обезглавленное тело Кашля, уложили на носилки, накрыли труп куском мешковины и понесли добычу к БМП.

Уже начинало темнеть, потянуло холодом. Пришлось влезать в бушлаты. Кулаков распределил дежурство: к пещере отправил Шохрата, Билибина, Митька и Мальца. Здесь мы распределились по парам на всю ночь.

Нужно было ждать следующего дня, когда налетит с бомбёжкой на минные поля авиация. Быстро поужинали густым супом из здешней курицы. Повара натолкали в бульон и гречки, и картофельного порошка, и даже немного перловки сыпанули. Варилось всё вместе, так что получился скорее не суп, а какое-то пюре, но вполне вкусное и сытное, а главное – горячее. Только Шохрат возмущался дикости и неумению варваров, испортивших такой продукт. Впрочем, слупил свою порцию скоренько, как только ложка не расплавилась от мелькания.

В первую смену выпало мне караулить с Игорем Синицыным. Мы лежали за бронёй БМП, вслушивались во мгновенно опустившуюся ночь, журили в кулак.

– Серёг, – негромко позвал Игорь. – А что это за чёрта мы подстрелили?

– Сержант, – негромко сказал за нашими плечами почти бесшумно появившийся Кулаков. – Оно бы тебе и знать не надо. Давай договоримся, ты ничего не видел, ничего не слышал. Не надо тебе в эту вонючую историю влипать. Договорились? Мы сами грохнули, сами нашли.

– Как скажете, товарищ старший лейтенант, – покладисто согласился Игорь. – Просто интересно.

– Ну, кое-что тебе Конт расскажет, я так думаю. – Хлопнул ладонью по моей каске. – Ладно, я в БМП подремлю. Бдите тут! Кстати, как тебя тут кличут? – поинтересовался ротный.

– Джон, – коротко ответил сержант.

– Добро, Джон! – кивнул Николаич и исчез.

Собственно, что я мог рассказать Игорю? Что Кашель был полный придурок, обалдуй, отличный сапёр. Оп-па. Сапёр. Может быть, именно поэтому он и оказался здесь, где создавались минные поля? Коротко описал Синицыну приколы Юрки со скорпионами и варанами, его подлости с «велосипедами», о том, как пропал он с блокпоста. Джон удивлённо кивал головой, вздыхал: «Вот же сука!» Я замолчал, задумался, ради чего Кашель пошёл на это?

Что, собственно, мы знали о Юрке? Ну, не беру вышеперечисленное в расчёт, с этим всё ясно. Кошель родом откуда-то из центральной России. Отец рабочий на заводе. По редким рассказам Кашля батя пил и бил мать, нянечку из детского сада. По ходу доставалось и ему, старшему. Впро-

чем, не меньше перепадало и среднему брату, и младшей сестре. Жили скудно да бедно, поскольку львиную долю денег отец обычно не успевал донести домой. Перед армией Юрка закончил ПТУ, стал трудиться на том же заводе, где работал отец. Сначала Кашель был учеником токаря, потом, через пару месяцев, самостоятельно встал за станок. Первую зарплату пропил. Всю. До копейки. Хотелось, видимо, быстрее стать взрослым. Был опять бит папашей, хотя и пытался оказать ему сопротивление. Но ещё силён был батя, вломил конкретно. Мать уж изрыдалась вся, просила Юрку не пить больше, помочь ей хоть как-то. На удивление Юрка послушался и почти полгода до самого призыва не пил, исправно приносил все деньги матери. Даже гордость испытывал, помогая семье. Отцу в притязаниях на свои деньги дал твёрдый отказ. Нет и всё. И дело даже не в том, что помнил обиды телесные, нанесённые отцом. Нет. Увидел, что и сестрёнка стала ходить в новых, пусть и скромных платьицах, братишке к школе купили новый костюм и портфель. Ведь здорово как! Не стал даже заморачиваться проводами в армию. Просто купил ящик портвейна, какой-никакой закуси, приволок всё это добро на танцы в клуб, попили с парнями в скверики, подрались с практикантами приезжими из института, пообжимались с девчонками, а утром ушёл в военкомат в сопровождении матери, брата и сестры. Отец не смог даже голову от подушки оторвать, сам на сам провожал сына в армию, буркнул что-то на прощание и опять провалился в похмельный сон.

Нет, никак не мог я понять, почему, ради чего, зачем Юрка ушёл! Почему ему башку не отрезали духи? Чем уж так приглянулся им Кашель? Вопросы, вопросы, вопросы.

На броне завозился кто-то. Я поднял голову, увидел спускающегося ротного.

– Ну-ка, поди сюда, – поманил рукой Кулаков в сторону разбитого дувала. Присели, опёрлись спинами к стене. – Кури, – протянул почти пустую пачку «Мальборо».

– Спасибо, не нужно, – отказался я. – У меня «Гуцульские» есть. Будете? – в свою очередь протянул пачку дешёвых сигарет.

– Добро. Давай! – старлей вытянул пальцами сигарету, помял её, придавая округлую форму, прикрылся ладонью, закурил. – Вижу два выхода из ситуации. Первый – Кошеля не находили. Пусть всё остаётся так, как решило следствие. Полез за чарсом в ущелье, сорвался, погиб. Второй – сообщаем в полк о находке. Там уже особистам доложат. Из плюсов этого варианта – нас эвакуируют отсюда вместе с телом. Следствие начнут опять в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Не думаю, что ударит по тебе. Может слегка стегануть Узбека. Мол, зачем соврал? Но и это недоказуемо. Рассказал, как было. А как уж дальше дело пошло, кто ж ведал. Что скажешь?

– Николаич, думаю, второй вариант выгоднее первого. – заторопился объяснить, чтобы не подумал чего-то. – Народ здешний мы не знаем. Парни вроде отличные, а там кто знает. А если кто-то что-то кому-то стукнет? Нам же всем и несдобровать. Вам же первому прилетит.

– Логично, Серёга, логично. Я тоже склоняюсь ко второму... – Кулаков помолчал, задумался. – Вот же Кашель, вот же гад, напялил нам на башку проблемы, хрен стянешь. Не пойму, что с ним случилось, зачем он так-то?

– Да я тоже голову ломаю, как всё это произошло. Впрочем, теперь оно и не важно, – начал заводиться я. – Важно то, что эта тварь по нам стреляла. Пусть он не видел, что это именно мы, но ведь автомат поднял на погранцов. И не факт, что не долбил по ним же при первом столкновении. И потом, – вспомнил я. – Юрка – хорошим сапёром был, а тут – минные поля. Ведь опять же, знал и действовал сознательно!

– Верно. Всё верно, Конт. Ладно, успокойся. Меняйтесь сменами и отбой. Денёк завтра трудный будет.

Хе-хе, напугал козла капустой. Когда это на выходах деньки лёгкими были?

Следующей сменой нам с Игорем выпало время с трёх до пяти. Промозглый, липкий туман уже спускался с гор, оседал холодной росой. Лиса оскользнулся на броне, грохотнул прикладом винтовки о БМП, залез внутрь и прикрыл крышку люка. И вновь мы лежали рядом с Игорем, зябко поёживались в волглых бушлатах, позёвывали, пытались раскурить подмокшие сигареты. Сквозь сон я слышал, как Кулаков ушёл вверх к пещере, так и не вернулся, решил, видимо, переночевать там.

– Знаешь, Серёга, – заговорил Игорь. – Я тоже недавно столкнулся то ли с предательством, то ли ещё с чем-то. Никак не пойму.

И рассказал Игорь странную историю.

– С месяц назад командир заставы отдал мне распоряжение выдвинуться на броню с пулеметным расчетом к штабу нашей 4-й мотоманевренной группы и поступить в распоряжение какого-то нового офицера, знаков различия на нем не было. На месте была сформирована группа из нескольких машин с десантом, на складе мы получили штук пять ящиков автоматных патронов и несколько ящиков с выстрелами от РПГ. На командирское место нашей машины сел офицер, лет двадцати восьми – тридцати, в новенькой, не линиялой хэбэшке. Колонной выдвинулись из расположения. Проехав часть пустынной местности, выехали на край высокого обрыва, внизу густо рос высокий, выше человеческого роста камыш, за ним протекала река. – Игорь торопливо говорил.

Я понял, что парню выговориться надо, не перебивал, просто внимательно слушал.

– По приказу офицера развернули броню в разные стороны, практически получилась круговая оборона, пулеметные расчеты разместились на верхнем срезе обрыва, заняли свой сектор, стрелки-наводчики и механики-водители своих мест не покидали, постоянно находились в готовности к ведению боя и маневру. Офицер, велел нам смотреть в оба, спустился вниз к камышам. Как и было приказано, я внимательно осматривал прилегающую местность в бинокль, но так и не заметил, когда из камышей внезапно появились трое афганцев. Один из них был пожилым

жилистым бородачом в серой длинной рубахе и плоской пуштунке, второй, помоложе, в темном пиджаке с короткой черной бородой, третий – совсем пацан, лет шестнадцати, на нем была жилетка и, похожая на татарскую, высокая тубетейка, расшитая блестками. Я еще подумал, что на цыганёнка пацан похож. Все были с нашими автоматами. Да, ещё меня удивило, что они свежие и чистые, в отличие от ашнаков, которых я видел в Шерхане, не говоря уже про муштивских оборванных дехкан в горах. У этих даже морды были холеные, – Игорь даже досадливо сплюнул в пыль, потянулся к пачке «Гуцульских», лежавшей на камне между нами.

– Наш офицер поздоровался с духами и, растелив бушлат, сел на землю спиной к нам, духи тоже сели, положили автоматы рядом. Они о чем-то говорили минут пять, нам даже голосов не было слышно. Потом офицер и двое взрослых духов отошли в сторону и продолжили разговор без молодого. Тот же, оставшись один, быстро стал обшаривать офицерский бушлат, оставленный на земле.

Инстинктивно я схватился за автомат, но что-то мне подсказало, что не стоит из-за этого стрелять, ведь там, внизу, офицер был совсем один, и при нем не было даже пистолета. Переговорив, тройка вернулась на место и подошла к подъему обрыва.

Поднявшись к нам, офицер приказал спустить вниз боеприпасы. Я тут же ему доложил, что видел, как молодой бача обыскивал его бушлат. Он лишь

усмехнулся: «Ты что, сержант, какой же разведчик берет что-нибудь с собой на переговоры?»

Я был очень удивлен, что мы отдаем боеприпасы духам, которые могут полететь пусть не в нас, но в наших же товарищей, может, в другом месте. Когда мы поднялись к машинам, я спросил об этом офицера. Внутри у меня все протестовало, но он ответил что-то вроде: «Это уже не твое дело, боец!». Назад мы ехали молча.

Больше я того офицера никогда не видел. Недавно ребята сказали, что был слух, будто та встреча и расплата патронами и выстрелами обеспечила беспрепятственный проход одной из наших точек на другое место базирования. Её действительно вывели без потерь. Колонна с той точки прошла мимо духов, что стояли по обе стороны шоссе, стремительно, не останавливаясь. Проскочила и мимо блок-постов, где стояли ребята нашей мангруппы. Понимаешь, Серёга, может, оно и правильно было сделано, только как-то гадко на душе до сих пор, – закончил рассказ Игорь, затушил окурок о стену дувала, отбросил его щелчком в начинающий редеть туман.

– Да брось ты париться, Игорь! – успокаивал я Синицына. – Не вы первыми и не вы последними делились с духами боеприпасами. Восток, однако! Не сможешь отобрать – купи. Не сможешь купить – укради. Не сможешь украсть – обменяй. Вот и договариваются. А что, лучше было бы, если бы ваших ребят с той точки покروшили душары?

– Да понимаю я всё. Только говорю же, противно как-то! Неправильно, что ли, – пристукнул по колену кулаком сержант.

– Может, варёнку отдали? – спросил я.

Зачастую бывало, что для решения краткосрочных проблем, отдавали духам в обмен на какие-то условия заранее сваренные патроны. С них и толку-то «пшик» да и всё.

– Да нууу, – неуверенно протянул Игорь. – Там душары серьёзные очень были, варёнкой бы не отделались. Себе дороже обошлось бы.

Мне вдруг стало как-то тепло на душе, ведь доверился сержант мне, рассказал, что тяжёлым грузом лежало на сердце. Наверняка и ему стало спокойнее, ровнее дышать. Я моментально принял решение:

– Ну-ка, погоди, командор, я сейчас. – Сунулся к БМП, где под колёсами оставил свой мешок, распустил клапан, сунул руку внутрь, нащупал вчерашний трофей, вынул его в той же тряпке, в которой мне сунул кинжал Малец. – Вот, Игорёха, держи! – протянул свёрток Синицыну. – На память!

Игорь непонимающе развернул тряпку, даже охнул от великолепия кинжала:

– Да ты что, Серёга! Это же дорогущая вещь!

– Плюнь. Прими в подарок и всё. Понимаешь, мне его всё равно девать некуда. Где я его спрячу? В штанах что ли? – улыбнулся я новому другу. – А у тебя на железяке вон сколько тайников есть.

– Так это, Серый, мне и отдариться нечем, – развёл руками сержант.

– А и не надо, – махнул я рукой. – Вот монетку или денюжку какую дай взамен. Примета такая!

Игорь заковырялся в карманах, конечно, ничего не нашёл. Откуда тут мелочь. Вынул из

внутреннего кармана пачку бумаг, завёрнутых в целлофан и перетянутых резинкой, раскрыл пакет, откуда-то изнутри вынул тонюсенькую стопку чеков. Я углядел среди них чек стоимостью в три копейки:

– Вот, эту бумажку давай. В самый раз будет!

Джон неуверенно смотрел серыми глазами, не шучу ли я.

– Всё пучком, братуха! И – торчком! – хлопнул ладонью по плечу сержанта, чем разрядил неловкую паузу.

То туманное утро стало для нас трагичным. Сначала у кишлака появился какой-то мужик на тощей лошади. Мужик был без оружия, если не считать короткого ножа на поясе. Что само по себе было странным. Как это, явный душара и даже без берданки за плечом. Мужик покорно остановился, когда перед ним из засохшего виноградника выскочил Дизель:

– Дришь! Стой! Шурави контрол! Проверка! – скомандовал Сержик, для убедительности поднял правую руку вверх, а левой дёрнул стволом автомата вниз.

– Командор, командор! – прижимал руки к груди афганец, слез с лошади, опустился на колени. – Давай офицер, шурави! Офицер давай!

Ага, щас. Я вышел из-за БМП, принял суровый вид, насупил брови, чуть раздул щёки. Хрен его знает, зачем так сделал. Наверное, чтобы придать себе солидности.

– Эй, бача, чего надо?! – несколько небрежно спросил я у приезжего.

Афганец опять начал кланяться, приговаривать своё «командор, командор» и ещё что-то то ли на фарси, то ли на дари, а может и на туркменском или узбекском. Я помог подняться ещё нестарому мужику из пыли, усадил его на большой камень, попросил Джона принести хоть чаю, чтобы он бесконечно не повторял своё «командор». Всё с той же важностью приказал Дизелю срочно вызвать сюда Шохрата. Чёрт знает, может и вправду разберёт, чего этому бабаю надо.

Афганец с поклонами принял алюминиевую кружку чая и совсем уже готов был снова рухнуть коленями в пыль, когда Джон сыпанул ему в ладонь колотые куски рафинада.

– Да пей ты! – подтолкнул кружку к груди афганца. – Пей давай. Пей, дорогой, – уселся рядом с гостем.

Я нырнул за машину к Кулакову:

– Что с ним делать, Николаич?

– Нормально. Всё правильно сделал, – улыбался в усы ротный. – Сейчас Шохрат послушает, скажет, что к чему. Однако мне кажется, что он за трупами приехал, будет просить отдать. Сроки-то похорон прошли уже, до заката надо было закопать. Ладно, позови ко мне Синицына, сам с духом потолкуй.

О чём мне с ним говорить, да и как? Пришлось притащить горячий чайник, подливать афганцу в кружку, смотреть, как он экономно откусывал от кусочка сахара. Остальной рафинад, наверное,

ссыпал в карман, может, для ребяташек своих, может, продать надумал. Игорёха щедрым оказался, граммов сто – сто пятьдесят сыпанул сахарочку.

Мужик обнимал кружку худыми, почти чёрными пальцами, с длинными грязными ногтями. То и дело шмыгал носом, вытирал его раскрытой ладонью и опять хватался за кружку. А ведь душара с ночи к нам ехал, издалека, подумал я, вон, сколько тряпья намотано. Замёрз. На босых ногах сидели растоптанные чапли, такие же, какие были и у Сопли. Афганец поджимал под себя ноги, пытался согреть ступни худой задницей.

Мужик выдул четыре кружки чаю, пока не появился Шохрат. Не подходя к Кулакову, сразу подскочил ко мне, вздёрнул ладонь к панаме:

– Товарищ младший лейтенант, рядовой Кулималиахмедов по вашему приказанию прибыл.

Вот харя! Надо же такую хрень придумать: кули-мали-ахмедов.

– Солдат, попробуй поговорить с товарищем местным! – командирским голосом дал я задание Узбеку.

– Есть, – козырнул Шохрат.

Стал говорить с афганцем. Но дело явно шло туго.

– Блин, – с сомнением покачал головой Шохрат. – Похоже, он – таджик. Ладно, как-нибудь разберусь!

Как и предполагал ротный, афганец приехал за разрешением забрать тела убитых.

– Да не вопрос, – согласился я. – Только как этот бедолага пятнадцать двухсотых на своей коняжке заберёт?

Шохрат зажестикублировал руками, закалякал на непонятном языке. Афганец опять грохнулся коленями в пыль, очень душевно просил разрешить подъехать сюда его брату на большой арбе, погрузить тела и увезти родственникам в соседний кишлак.

– Ну-ка, ну-ка, отсюда поподробнее, что за кишлак, где именно он? – подталкивал я к вопросам Узбека, сам же разворачивал карту, протянутую Джоном.

Да, действительно, километрах в двадцати отсюда есть кишлак.

– Где ждёт его брат? Как он подаст ему сигнал?

– Говорит, что, если командор-сахиб будет столь любезен и выстрелит из автомата три раза вверх, это и будет сигналом, – спотыкаясь, перевёл Шохрат.

– Угу, разбежался прямо! Пусть едет за братом на своей лошади. Чёрт его знает, кому и какой знак дадим, – возмутился я. – Короче, Маликалимамедов... тьфу ты... или как там тебя, скажи, чтобы до обеда трупов тут не было. Максимальное число похоронщиков трое. Больше никого не пустим.

Афганец попытался спорить, настоять на своём, но Шохрат схватил его за шиворот рваной рубахи и подтолкнул к лошади.

Кляча неторопливо зашагала к окраине кишлака. Я успел заметить, как по правой стороне, в винограднике, проскользнул Лиса за гостем, а по левой, за дувалами сгорбился Сержик, заторопился в том же направлении.

– Хреново! – констатировал старший лейтенант. – Надо ждать гостей. Сержант, – обратился к Джону. – Собери своих людей. БМП уברי вот туда, чуть выше подножия горы. Оттуда подходы к кишлаку видны будут хорошо, заодно и пещеру можно прикрыть. Так, – чуть подумал Кулаков. – Конт, пойдёшь к пещере с Узбеком и Дизелем. Нет, отставить Дизеля. Кто у тебя там, у пещеры остался, Джон?

– Щерба. То есть рядовой Щербаков, – поправился Игорь.

– Отлично. Пусть там и остаётся. Только возьмите патронов ещё. Теперь так, Лиса с тобой и ты, – ткнул пальцем в Билибина. – Прикрываете ту сторону дороги, откуда пришёл дух. Дизель и ты, – показал на Начальника. – С той стороны обоснуйтесь. А мы с тобой, сержант, и с тобой, товарищ рядовой, – протянул открытую пачку «Гуцульских» Билибину. – Будем на броне прохладяться, корректировать, если что. Малец, на связи!

Лёха подулся на меня немного, из-за того, что трофейный кинжал я отдал Джону. Потом поразмыслил и согласился, что так будет всем лучше. В любом случае, кинжал бы долго не сохранился у Кулакова, не говоря уже обо мне. Отдал бы Николаич его вышестоящему начальству. Может,

обменял на что-то очень нужное роте, может, подарил, опять же выдавив какую-то льготу для нас. Фиг с ним, с ножом этим азиатским!

Лиса с Дизелем вернулись, Гена доложил ротному, что афганец за кишлаком ускорил свою клячу, всё оглядывался, рыскал глазёнками по окрестностям, чуял, вражина, что вели его. Ничего подозрительного не обнаружено.

– Вот и ладушки, слава Аллаху и Магомеду пророку его! – хлопнул ладонями по коленям Кулаков. – Всё, мужики, по местам. И бдить мне во все отверстия!

Я напялил сбрую, подхватил целый цинк патронов, но Джон остановил меня:

– Не надо, Серёга, там, в пещере до хрена патронов и к калашу, и к пулемёту.

– Дык, зашибись, баба с возу, кобыле легче!

– Эй, Курбанбайраммахмудзадеоглы, – позвал я Шохрата. – Мало-мало ходить будем гора.

– Канэшна, шурави-сарбоз-командор-хан, – выпучил глаза Узбек, по-придурочному выпятил грудь, даже слюну пустил из уголка рта.

– Мля, наберут детей в армию, – задумчиво посмотрел на нас ротный.

– И страдай тут отцам-командирам, – почти хором ответили мы с Узбеком.

Я пошёл за Шохратом, поскольку дорогу он знал хорошо, не единожды побывал у пещеры. Шагали сначала по каменистой осыпи, ноги то и дело соскальзывали на влажных от росы плоских камешках. Скоро полоса осыпи закончилась, вышли на травяной покров. Тут дело ускорилось.

Затем опять сплошной камень, но уже монолитный, с прожилками глубоких и узких трещин. Поднялись минут за двадцать. Пока шли наверх, слышали, как БМП затарахтел двигателями, выбросил в небо облачко дизельного выхлопа, переполз на заданную точку.

– Пожрать хоть принесли? – Высунул голову в каске из-за каменного бруствера, грамотно сложенного у зева пещеры, Толик Щерба.

– Принесли, дорогой, конечно, принесли, – проворковал Узбек, достал из-под бронника свёрток с едой.

Чёрт, а я даже не подумал об этом. Стало неловко. Впрочем, снял с пояса флягу с пока ещё горячим сладким чаем.

– Во, чаёк, кайфила! – замычал промёрзший Щерба. Развернул бумажный пакет, вынул кусок хлеба, банку минтая в томате, споро вскрыл банку и лопал продукты с нескрываемым удовольствием, запивая чаем.

– Ты, Толян, поспи, отдохни, пока есть возможность. Мы с Шохратом тут побдим.

Щерба спорить не стал, залез в пещеру, улёгся на подобие нар, сбитых из жердей, устало прикрыл глаза.

Шохрат остался за бруствером. Мне же любопытно было посмотреть, как духи устроили КП. Ну, что, несколько безобразно, как-то небрежно, но очень толково. У стены против нар из снаряженных ящиков составлен длинный стол, на нём длинные фанерные коробки, из которых дикой

мешаниной торчали разноцветные провода, какие-то с клеммками на концах, другие просто очищенные от изоляции. Толстые кабеля, витые из этих же проводов, уходили из ящиков в землю. Я встал на колени, посмотрел, куда уходят жилы. Серьёзно ребята готовились. На самом уровне каменистого пола пещеры кабеля уходили в толстую стальную трубу. Я аж присвистнул, сколько же труда сюда ухлопано! Ладно, надо на выходе посмотреть, что к чему.

По левую сторону, прямо от узкого выхода из пещеры, стояли цинки с патронами, зелёные армейские ящики. Открыл один. Красота, около полусотни снаряжённых автоматных магазинов, в другом – десятка полтора для РПК. Воюю не хочу! В третьем – гранаты, запалы отдельно в особых кармашках. Надо же, видимо, прямо со складов наших получены. А Джон переживал из-за обмена с духами. Видимо и тут были подобные боезапасы, кому-то из наших жизни спасли обменом, а вот кому-то могли жизни и оборвать. Ничего, теперь оружие у нас. Будем использовать по назначению. В четвёртом длинном ящике лежали мины, новенькие, готовые к установке. Я в них всегда слабо разбирался. Узнал наши противопехотки, ребристые «итальянки», дальше лезть не стал. Пусть уж Дизель с ними разбирается или тот же Щерба. Помяни чёрта:

– Эй, военный, – Толик приподнял голову с нар. – Не трогай там ничего, а то – бум! – Улёгся опять.

Я хотел было спросить у Щербы, где концы кабелей выходят, но вспомнил, что Шохрат тут всё излазил, и вышел на воздух.

Узбек показал, где найти кабели. Надо было обойти небольшой выступ вправо от пещеры, спуститься по узкому жёлобу метров на пятнадцать, там валун будет, залезть на него, подняться ещё вверх тоже метров на пятнадцать, там они и будут.

– Представляешь, уровень пола пещеры и выхода кабелей одинаков, там и пробрили-то поро-ду всего метра на три, не больше. Самое интересное, что порода не монолит. Там слюдяная жила проходит. Вот в ней и пробурили дырку. Но ведь по уму сделали! Мы тут всё обыскали. Такое ощущение, что в никуда провода уходили. Хорошо хоть карту нашли. А то можно было подумать, что КП пустышка, так, обманка, а настоящий где-то ещё спрятан.

Следуя указаниям Узбека, я обошёл камени-стый выступ, хватаясь за острые камни, чтобы не упасть вниз, забросил автомат за спину, мешается под рукой, сполз грудью к скале вниз по доволь-но крутому жёлобу. Видимо, жёлоб этот пробрила вода давным-давно, был он гладким, поскольку преимущественно состоял из сланцевых пород. Я забеспокоился, как подниматься назад ста-ну. Только напрасно волновался, в жёлобе были трещины, опять же, благодаря сланцам и слю-де, в которые как в ступени можно ставить ноги. Да и спускаться надо было по ним. Дурное дело – не хитрое, зато быстро съехал к валуну. Поси-

дел немного у каменюки с гладкими боками, отдышался. Покурил, полюбовался открывшейся панорамой. Вон, внизу, под ногами, кишла-чок, войной растерзанный лежит. Тишина в нём. Нет никого, кроме наших. Вон БМП стоит, още-тинился пушкой. Влево и вправо посмотрел – пустая дорога. Арык слабо поблёскивает под восходящим солнцем. Красивая, но тревожная картинка. Ладно. Полезу, посмотрю, что и как там духи наворотили. Только поднялся с земли, высунул голову из-за валуна, как ткнулся взгля-дом в чужие чёрные глаза. Ах ты, мать твою! И автомат ведь за спиной. Тут и ствол «бура» мне почти в грудь упёрся. Потом прошибло аж до самой задницы, ощутимо так струйкой горячей потёк пот по позвоночнику и скатился к копчику. Успел ещё отметить, что дух совсем молоденький, может даже и бриться-то начал только-только, да неумело так, несколько бритвенных порезов над верхней губой, пятнышки сукровицы на левой щеке. Судя по всему, пацан испугался не меньше моего. Жмёт на курок, а выстрела нет. Я дёргаю из-за спины автомат, а он как заколдованный, не идёт и всё тут. Зацепился за что-то. Наконец-то, автомат подался, вытягиваю его, сам же неотрыв-но в круглые провалы глаз духовских смотрю. Не выдержал парнишка, бросил винтовку и как заяц поскакал от валуна, вверх по незаметному пока для меня второму жёлобу. Ах ты, гадёныш, саданул по духу короткой очередью, потом ещё одной. Куда там, ушёл душара. Влез я на валун, подхватил «бур» и назад подался, наверх, к пеще-

ре. Там уже башка Шохрата в каске вниз свисает, пулемётом выцеливает:

– Что там, Конт?

– Духи... – дыхание рвётся, тороплюсь наверх, тяну трофейную винтовку.

Щерба лежит за бруствером, в другую сторону от пещеры вглядывается.

Шохрат выдернул из моих трясущихся рук ракетницу, бахнул в небо одной красной ракетой. Тревога!

Я заскочил в пещеру, на ходу успел осмотреть «бур». Вполне боевое оружие. Пригодное. Может быть, пацан магазин не до конца дослал, вот и не смог выстрелить. Из ящика выгреб пяток магазинов, хоть и полный лифчик у меня, да бережённому бог бережёт. Цепанул столько же для пулемёта, выскочил наружу, сыпанул их к ногам Узбека. Сверху, откуда-то из-за гребня скалы по нам ударил пулемёт. Твою мать! Только неудобен угол наклона, не могут достать нас духи. Собственно, мы тоже ни фига сделать не можем. Ах, догадался бы Кулаков долбануть из пушки по склону. Жа-жах, жа-жах, жа-жах – будто в ответ на мои немые просьбы, раздались пушечные выстрелы. Посыпались вниз камни, пыль ударила по глазам. Тут же из автомата в свою сторону застрочил Толя. Я кинулся к нему, упал рядом, припал к автоматному прицелу. Ничего не вижу.

– Куда палишь? – толкнул в бок Щербу.

– Там они, там, – показал стволом автомата за изгиб горы.

Тропы там нет, значит, просто сползают вниз, надеясь выбить нас от пещеры. Вытаскиваю гранаты, протягиваю парочку Щербе.

– Давай, Толян! – выдёргиваю кольцо, встаю на колено и бросаю снаряд подальше, за ним ещё один.

Толик не отстаёт, забрасывает тоже свою пару. Бросаемся за бруствер одновременно с первым и слившимися с ним последующими разрывами. Ба-бах, ба-бах, ба-бах, ба-бах... Сверху сыпаются камушки, пыль поднимается сплошной пеленой. Ни хрена не видно! Однако бьем из двух стволов туда, где были взрывы. Мой автомат щёлкает впустую, выдёргиваю магазин, вставляю новый, передёргиваю затвор.

За нашими спинами равномерно работает РПК Шохрата. Поворачиваюсь к нему. Узбек стоит на одном колене и упоённо шарашит вверх над входом в пещеру, по скальному гребню. Оттуда тоже слышны выстрелы, но ни Шохрат, ни духи не бьют прицельно, их пули ложатся широким веером далеко от нас, охают, зарываясь в тонкий слой почвы, или жужжат сердито, срикошетив о камни. Вновь сверху поползла осыпь, камни сыпятся мелкие и крупные, даже потихоньку вырастает барханчик у входа в пещеру.

– Узбек, граната! – кричу изо всех сил.

Округлое ребристое тело катится вниз вместе с камнями, но не успевает упасть, взрывается почти над козырьком пещеры. Ба-бах, разрыв, мелкие камешки разлетаются вместе с гранатны-

ми осколками, к счастью, ещё достаточно высоко. За первой гранатой падают ещё две. Я всё ору Шохрату:

– Уходи, уходи! – для убедительности машу рукой в сторону пещеры.

Шохрат не слышит, долбит из пулемёта вверх, оборачивается ко мне в тот момент, когда граната ударяет его в лифчик, отскакивает и набухает ярким разрывом. Падаем с Толяном на землю. Больно ударяюсь локтем о камень, но почти не реагирую на это. Ещё взрыв!

– Узбек! – кричу Шохрату в наступившей тишине, резко диссонирующей с тем, что только что происходило. – Уходи в пещеру!

Подскакиваю к Шохрату. Он лениво гребёт пыль, словно неумелый пловец в воде, поджимает колени к груди. Пулемёт отброшен. Ствольная коробка покорёжена, отскочила в сторону, затвор вывалился. На хрена мне это?! Хватаю Узбека под мышки, тащу его к пещере. Ноги Шохрата цепляются носками за пулемёт, пустые магазины поднимают чёртову пыль. Подбегает Щерба, подхватывает ноги Шохрата. Заносим Узбека внутрь, осторожно переворачиваем на спину на нарах. Броник выдержал удар, помогли и автоматные магазины, выворочен металл из них, ткань лифчика и броника иссечена. Только вот из разорванного, изуродованного горла рывками вытекает кровь, лицо иссечено до неузнаваемости, губы, нос, щёки свисают рваными кусками мяса, глаз нет, пустые дыры, наполненные кровью. Всё обожжено, чёрные хлопья копо-

ти смешиваются с кровью, стекают на грудь, под голову Шохрата. Тяжкий свист лёгких, короткая судорога. Всё.

Не могу поверить. Вставай, вставай же, Узбек! Так хочется, чтобы Шохрат поднялся, пусть и израненный, дурашливо затянул какую-то песню, улыбнулся во весь рот, подхватил свой РПК, зацокал языком от возмущения, что вышло из строя оружие! Нет.

Духи снова открыли огонь, теперь уже слева и справа от пещеры. Я дал из ракетницы зелёную и красную ракету. Мы прижались с Толиком к стене пещеры у выхода. Вовремя. БМП ударила плотно из пушки. Я всё время переживал, что снаряд ворвётся в пещеру, ударит в ящик с минами. Быстро перекатился к нему, начал толкать тяжёлый ящик, чтобы убрать его поближе к стенке. Толик подскочил, помог оттащить. Я намеренно не смотрел в сторону Шохрата, не мог видеть его мёртвое тело. Опять тишина. Пыль свободно влетает под ветром в пещеру, надо бы опустить защитный полог, свёрнутый валиком вверх, зацепленный за специальные металлические крюки. Но зачем? И так обзор сужен до предела. Подходим к выходу. Пытаемся разглядеть, что внизу. Да что тут увидишь!

Слышу в небе гул самолётов. Неужели бомбардировщики? Точно! Глухие разрывы где-то за горой подтверждают мою догадку. Бомбят, бомбят минные поля. Духи совсем замолчали, либо сбили их пушкой с горы, либо ошалели от бесперспективности захвата пещеры назад. Чего

теперь-то, всё равно минные поля уничтожаются с воздуха.

Я подошёл к Шохрату. Кровь уже загустела, почернела, запорошилась пылью. Сорвал со входа полог, накрыл им тело Узбека. Теперь сидел на земле у нар, курил сигареты одну за другой, тупо смотрел на берцы. Толик замер у входа в пещеру, прислушивался. Пыль улеглась, в пещеру заглянуло солнце. Внизу сидела вертушка неподалёку от БМП, заходили на посадку ещё две. С той стороны, откуда мы пришли в этот долбанный кишлак, клубами вздымалась дорожная пыль. Шла колонна из нескольких БМП и БТРов. В небо взметнулась зелёная ракета – нам сигнал, чтобы спускались.

Постелили на землю полог, переложили тело Шохрата, сняли с него лифчик и броник. Забрали автоматы, спустились с телом метров на пятнадцать вниз. Я вернулся в пещеру, закрепил три растяжки. Одну замаскировал под тонким слоем пыли и камешков, что ссыпались сверху. Вторую установил прямо в ящике с минами, попробуй, открой крышку, жажнет от всей души! Третью, памятуя коварство и хитрость наших и духовских минёров, поставил так, чтобы было видно, что она была замаскирована, но то ли грунт сдуло ветерком, то ли небрежность сапёра, и проволока всё же была видна. Добро пожаловать, снимай растяжку, однако, при этом обязательно потянулась бы другая проволока, с первой растяжки. А пускай не лезут!

Спустился вниз к Толику с Шохратом. Пошли вниз. Голова Узбека безвольно каталась в такт нашему ходу, кусок брезента сполз с лица, потом обнажил грудь. Кровь уже не стекала, только набухла на страшной рваной ране под нижней челюстью Шохрата, лоснилась на ярком свете, прорывалась тонкими ручьями, сгустками выталкивалась сквозь раны, капала под плечи. Толстая ткань выскальзывала из рук, больно тянула ногти, но мы шли и шли размеренным шагом, стараясь погасить качку. Ремень автомата всё норовил соскользнуть, то и дело приходилось рывком плеча вверх возвращать его на место. Я пожалел, что не закинул его накрест за спину. Даже если бы сейчас выскочил на нас дух, не знаю, смог ли я бросить на землю тело убитого товарища. Да ещё с удивлением обнаружил, что за спиной у меня и «бур» болтался. Когда я его взял? На хрена тащу с собой! Толик шёл впереди, я видел его побелевшие руки, изо всех сил Щерба пытался удержать упорно выскальзывающий брезент.

– Толян, давай, покурим! – предложил я.

Мы бережно опустили страшный груз на камни.

(Окончание следует)

...Мартовский снег всё сильнее,
всё гуще,
мартовский снег оседает
на души
в чёрном измокшем саду.
Впрочем, возможно,
не снег оседает –
это деревья и люди взлетают,
под облаками идут.

Мартовский снег!
Чудеса да и только...
Слышал намедни –
скворчонка иголки –
трели звенели с утра.
Ну, а теперь небеса облетают –
падают льдинки и вовсе
не тают.
Грустная в мире пора...

Так и душа: отойдёт
понемногу,
кажется, просится снова в
дорогу,
кажется, трель задаёт...
Только – дыханьем
Борей навалился,
что-то распалось,
что-то разбилось –
ветер снежинки метёт...

**Станислав
ПОДОЛЬСКИЙ**

Поэзия

Впрочем, весенняя грусть
не навеки.
Пусть осыпает снежинками веки:
март – всё растает, пройдёт.
Снегом умылся –
очнулся, взбодрился,
вспомнил, отчаялся,
взвился, забылся...
Скворушко где-то поёт...

ПАМЯТИ ЖИЗНИ

*Подражаю Тао Юань-мину
в переводе на русский
Александра Гитовича*

Я юность припомнил –
не так это было давно.
Был полон я сил и надежд,
по Руси колесил...
Тревожу я память –
как будто немое кино...
Вдруг ветер ворвётся,
о чём я совсем не просил.
И запах морской,
и душистое веянье роц
нагорных, таинственных,
и поцелуев сандал...
Я счастлив, и в горе,
и греюсь в пылании звёзд...

А что бы я вспомнил,
когда б не рыдал, не блуждал?!

НОЧНОЙ ДОЗОР

Обычное одиночество –
привычное состояние.
Когда всё пройдет и кончится,
нельзя угадать заранее.

Вот сердце гремит простужено,
и кровь по сосудам мечется.
В душе безнадёга уличная:
то снег, то сверкают лужицы.

Блуждаешь один-единственный,
неведомый человечеству.
Дымится тоска и дыбится,
и взор по проулкам плещется...

И нет ничего знакомого
в ночном бесприютном
странствии...
Миллионы прошли бестолковые –
от Авеля и до Каина...

Набегают слова, как слёзы,
набегают, катятся, жгут,
как лавина дождей на берёзовую,
на весеннюю синюю жуть...

Зарастай, лиловей, страница!
серебрись, моя голова!

Жил как не жил,
как дождь струится:
перегоны, платформы, лица,
грусть,
ресницы,
земля,
трава...

СТАРЫЕ СОСНЫ

Эти старые сосны
помнят юность твою,
олений твой бег неутолимый
по склонам и рошицам,
твои восходы и закаты,
восторги, обиды и осознания,
горечь и озарения
слепительные,
головокружение первых поцелуев
и жажду жизни,
стремительно ускользящей...

Вкус воздуха.
Родника мелодия
незатейливо-нежная.

Ласки речки
ледово-жгучие.

Обещание счастья, которое
и было счастьем...

Эти старые сосны –
невидимки отечества

МЕМОРИАЛ ЮНОСТИ

Юг черно-алый,
 синего неба провал.
Здесь моё детство скрывалось,
 здесь горевал...

Брат и старухи.
 Мертвое время. Мечта.
Страхи и слухи.
 Скуки ночной чернота.
Запах несчастья.
 Эвакуации крест.
Нищий возврат из горластных,
 из раскулаченных мест...
Где вы, сестрицы?
 Брат накануне конца.
Эй, отзовитесь
 зовом родного лица!..

Где это было?
 Чёрным былём поросло.
Там, где могила
 и воскресенье моё.

КОНТРАСТЫ

Читаются только контрасты.
Невидимо ровное счастье.
Счастье ослепительно лишь на горестном фоне
ослепляющей боли.
Жизнь рисуема жгучим лучом
на листке беспросветной вселенной.

Среди чёрных и белых квадратов ночей и дней
заблудился, скитаюсь сожжённой замёрзшею
тенью,
натываясь на лезвия светотеней,
в чёрно-белом предутреннем мире весеннем,
расцветающем нежно-зелёным растением –
снежно-белой дочуркой моей

ФЕВРАЛЬСКИЙ СНЕГ

Вот и снег пришёл, широкий, большой.
Видно, долго шёл – падает...
Не зря не спешил: поля порошил,
даль, и глубь, и ширь радуя.
Издалёка шёл, грузный, как монгол,
от якутских сёл, крадучись,
над долом пустым, над лесом густым
через всю Сибирь-матушку.
Байкалу мигнул, Обь перемахнул,
Уралу сверкнул дымному,
а там, чумовой, шёл Волгой-рекой,
пил влагу её имени...
Вот вырвался в степь, продрог и ослеп,
стога заносил, озими,
и лишь в феврале прижался к стерне,
расшибся душой оземь...
Так значит пришёл, могучий, старшой.
Видно, трудно шёл – падает.
Мимо всех кручин следы протащил,
малых и больших радуя...

Так и я витал. И я ведь плутал,
в пути коротал время.
Пришёл – и упал. Пришёл – и припал,
И обнял – в снегах – землю.

ХРИЗАНТЕМА

Снежинка! Неженка! Гордячка!
Хрипучей осени скрипачка
с росинками на коготках!
Зимы летучая беглянка!
Душистый иней, на устах
не тающий...
Сквозь пёстрый прах
атласнейшая самозванка
явилась светлизной блистать!..
Невозмутимой северянки
непостижимая душа...
Цветенье белизны нетленной...

Я рынком брёл. Она вошла,
вдохнула лепестками всеми,
туманным взором обдала
и, зубками блеснув, несмело,
подобно облачку, взлетела
и канула, и уплыла –
пушистый морок, снег у рта –
смеющаяся Хризантема...

МАЛЬЧИШКА

Я говорил о детстве дорогом,
где речки чисто и прозрачно пели,
и вышел в города сырой проём,
где грязь на улицах и ржавые капли.

Пронесется, гремя, грузовики.
По кругу мчит порожняком морока.
Здесь поминать о прежнем не с руки:
все ждут давно завещанного срока...

И пескаря в речушке мутной нет,
И жалкого обидно урожая.
Куда девался ранний влажный свет?
И юность не болит – как жизнь чужая...

А где-то ведь за каменной стеной,
в каком-нибудь садочке, по старинке,
мальчишка мучится как заводной,
и слёзы радости глотает, как росинки.

Взглянуть его глазами на себя,
на мир, исполненный загадочных
стремлений, –
и детство длится! Под ногой – стезя!
И нет тоски, безумия и лени...

ЖИЗНЬ ДЕРЕВЬЕВ

У деревьев не быт,
а бытие.

В нём – событие
за событием...

Вот уж снова –
жилистым, битым –
осень, словно война,
грозит им.

Что ж, не станут
деревья кланяться,
стенать, жаловаться,
печалиться.
Просто сбросят
пышноты лиственные,
чтобы чёрные торсы
выстояли.

БЕЗДНА

*Сквозь туман кремнистый путь
блестит.*

М. Лермонтов

Вымираю в ясности осенней:
что-то тяжко падает на душу.
Ни добра вокруг, ни преступлений.

Просто рушит
время все преграды и препоны
между бытом и небытием...

Что мне ваша слава и гоненья!
Мы – вдвоем
с вышним Светом – над безумной бездной.
Сквозь туман кремнистый блещет путь...
Может быть, Душа и в этой бездне
скажет: «Будь!»

У РЕКИ

Кипят и мчатся мартовские воды,
в них столько мути, ярости и зла!
Но к осени, переболев невзгодой,
очистится певчая струя.
Так в юности летела криво-косо
ты, жизнь моя, мутна и холодна,
ты столько щедрого бросала по откосам,
что нынче светишься до дна.
В тебя глядятся дети и синицы,
тебя в кувшинах женщины несут,
жар утоляешь, освежаешь лица...
А помнишь мартовскую жуть?

Рассказы

КАВКАЗСКАЯ ОХОТА

Пягигорск его не впечатлил. Он предположил, что милые места, кто восторгался этими местами, объяснялось их собственной оседлостью, незнанием иных мест, кроме тех, где выпало родиться и жить. К тому же после промозглого Петербурга или пыльной Москвы или же после зимних холодов в двух столицах южное предгорье с его знойной истомой, гортанным говором экзотических горцев и курортной праздностью должно было вызывать восторг. Ему же не в новинку были ни жара, ни степь, ни разбойничьи лица и несалонные отношения, и сюда занесло его, можно сказать, благодаря исключитель-

**Виктор
КУСТОВ**

Проза

ной слабости к своим казацким корням по материнской линии, которые шли от запорожских, а затем кубанских казаков. Отец-то был истинный русич, с новгородчины, от него Гиляровский перенял не только умение в охоте и рыбалке, но и уверенность в том, что выживет в любой ситуации, а вот от матери ему достались непоседливый нрав и жажда свободы. И маета, склонность к перемене мест (а может, это был зов крови степных вольнолюбивых предков) пробудились в нём, когда ещё в отрочестве, увидев вывеску «Цирк араба-кабила Гуссейн Бен-Гамо», он пришёл в дикий восторг, а потом сначала подрался, а затем подружился с сыном хозяина цирка Оськой, отец которого, араб по происхождению, давно обрусел, а мать была чистокровной русской, и Оська родился в России. Через эту дружбу Володя стал учиться цирковому мастерству и уже через пару месяцев делал сальто-мортале и на скаку прыгал с лошади на лошадь.

И по тому же зову он в шестнадцать лет ушёл из дома.

Прошагав пешком из Вологды в Ярославль, пристроился к бурлакам, похоронившим только что умершего от холеры товарища и нуждавшимся в замене выбывшего, а благодаря природной своей силе и ловкости, скоро сделался среди них равноправным. Назвавшись Алексеем Ивановым (по имени и отчеству отца), он отработал всю путину, удостоившись уважительно-настороженного прозвища «Бешеный» – за то, что всё время демонстрировал свою неумную энергию и переборол всех сотоварищей, охочих до этого.

А осенью поступил вольноопределяющимся в Нежинский полк, быстро постиг немудрёную науку солдатской выучки, став лучшим строевиком, скоро назначен был взводным, старшим капральным и даже занимал какое-то время должность фельдфебеля. И спустя два года службы был направлен в юнкерское училище в Москву. Здесь он узнал разницу между солдатской и офицерской жизнью. Вместо грязных нар – кровати с чистым бельём. Еда – не сравнить. Но и дисциплина здесь была железная, никакой свободы, а учение до упаду. Проучился-проспал на чистом белье всего ничего, несколько недель: не смог смириться с несвободой. И возвращаться обратно в полк не захотел. Подал рапорт на увольнение, на базаре сменял шинель и мундир на потрёпанное пальто, кепи – на ватную старую шапку, и началась его вольная жизнь: истопник в Ярославле, пожарный, рабочий на рыбном промысле, табунщик в астраханских степях.

...Эти дни на полынном просторе запомнились, как никакие другие. Родившийся в краю дремучих девственных лесов, он вдруг воспылал необъяснимой любовью к степи. Бескрайние просторы переносили его в прошлое, будя фантазию (или, может быть, поднимая пласты памяти). В калмыках он видел потомков древних скифов и скоро не сомневался: степь и лошадь – вот главное богатство калмыка, да и прочих народов, живущих в этих местах. И главное благо здесь – свобода.

Он влюбился в степь и тем не менее работу табунщика назвал каторжной. И не раз потом

вспоминал её девиз: «Табун ушла – я ушла. Табун пропал – я пропал». Особенно трудно было сохранять табун зимой, когда сутками приходилось быть в седле в морозы и пронизывающий ветер. Нередко, закоченелого, его снимали с лошади и отогревали в джулуне.

А ещё бурлила кровь от вида Жени, племянницы хозяйки, юной красавицы казачки, высокой, тонкой, лихой наездницы. Брови чёрные дугой, глаза с поволокой...

Жаль, совсем юна та была...

Уважали же его здесь за знание лошадей, джигитовку, вольтижировку (пригодились цирковые уроки араба) и владение арканом. Да ещё за то, что знал французский язык и мог перевести хозяину, что говорили между собой покупатели лошадей, прицениваясь к покупке...

Потом он подался в Ростов-на-Дону и поработал цирковым наездником. И, наконец, стал выходным актёром в театре, удовлетворив свою давнюю тягу к лицедейству. Постоянные переезды, гастроли по городам центральной России не давали заскучать...

Тут и застало его предложение казака Бокова из Таганрога, с которым он познакомился, когда выступал в цирке. Уж сильно тогда приглянулся крепкому хозяину-казаку, владельцу конюшни, лихой наездник. Тот отыскал его после представления, уговорил отобедать, а когда узнал, что у циркача течёт казацкая кровь, совсем его полюбил. Вот и стал теперь уговаривать помочь ему купить в Кабарде производителей для сво-

их кобыл. А Владимиру уже хотелось простора и разгула. Да и сезон окончился, самое подходящее время для смены обстановки, вот и согласился с радостью.

Так летом 1876 года он очутился в предгорьях Кавказа.

Первым делом они с Боковым поехали к кабардинцам Урусбиевым. Те коней видных держали. Ну, а потом из аула в аул переезжали, у Бокова знакомых оказалось много, и везде угощение и развлечение – охота. И везде цирковое умение Гиляровского потрясало знающих толк в джигитовке горцев. Желанный гость тут же становился кунаком, которого обязательно надо было познакомить с ближними и дальними родственниками, а родственников у каждого горца было немалое количество.

Ещё перед поездкой Боков, зная об обычаях горцев, обрядил своего гостя в местную одежду: черкеску, бурку – и неизменный для горцев и казаков кинжал подарил, так что чувствовал себя Гиляровский среди мужественных мужчин совсем своим.

День за днём катились незаметно, гостеприимство кабардинцев границ не знало. Наконец, спустя недели три, стал Боков домой собираться: у деда его день рождения приближался, а тот был человек уважаемый, гостей на торжестве будет много, никак нельзя внуку задержаться.

Но в Пятигорске Гиляровский настоял на том, что останется на несколько дней: побывать здесь

и не пройтись по местам, где хаживал великий поэт, никак нельзя. И на место, где отлетела душа того, тоже следует подняться. Кроме того, в городе висели афиши гастролей драматической труппы Максимовича-Христича, его вдруг потянуло с неодолимой силой в театр. Вот и сказал другу-казаку, что задержится, а через пару недель приедет.

На том и порешили.

Боков уехал со случайным попутчиком-офицером в Россию, а Гиляровский на следующее утро направился по тропе на склоне Машука вверх к месту, где был убит Лермонтов.

Шёл среди прогретых южным солнцем деревьев и кустарников, не торопясь, окидывая взглядом то здесь, то там приоткрывающийся среди зарослей, оставшийся внизу городок, как вдруг позади раздался топот копыт, и его догнали три всадника. За ними на поводе шла четвёртая лошадь с вьюком. Приблизившись, они осадили коней, и в первом всаднике он узнал кабардинца, с которым познакомился во время одной из охот. Этот горец был удивительно похож на лермонтовского Казбича, во всяком случае, Гиляровский так себе того представлял, читая роман. Был он явно из уважаемых и богатых людей: шашка, кинжал и газыри отливали золотом, горцы с ним держались почтительно. Он немного разговаривал по-русски, но это умение использовал крайне редко. И тем не менее они сумели понять друг друга, и Гиляровский неожиданно для себя на

одном из застолий даже разоткровенничался с ним. А тот, прощаясь, тогда твёрдо произнёс:

– Ти мэнэ кунак – я тэбэ кунак! Моя – твоя, твоя – моя! – сказал, словно закон подписал.

И вот теперь он сидел на передней лошади, а по сторонам замерли в ожидании два джигита, такие же высокие и стройные, только один – с седеющей острой бородой, а другой – молодой с чёрными усами.

Кунак спешился, поздоровался за руку, и они, отойдя от тропы, присели на траву.

Горец поинтересовался, чем Гиляровский занимается, куда идёт. А выслушав ответ, произнёс:

– Ва! Мы кунаки! Мои деньги – твои деньги, мой лошадь – твой лошадь! Охотиться будем... Туда-сюда поедем. Хорошо будет.

Гиляровский размышлял недолго. Всё-таки одиночество его прельщало меньше, чем общество. И тем более приключения. Жаль, правда, было, что придётся отложить визит в театр, но впечатления, которые обещает ему кабардинский князь, это компенсируют.

– А как тебя звать? – запоздало спросил кунака.

По мановению руки того к ним подошёл джигит с бородкой, обратился к князю: «Ага» – и далее сказал что-то ещё на своём языке, приложив руку к голове и сердцу.

– Зови Ага, – произнёс кунак. – Ага, и больше ничего. Тэбэ я – кунак, им – Ага.

Джигиты вернулись от лошадей, разослали перед ними бурку, достали из перемётной сумы сыр, чурек, посудину и два серебряных стакана.

– А это твой лошадь, тэбэ дару!

Кунак сделал жест правой рукой, и старый джигит вмиг развьючил четвертую лошадь – на ней оказалось серебром отделанное седло с перемётными сумами. Остальной выюк они распределили на своих лошадей и по знаку Аги положили перед Гиляровским в чехле из бурки винчестер, которого он до сих пор не видел.

– Это – тэбэ.

– Хаирбулсын, кунак! – поблагодарил его Гиляровский, к месту вставив пока единственное слово, которое он запомнил.

– Хаирбулсын! – тот улыбнулся и произнёс: – Едым?

– Едем, – согласился Гиляровский.

– Ти в городе не оставил каких-нибудь писем или бумаг?

– Только бурку.

Ага опять сделал жест, и старик отторочил от седла лёгкую, как пуховое одеяло, бурку.

Нальчик миновали поздно вечером.

Проехали Большой аул и заночевали в отдельной постройке, кунацкой, на широких низких скамьях, обитых коврами. Бурка оказалась очень даже кстати.

Встали рано, ещё в темноте, и перед рассветом въехали в ущелье, по которому бежал Черек, приток реки Баксан.

На вопрос Гиляровского, куда они направляются, Ага сказал, что настоящая охота бывает высоко в горах и они поднимутся к балкарскому аулу Безенги, который находится у самого подножия гор-великанов Каштан-Тау, Дых-тау и Минги-Тау.

Далеко это или нет, Гиляровский не представлял, но положился полностью на кунака.

Скоро дороги не стало, и они передвигались по каменным карнизам, нависающим над бурлящим потоком, изредка пересекая ровные поляны, на которых буйно цвели рододендроны, переплетались кустарники, и каким-то чудом на склонах держались грабы, сосны и даже дубы. Иногда из низких зарослей с криком вылетали фазаны, но джигиты не обращали на них никакого внимания. И даже когда небольшой облезлый медведь сорвался с кручи над тропой, по которой они шли, и упал в бездну, в гремучий Черек, не придали этому особого значения, словно такое случилось не впервые.

– Нас пугался, маладая, людей не видал, – только и пояснил неразговорчивый кунак.

И Гиляровский, покачиваясь в седле осторожно ступающей по карнизу лошади и положившись полностью на её умение ходить по таким тропам, вспомнил свою первую охоту на медведя.

Подростком он уговорил дядю взять его с собой, и они, соврав домочадцам, что будут охотиться на лосей, вьюжным днём (сейчас пот заливал глаза, и о зиме было думать приятно) отпра-

вились в заповедные места. Ехали прежде на тройке. Потом на мужицких розвальнях до лесной сторожки, где переночевали. А наутро пошли к медвежьей берлоге.

Володю тогда взрослые охотники поставили около толстой сосны шагах в восьми от берлоги. Сами же встали по бокам и за ним (на всякий случай). Лесник начал тыкать в берлогу длинным шестом.

– Смотри, целься в лопатку, не промахнись, это твой медведь, целься, не горячись, – напутствовал его дядя Коля.

И когда вслед за рычанием из-под снега выросла громадная фигура медведя, он прицелился и спустил оба курка.

Из-за дыма ничего не было видно, но за звуком выстрела раздался страшный рёв, и он стоял ни жив ни мертв, не зная, попал или нет.

– Bravo! Молодец! Наповал! – услышал голос дяди.

Зверь был громадный, и обе пули попали ему в сердце...

Возвращался он тогда домой героем и первый раз пережил восторг товарищей. Этот же восторг в глазах он видел у зрителей, когда раскланивался после выступления.

...Но удариться в воспоминания некогда было: впереди распахнулась горная долина, посреди которой голубело широкое озеро. Здесь остановились на привал.

Гиляровский не удержался, сказал, что не видел воды такого цвета...

Ага взял два больших белых камня и бросил. Они сразу стали тёмно-голубыми, а в глубине пропали уже тёмно-синими. На берегу, хотя они и остановились повыше, довольно ощутимо пахло серой.

Перекусили холодной жареной бараниной, козьим сыром, чуреками. Запили бузой из тыквенных горлянок: воду из озера пить нельзя было.

Дальше по пути им встретились ещё три таких же голубых, только поменьше, озера, от которых серой пахло ещё больше.

Наконец дошли до подвесного моста через ущелье, сплетённого из прутьев кустарника или стволов тонких деревьев, без настила, без каких-либо перил. Перед ним паслось стадо коз. Пастухи тут же надоили и подали им с кунаком по чашке ароматного густого молока. Ага бросил им горсть серебряных монет, и те долго молча кланялись, прикладывая руку то ко лбу, то к груди. И Гиляровский опять подумал, что его кунак не иначе как кабардинский князь.

Но обо всём забыл, как только вступил на шаткий настил. Идти по такому качающемуся мосту без ограждений, да ещё держа в одной руке повод, было страшно. Но он подумал, что если горцы здесь ходят, те же пастухи, сможет и он. Ну, а если и упадёт в пропасть, жалеть о нём некому: за время скитаний привязанности он ни к кому не обрёл.

От волнения заторопился, шагнул на настил, не дождавшись, пока пройдет Ага, но старший

джигит его придержал и разрешил идти только тогда, когда кунак уже ступил на землю на другом берегу и мостик перестал раскачиваться.

Гиляровский шёл, держа в руке повод, сначала опасаясь, что лошадь может сбить его с шага, но та шла привычно уверенно, повод ни разу не натянулся, и он скоро успокоился, мысленно похвалив разумных кабардинских коней, и старался не смотреть вниз на грохочущие буруны Черёка, с благодарностью отмечая очевидную пользу своей цирковой выучки. И всё же, когда наконец ощутил под ногами твердь, не смог удержать переполнявшую радость от благополучно избегнутой опасности. И выразил её вдруг пришедшим на ум возгласом:

– Хорошо здесь!

– Джигит! – отозвался Ага, улыбнувшись и окидывая его одобрителем взглядом...

...В ауле Безенги, в который они не стали заходить, направляясь в известные Аге охотничьи места, оглядели его сверху, жили балкарцы, древний горский народ.

Легенда гласит, что народ этот пошёл от охотника Малкара, который появился невесть откуда, а до этого жило здесь немногочисленное племя таулу.

Ему эти места понравились, он привёл сюда свой род, но, чтобы не мешать старожилам, они осели на другой стороне поляны. Жили оба рода мирно. Но однажды пришёл сюда человек по имени Мисака. Он остановился у Малкаровых, кото-

рых было девять братьев и сестра. Они полюбили друг друга, но братья не разрешили сестре выйти замуж за Мисаку. И тогда влюблённые решили убить братьев, и во время покоса сена сестра напоила братьев крепким напитком из ячменя, а когда те заснули, Мисака убил их.

Женившись и став хозяином всего имущества братьев, Мисака привёл сюда других людей, стал притеснять таулу и превратил их в своих данников.

В это ущелье, которое стали называть Малкар, скоро после этого пришёл воин по имени Басиат. Он был верхом на лошади и с огнестрельным оружием, которого в этих местах не знали. С ним пришли его прислужники. Он обещал Мисакам не отнимать у них их права по отношению к таулу. А попал сюда Басиат из другого ущелья реки Урух, куда в своё время пришёл с братом Бадилят (прибыли они из Венгрии или из Крыма). Бадилят в горы въехал на лошади, а Басиат – на муле, которого здесь прежде не видели, и горцы приняли за старшего сидящего на коне Бадилята и оказали ему почести.

Басиат же после этого решил искать счастья в другом месте и поехал в ущелье Малкар, где и был принят.

Аналогично создавались и другие общества. Устроены они были следующим образом: управлял ими старейший и достойнейший из таубиев – опий. Таубии были верховной властью и пришлыми людьми. Уздени и эмчеки – второе сословие. Узденями назывались люди, которые

имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях. Эмчеки – люди свободного происхождения, но находящиеся под покровительством таубиев, несли известные повинности лично и материально по отношению к таубиям. Затем следуют чагары и, наконец, казаки и карабаши. Чагары так же, как русские крестьяне, принадлежали таубиям. Казаки и карабаши – домашние рабы и рабыни таубиев из людей, взятых в плен, украденных и купленных. Казак значит одинокий, бездомный, бесприютный. Карабаш – чёрная голова – так называли рабынь.

Что же касается кабардинцев, то они из адыгов, черкесов, пришли со стороны Майкопа, ведомые князем Кабардом. Осели они не в ущельях, а в большей степени в предгорье. В районе Пятигорска их даже называли пятигорские черкесы. Управляли ими князья, уздени и духовенство. С балкарцами они жили довольно мирно, но и особо не пересекались и даже сторожили друг от друга скот.

Ага сказал довольно скупо, что живут здесь мирные люди, привыкшие к горной тишине и снегам, что в основном они скотоводы, но и неплохие охотники. Аул был не очень большой, но, как сказал Ага, древний, и его дед, прадед и прапрадед о нём знали. А самым заметным зданием была сторожевая башня на краю села.

Сверху аул казался безжизненным, но тянулись вверх, в синее небо, белые дымы. Это была совсем неведомая Гиляровскому жизнь, и он был

бы непрочь спуститься вниз, в долину, пообщаться с живущими в этом отрезанном от всего мира уголке, но Ага сворачивать не стал, и они стали подниматься ещё выше к ледникам, оставив аул внизу.

Когда белые вершины были уже совсем рядом, они наконец увидели их: пятнадцать рыжих красавцев, возвращающихся на неприступные ледники с водопоя. Впереди шёл вожак, старый тур с огромными рогами.

Они шли друг за другом, грациозно перепрыгивая с уступа на уступ, и неминуемо должны были выйти на их засаду, перерезавшую единственную, набитую многими копытами тропу.

Вот они начали перепрыгивать через узкую расщелину, след в след ставя свои копытца, и в этот момент никто не стрелял, бесцельно было терять добычу в пропасти. Наконец они появились на ровной площадке, уже досягаемые для выстрела, и охотники выстрелили почти одновременно – четыре тура остались лежать, а пятый, раненый, рванулся в сторону и полетел в пропасть...

Разглядывая гордое животное с большими изогнутыми рогами, только что окончившее свой земной путь, Гиляровский вспомнил вологодского охотника Ираклиона Корчагина, который служил на Кавказе. У того было два огромных турьих рога – один натуральный, а другой служил кубком. Этим кубком шутили над гостями, поднося новичку наполненный доверху вином или пивом и предлагая выпить. Весёлый гость ретиво брался

пить и проливал всё на себя. Секрет был в том, что из него нельзя было пить залпом, а лишь слегка поворачивая и не поднимая.

...Потом, когда наелись душистого мяса, щедро запив его бузой, и обменялись мнением об охоте (не очень-то и лёгкой после такого многокилометрового пути), засыпая под близким звёздным небом, Гиляровский вновь увидел голубые озера и себя на розовом в утренней заре снегу. Он увидел себя пробирающимся по турьей тропе с винтовкой наготове. И вдруг перед ним из чёрной пропасти появилась гигантская фигура человека как бы парящего в воздухе. Он видел папаху, такую, как у него, руку, опирающуюся на винтовку, тоже поразительно знакомую, ногу, отставленную на камень...

И он понял, что этот огромный человек – он сам, стоящий в необъятном просторе; внизу – мрак бездны, снеговые вершины над гигантских размеров вторым его «я».

И этот второй зачаровывал.

И он, казалось, поглотил весь остальной мир.

А потом стал бледнеть и таять...

Пятигорск после горных троп, мостика, вершин, молчаливых горцев показался излишне суетливым, с каким-то неестественным током жизни, и он не стал медлить, попрощался с кунаком и заторопился в Россию. Ещё не зная о том, что придёт время и он будет вспоминать час за часом этот неожиданный поход в горы, под самые ледники, где живут непостижимые его равнин-

ному уму люди. И наконец опишет всё, что пережил. А описав, признается, что так до конца и не разгадал видение, которое подарил ему Кавказ.

ВСПОМНИТЬ ЮНОСТЬ

Лавут всё же сумел убедить отправиться в это авантюрное, как считал Зоценко, турне по южным городам. И хотя Михаил Михайлович долго не соглашался, приводя массу аргументов, начиная с того, что он – никак не Маяковский, чьи выступления Павел Ильич организовывал – у них, «фабрикантов-оптимистов», как он их называл, действительно выступления проходили «на ура». Конечно, поэта-трибуна везде примут, а как его – прозаика? К тому же он совсем не умеет читать на публике. И заканчивал своим нездоровьем.

Но тот стоял на своём.

– Михаил Михайлович, всё получится просто замечательно, – убеждал он. – Ваши рассказы, без всякого сомнения, публика примет. И, между прочим, Маяковский считает, что они как раз для выступлений. Между прочим, в Самаре в витрине фотоателье есть такое четверостишие: «И рисуется её глазам уж, что она за Зоценку выходит замуж...» Это ли не народное признание...

Зоценко задумался. Потом не совсем уверенно произнёс:

– А если подведу вас, вдруг заболею...

– Не будете болеть, – твёрдо заверил Лавут. – Публика вам сил придаст. А на обратном пути из Тифлиса заедем в Кисловодск, юность вспомните...

– Заманчиво, – не совсем уверенно произнёс Зоценко. – Правда, в Харькове у меня сестра живёт, неплохо бы повидаться...

– Вот и встретитесь! – обрадовался Лавут, дожидая всё ещё колеблющегося писателя. – И с сестрой увидите заодно, а публику вам самую благодарную я обещаю...

И сказал он это так твёрдо, что Зоценко перестал сомневаться: всё-таки у Павла Ильича большой опыт продюсирования, и не каждому он предлагает свои услуги.

– Не знаю, как это вам удалось убедить меня, но, так и быть, уговорили, поеду, – махнул рукой Зоценко.

А про себя подумал, что всё взаимосвязано: он только закончил повесть «Возвращённая молодость», в которой попытался приоткрыть для себя и читателя секрет управления временем – и теперь вот это предложение побывать в местах юности...

Лавут наметил маршрут размашистый: Харьков, Ростов-на-Дону, Баку, Тифлис-Тбилиси. И на обратном пути – Кисловодск, где и выступления будут, и Зоценко, если захочет, сможет отдохнуть.

Первое выступление в Харькове едва не сорвалось. Михаил Михайлович, увидев переполненный большой зал, вдруг отказался выходить. Но Павел Ильич с сестрой убедили, что хуже всякого провала, если он этого боится, будет отказ от выступления: в зале больше тысячи человек.

И он через силу, хотя по нему это не было заметно – сопротивлялся вдруг нахлынувшему страху из последних сил – вышел на сцену и начал, как и советовал Лавут, выступление с рассказа о себе, своей биографии. Потом, опять же по совету Павла Ильича, перечислил профессии, которыми овладел, пока его не стал кормить писательский труд. И, наконец, опять же учтя совет, прочитал рассказ «Слабая тара».

«Нынче взятки не берут. Это раньше шагу нельзя было шагнуть без того, чтобы не дать или не взять. А нынче характер у людей сильно изменился к лучшему».

Так начинался рассказ, и первые же его слова вызвали оживление в зале.

«Давеча мы отправляли с товарной станции груз», – продолжил он читать, описывая процесс по приёму груза и весовщика, который через два-три человека груз принимать отказывался по причине «расхлябанности тары». Но, добрая душа, он тут же и подсказывал: «Заместо страданий, укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пуцай он вам укрепит. Пуцай сюда пару гвоздей вобьёт и пуцай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди, – я приму».

Вот и герой рассказа пошёл тару укреплять да и разговорился с рабочим.

«Я говорю:

– Что вы, говорю, обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя. Он мне говорит интимным голосом:

– Это верно, я бы вам и за тройку сделал, но, говорит, войдите в моё пиковое положение – мне же надо делиться вот с этим крокодилком.

Тут я начинаю понимать всю механику.

– Стало быть, – я говорю, – вы делитесь с весовщиком?»

Тут зал окончательно оживился, показывая, что тоже понял всю описываемую и, очевидно, им хорошо знакомую механику. И закончил Зоценко читать под бурные аплодисменты.

Этот рассказ читал он и в других городах, и практически везде реакция была одинаковой.

В поезде от Ростова до Баку с Лавутом предавались беседам на разные темы; времени было достаточно. И Михаил Михайлович яростно отрещивался от того, что критики относили его к юмористам.

– Конечно, иногда сложно отличить, увидеть эту грань между юмором и сатирой, – говорил он. – Часто юмор и сатира соседствуют, рядом и весёлая улыбка, и бичующий смех. Но я слышу больше именно такой смех. Отчего же я юморист? Никому ведь в голову не придёт называть юмористом Гоголя или Салтыкова-Щедрина. Мне до них, конечно, далеко, не сравниваю даже, но лучшее, что я написал – это сатира. А ещё полагаю, что я полезный писатель. Не все читатели меня понимают, но ведь и к Маяковскому с его языком и «лесничкой» до сих пор далеко не все привыкли – привыкнули и ко мне...

Лавут согласился, напомнив, что и гиперболы Гоголя не сразу дошли до многих.

– Только мне кажется, что в его «Ревизоре» нет ни одного порядочного человека. А сегодня требуется, чтобы такие были...

– Я не совсем согласен, что огульно всех действующих лиц этой пьесы причисляют к отрицательным, – не согласился Зощенко. – Это не совсем так. Да и отрицательные тоже не одинаковы. Есть выдающиеся жулики и авантюристы во главе с городничим, который умудрился даже целую церковь в карман сунуть. Великолепная, кстати, характеристика главы города. Но есть более скромные чиновники, рядовые, так сказать, жулики... Даже Хлестаков – уж на что прохвост, а ведь не бездарен. В основном, по-моему, обстоятельства да ещё отцы города сделали его лжеревизором. Не явно отрицательна, например, Марья Антоновна. Судьба ей как будто улыбнулась – ну как прозевать столичного жениха?.. Трактирный слуга... Он Хлестакова раскусил, понимает, что тот нахал... Вообще же, выше «Ревизора», по-моему, трудно подняться в комедийном жанре.

Так за разговорами и проехали почти весь путь – только перед самым Баку отравился Михаил Михайлович рыбой в вагоне-ресторане. И при-шлось первым делом срочно искать доктора. И так уж получилось, что оказал ему первую помощь врач, который книги его читал и чуть ли не мечтал о встрече с ним. Он сразу же успокоил Зощенко, что от этого отравления никто не помер, и всё необходимое сделал так хорошо, что

уже через пару дней Зощенко себя почувствовал лучше, и в Баку и Тифлисе выступления прошли хорошо. И всё же на обратном пути он решил задержаться в Кисловодске на пару недель, поправить здоровье.

Да и вспомнить-пережить юность.

...Тогда ему было девятнадцать лет. Его только что исключили после первого курса юридического факультета из санкт-петербургского университета «за невзнос платы за весеннее полугодие», и он с приятелем отправился на юг, где по протекции устроился контролёром на железнодорожную ветку Минеральные Воды – Кисловодск. Жил он на съёмной квартире на станции Минутка и каждый день разъезжал между курортными городами. Зарплата была хорошая, получалось даже откладывать деньги, чтобы осенью внести за обучение и восстановиться в университете.

Приключилась здесь с ними история, о которой он живо вспомнил, проезжая нынче Минутку. Его приятель тогда влюбился в местную барышню, и между ними возникла любовь. А у той был жених, работавший уже юристом. Михаилу девушка тоже понравилась, но товарищу он мешать не стал, а вот жених стал угрожать физической расправой. Товарищ всё Михаилу рассказал, спросил совета. А Зощенко это сильно обидело. Он решил, что честь и достоинство товарищ должен отстаивать на дуэли. Жених, надо сказать, оказался не из трусливых и стреляться на дуэли согласился. Они с приятелем выбрали пистолеты

подешевле, потренировались, наконец определились с днём дуэли. Точнее с утром – стреляться лучше на рассвете. И к назначенному часу в назначенное время прибыли. А жениха не было. Ждали довольно долго, но тот так и не появился. Облили его всякими презрительными словами и только потом узнали, что того накануне срочно призвали в армию; уже началась Первая мировая война...

Но отношение к дуэли как к приемлемому способу разрешения конфликта осталось. Правда, спустя годы все зеркально повторилось...

В начале 1922 года, уже будучи писателем, выпустившим первую книгу «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова», однажды он пришёл к «Серапионовым братьям» с тремя актрисами гастролировавшего в Петрограде театра. «Бесцеремонное вторжение хорошеньких актрис», с точки зрения Вениамина Каверина, оскорбило «орден». Актрисы прочли свои стихи, и он устроил им беспощадный разнос. Девушки обиделись и ушли. Зоценко проводил их. А когда вернулся – был в бешенстве. Он обозвал Каверина ханжой и потребовал извинений. Но Каверин сказал, что не чувствует себя виноватым и предложил дуэль.

Зоценко несколько дней ждал секундантов, но их не было. А потом друзья их помирили...

Вот и задумаешься о законе бумеранга...

Михаил не вернулся в университет, а вольноопределяющимся был зачислен в военное учи-

лище. И в январе 1915 года произведён в чин младшего портупей-юнкера. Затем окончил ускоренные курсы и стал пехотным прапорщиком. С марта он уже в действующей армии, младший офицер пулемётной команды. В ноябре ранен в ногу и «за отличные действия против неприятеля» награждён орденом Св. Станислава 3-ей степени с мечами и бантом. С декабря Зоценко – начальник пулемётной команды, подпоручик. В феврале 1916 года награждён орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость». И летом произведён в поручики. А через десять дней после этого в результате газовой атаки неприятеля был отравлен газами.

После госпиталя вновь вернулся на фронт. Получил ещё два ордена: Св. Станислава 2-ой степени с мечами и Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом. Был командиром роты, штабс-капитаном. В январе 1917 года представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-ой степени и к званию капитана. Но ни чин, ни орден получить не успел – началась революция. К тому же в результате отравления газами он получил порок сердца.

Революцию Зоценко принял. Был назначен начальником почт и телеграфов и комендантом почтамта Петрограда. А потом была работа в Архангельске, в Смоленской губернии, Новгороде, Пскове... За три года переменил двенадцать городов и десять профессий. Был милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по пти-

цеводству, телефонистом, агентом уголовного розыска, секретарём суда, делопроизводителем...

И хотя был освобождён по болезни от военной службы – добровольно пошёл в Красную армию и служил полковым адъютантом, участвуя в боях. Но очередной сердечный приступ стал причиной демобилизации.

Такой биографии можно было позавидовать – вот почему Лавут настоятельно рекомендовал ему перечислять свои профессии, тем самым показывая близость его с народом, о котором он и писал в своих рассказах...

В Кисловодске, помимо выступлений, он принимал ванны, пил нарзан и дышал живительным воздухом. Этот город действовал на него благотворно. Он и до этой поездки в 1933 году уже лечился здесь – болезнь периодически напоминала о себе. И страдал он не только по причине слабого сердца: всё пережитое им не могло не сказаться на психике. И он уже понимал, что избавиться от страхов лучше всего, поделившись ими. С тем же листом бумаги. С героями своих рассказов. Правда, рассказы пишутся не так часто – легче у него получаются фельетоны. Но эта поездка оказалась плодотворной. Он пишет рассказ «Врачевание и психика».

«Вчера я пошёл лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много, почти как в трамвае. И, главное, интересно отметить, – самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям.

Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу – две женщины и один мужчина. А по нервным – человек тридцать.

Я говорю своим соседям:

– Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний, какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или чёрт его знает кто, говорит:

– Ну ещё бы! Ясно, человечество торговать хочет, а тут, извольте – глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

– Ну, вы не очень-то распущайте свои мысли. А не то я позвоню куда следует. Вам покажут – человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усиками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

– Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идёт не по той линии... Цивилизация, город, трамвай, бани – вот в чём причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было...»

А ещё причиной тому «война, революция, питание...» – напишет он дальше.

И наконец, в уста своего желтоватого, в тужурке, героя рассказа, уже словно о самом себе расскажет:

«Возвращаюсь я с фронта. Ну, естественно, – гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, вхожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую – у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало, – я был два раза отравлен газами в царскую войну. И с тех пор оно у меня пошаливало...».

Да и мало что выдумал в этом рассказе, но написал и вроде как исповедовался. И легче стало.

Эту способность творчества врачевать не хуже, а то и лучше докторов он заметил давно, оттого и написал свою «Возвращённую молодость». И вот здесь, в местах своей юности утвердился: нет, не случайно написал...

Пусть и короткий, но отдых и лечение в Кисловодске пошли на пользу. Михаил Михайлович почувствовал себя бодрее и уже с желанием возвращался домой, где его ждала опубликованная в журнале «Звезда», пусть и с большими купюрами, его повесть о молодости.

Словно ангела выдох –
берёза
у калитки белеет моей.
Так степенна она, так серьёзна,
и летает голубка над ней.

Будто чья-то душа вдаль
уходит
вместе с этой голубкой
сейчас...
Хоть обычная пташечка вроде,
но какая там боль и печаль!..

А берёза, полна сострадания,
тянет ветви к голубке своей...
И, похоже, само мирозданье
сотрясает весь ствол до корней.

**Тамара
ЛАНГУЕВА**

Поэзия

Души сладкозвучные струны
Затихли пред новой бедой.
Всё в хаосе... В мире подлунном
Вновь слышен раскат громовой.

Не снилось нам время такое:
Тревогам не видно конца.
Кровавый рассвет над рекою,
Как страшный ответ мудреца...

И близко – дыхание бездны,
И топот бегущей толпы...
Ведь смена эпох неизбежна.
Трясутся вселенной столпы.

Что, милый, тебя удивило?
Речей моих тайный порок?!
Но я – никудышный пророк,
коль только в словах вижу силу.

Слова, точно дни, отойдут.
Откроется берег пустынный,
холодный,
туманный
и длинный,
но там я тебя не найду.

Но там ты меня не найдёшь...
Я стану чужой, неприступной,
как диво лесное со ступой...
Такое не купишь за грош.

Прости, что наивной была,
что с юностью долго прощалась,
любовь принимала за жалость...
Слова мне затмили дела.

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

В мире светлом и сиреневом,
Где скрипки нежные поют,
Где зла в помине нет, наверное,
Влюблённые нашли приют.

На тихой улице просёлочной,
Скользя, как яхты по реке,
Кружатся парочки весёлые
И исчезают вдалеке.

За дачами, в тени берёзовой,
Их поцелуи так вольны...
И жизнь течёт, пестрит курьёзами,
За два мгновенья до войны.

Я невольно всматриваюсь в завтра,
Позабыв беспечно про сегодня...
А сегодня вновь Восьмое марта.
Я встречаю день в продрогшей Сходне.

Снег. Метель... И нет весны в помине!
Некому цветы мне подарить
и разжечь остатки дров в камине...
Как огонь таинственно горит!

Ты не пожелал ко мне приехать...
Вдруг скопились у тебя дела.
Может, праздник стал всему помехой
или я помехою была?..

Какая нынче поздняя весна,
Какие тучи хмурые над нами!
Российская степная сторона
Встречает нас угрюмыми полями.

Змеится вдаль дороги полотно
И, поднимая пыль, летят машины...
Неужто нам с тобою суждено
Погибнуть здесь от скуки и рутины?

А впереди могильные холмы,
Под ними спят воинственные скифы.
И, если верить в истину молвы,
В такой глуши водились прежде грифы.

...Ни ласточек, ни звонких соловьёв –
Лишь только солнце над
взгрустнувшей степью.
В долинах почерневшее жнивье
Колышет ветер, будто хлещет плетью.

Но где-то там, за страшною чертой,
Идут бои, в огне Донбасс пылает...
Всё та же степь, да горизонт не тот.
И жизнь у нас теперь совсем иная.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ветерок на пристани
Чуть тревожит волны.
Звуки льются чистые
С перезвоном долгим...

Гусли мои ладные,
Чудно-расписные,
Празднично-нарядные,
Струны золотые!

Знаю, будет весело!..
Распрощаюсь с грустью.
Затяну я песенку
В такт старинным гуслиам.

После – в жаркой пляске,
Как вьюнок, взовьюсь я!..
Все денёчки ясные
Пролетят под гусли.

НЕБЕСНАЯ ПАЛИТРА

Рассказ

Прошло уже больше четверти века, иной стала жизнь и многое безвозвратно утрачено, но в трудные минуты мне по-прежнему вспоминается этот удивительный человек, школьный учитель рисования Василий Петрович Криничко.

Впервые о нём рассказал дедушка. В то утро он поехал на «жигулёнке» по делам в райцентр и долго не возвращался, отчего мы уже начали переживать. За обедом дед, будто не слыша ворчанья бабули, подмигнул мне:

– Привёз я тебе, внучка, настоящего учителя рисования. Выезжаю из Новоалександровска, а на дороге голосует незнакомец с двумя чемоданами. Взял. Разговори-

**Лилия
ЖИДКОВА**

Проза

лись по дороге. Художник. Жену он весной похоронил. Квартиру оставил сыну. И решил на природу податься. Сам он – сельский. В школе нашей место нашлось. И квартиру дали. Хочет заодно устроиться оформителем в совхоз..

– Завёз бы человека к нам. Покормили, – встала бабушка.

– Не догадался, – дед протянул тарелку за добавкой. – У него сердце пошаливало, и я не стал бросать. Свозил к директору, потом к завхозу за ключами. Он поселился на соседней улице, считай, по соседству. В том доме, где жил уехавший баянист. Потом чемоданы неподъемные помог выгрузить. Зашли в квартиру, а там хоть шаром покати. Стены пустые. Надо, мать, ему нашу кровать старую позычить. Зараз с чердака достану.

– Ясное дело. А белье постельное? Тоже прихватишь, пригодится, – отрезала бабушка и сосредоточенно посмотрела на шифоньер.

– Да, голова уже не та. Надо было завезти к нам, – запоздало укорил себя дедушка.

Бабушка поставила в парусиновую сумку кастрюльку с борщом, положила четвертинку вареной курицы и три горячих початка кукурузы:

– Вот что, Танюш, – наказала она мне, – Пока я помогу деду снимать кровать с чердака, ты отнеси новому учителю передачку.

Я быстро шагала с парусиновой сумкой в руке и думала: «Интересно, а какой он, этот приезжий? Неужели он – настоящий художник и может нарисовать таких мишек, как на обложке учебника “Родная речь”?»

Вот и небольшой дворик, затененный желтеющими листьями и гроздьями винограда. Внутри его никого не было. По ступеням я поднялась к открытой двери. Навстречу вышел невысокий старик с острой седоватой бородкой, похожий на доктора Айболита.

– О, барышня, откуда вы взялись? – спросил он весело и свёл кустистые брови.

– Бабушка послала. А про вас дедушка рассказал.

Он улыбнулся тепло и несколько растерянно.

– Чем же отблагодарить тебя, голубушка? – художник на минутку задумался и рукой поманил в пустую комнату. Открыл чемодан, достал оттуда набор из двенадцати акварельных красок, двух кисточек и альбома для рисования. С улыбкой вручая мне это невиданное прежде богатство, поинтересовался:

– Умеешь рисовать красками?

– Да. Я пробовала.

– Тогда что-нибудь нарисуй. И мне покажешь!

А я словно заворожённая стояла посередине комнаты и не могла насмотреться на подарок. Потом, отвечая на его расспросы о школе, невольно обратила внимание на трёхногий станок (позже узнала, что это – этюдник), и несколько небольших картин в открытом чемодане.

На следующий день дедушка поведал, что в школе для его нового знакомого нашлись стулья

и сколоченный учениками на уроках труда стол. Помогли чем могли и новые коллеги по школе: кто отдал газовую печку, бывшую в употреблении, кто – небольшой холодильник, кто – шкаф.

А я в те дни нарисовала свою первую картинку: вид из окна моей комнаты во дворик. Краски мне показались чудом – они были необыкновенно яркие! Каждая из них находилась в отдельной коробочке, раньше я такого не видела. С нетерпением принесла рисунок Василию Петровичу. Он похвалил. Однако тут же достал краски, кисточку и сделал несколько исправлений. Рисунок мой на глазах преобразился, точно ожил! Уходя, я с восторгом думала, что художник – настоящий волшебник!

В сентябре он начал преподавать в школе. У нас вёл рисование, у старшеклассников – черчение. Всегда энергичный, приветливый, никогда не повышал голоса.

Помню, как он попросил трудовика Бирюкова смастерить мольберты для выхода на пленэр. И на следующее утро Иван Иванович принёс опытный экземпляр на приёмку. И вскоре всем классом мы могли часами сидеть на открытом воздухе, рисуя с натуры.. Выходили в лес к Кубани, на пруды, в поля, рисовали пейзажи в разное время года.

Пока мы изображали деревья, листву, станичное небо, облака во всём их разнообразии, Василий Петрович, усевшись на раскладной стульчик, давал советы: как правильно писать облака, как смешивать краски. Рассказывал о великих живо-

писцах и их работах. Впервые мы слышали имена Рафаэля, Микеланджело, Тициана, Верещагина, Левитана. Помню, как меня тогда это поразило! Нас всех не станет, а картины этих гениев будут жить и оставаться такими прекрасными. Мне навсегда запомнились его слова, которые он часто нам повторял: «Жизнь – солнечная, многоцветная, как радуга. Только на войне она бывает чаще всего чёрно-белой». Тогда я не понимала, что только человек, прошедший войну, мог так сказать.

Больше всего Василий Петрович любил птиц. То, что пацаны ловили певчих и сажали в клетки, он не одобрял: твердил, что воробьи в неволе погибают, у них природа – стайная, и певчих тоже трогать нельзя. Василий Петрович набирал в ладонь семян и, не шевелясь, ждал, пока прилетят пернатые друзья. И они слетались! Даже голуби. Говорят, что птицы невероятным образом чувствуют доброго человека и доверяют ему...

Перед Новым годом каждому ученику Василий Петрович подарил акварельный этюд, вставленный в деревянную рамочку. С тех пор между собой ученики часто его звали Дедом Морозом.

С дистанции лет я хорошо понимаю, что Василий Петрович старался подбирать к ученикам единственно подходящий «ключик». Мой одноклассник Андрюшка Мерзликин был способным, но ужасно небрежным: акварель и гуашь у него растекались, масляные краски смешивались. Глядя на его «творения», я наконец поняла,

что значит серо-буро-малиновый цвет. Андрей раздражался, бросал кисти. Потом, правда, возвращался, но всё повторялось заново. Однажды Василий Петрович вручил ему коробку карандашей. И с этого дня Андрей рисовал исключительно карандашами и очень удачно. Позже Андрей признался, что не различал цвета, что краски вызывали в нём ужас, а наш учитель рисования всё-таки это понял.

Василий Петрович любил не только живопись, но и музыку. Велев взять с собой только альбомы и простые карандаши, он привёл нас в рекреацию, отведенную для музыкальной школы. Там как раз проходил отчетный концерт. Дверь была распахнута. Василий Петрович попросил нас бесшумно сесть на свободные стулья. Учащиеся музыкалки поначалу посматривали на нас искоса, но привыкнув, перестали обращать внимание. По очереди они подходили к пианино и, объявив произведение, исполняли его. Звучал Чайковский, Бетховен, Штраус... А Василий Петрович одобрительно кивал, осматривая наброски фигур, одухотворённые лица юных пианистов, иногда штрихами поправлял наши рисунки. Помню, тогда я впервые заметила, как музыка, вдохновение могут преобразать человека, наполнять его глаза счастливым светом...

Учебный год подходил к концу. Я выросла и стала подмечать то, что прежде было скрыто от взгляда. Рисовала много и с удовольствием, и всё чаще бывала у Василия Петровича дома, прихо-

дила к нему с рисунками. И почти всегда он отзывался одобрительно, заключая речь выводом:

– Танюша, безусловно, у тебя есть способности. Надо только работать. И помнить, что никогда не бывало и нет чисто белого снега и чисто зеленой листвы. Всё зависит от солнца, от освещения! Показать это людям обязан художник. Научить их видеть мир многоцветным и неповторимым!

Помнится, уже весной на стене его комнаты я увидела фото в рамочке и узнала на ней учителя, хотя был он совсем молод, в солдатской форме. Стоял боец Криничко навтытяжку перед почтенным военным, прикрепляющим к его гимнастерке медаль.

– Это вы на войне? – спросила я, не сдержав любопытства.

– Так точно. Пришел приказ о моем награждении, а командующий фронтом Конев нагрянул в наш полк, – завидя моё замешательство, со сдержанной улыбкой ответил Василий Петрович. – Вручил мне второй орден Славы. Тогда я воевал в дивизионной разведке. Брал с товарищами «языков». А после ранения попал в артиллерию. С пушкой и в Берлин въехал!

Я ушла небывало взволнованной. Прежде мне трудно было представить учителя, этого доброжелательного и уравновешенного человека воюющим, с автоматом в руках или за орудием. К тому же, наши учителя никогда, даже на праздник Победы не надевали своих орденов и медалей. На их пиджаках мы видели лишь наградные

разноцветные планки. Наверняка есть они и у Василия Петровича.

– А можно ваши медали посмотреть? – полюбопытствовала я.

– Они в городе остались. А война – со мной повсюду, – со вздохом вымолвил мой наставник и оживился: – Давай чай пить. С чабрецом. Прелесть!

В следующий раз я входила в дом учителя ни жива ни мертва. Входила, предчувствуя, что Василий Петрович меня раскритикует и может даже обидеться. Но вдруг обнаружила на стенах комнаты три портрета молодых солдат, и это сразу отвлекло. Они были написаны маслом. И странное ощущение присутствия в доме людей, изображённых на полотнах, внезапно охватило меня. Вовсе не мрачным и суровым было выражение их лиц на фоне дальнего зари, а сдержанно мужественным и светлым.

Набравшись храбрости, я спросила, глядя на портреты:

– Василий Петрович, а кто эти солдаты?

– Ближний портрет – Коля Абраменко, он погиб, когда брали Будапешт. Дальше – Санька Шведов, благодаря ему я жив остался. На пару ходили в разведку... А тот блондин – Миша Ходарев. Переписываемся с ним. Дослужился до генеральских погон... Давно уже май встречаю вместе с ними! Сроднились на фронте. Оказалось – навсегда. Написал, кого по памяти, кого по фотографии. Меня и в Союз художников СССР приняли после выставки батальных работ.

Правда, через десяток лет страны не стало, и мои полотна оказались не нужны ельцинской власти... Слава богу, сейчас о фронтовиках вспомнили. И пенсии подняли, и относятся достойно... Ну, показывай, что у тебя сегодня?

Я достала из папки лист. На нем был акварельный портрет моего учителя. Я написала его таким, каким знала. Со скуластым сухим лицом, глубокими морщинами в уголках рта, с высоким лбом и редкими седыми волосами, узкой бородкой-кисточкой и большими глазами бледно-синевого цвета, излишне большими. Таким я его увидела – горделивым и красивым, похожим на витязя.

Он долго держал мой рисунок в руке, и вдруг я заметила, как бледные и искривлённые его пальцы стали подрагивать. С прерывистым вздохом он повернулся ко мне, и я встретила растроганный влажный взгляд.

– Разреши мне оставить портрет у себя,– и, помолчав, добавил. – Мне будет отрадно думать, что я научил тебя главному. Научил любить людей...

Василий Петрович умер от остановки сердца 22 июня. Ушел из жизни в годовщину начала той войны, которую прошёл солдатом и в которой выжил. Мне показалось в тот вечер, что я потеряла не просто наставника, но главного в жизни друга. Это так потрясло меня, что месяц не мог-

ла взять кисточки в руки. А потом стала рисовать неустанно, подчинила творчеству всю жизнь, всё время, остающееся от учёбы. Я мечтала стать профессиональной художницей. И стала ею...

Помню, как плакала на похоронах. Сын Василия Петровича приехал в станицу с двумя представительными стариками. В одном из них я узнала генерала Ходарева. Он произнёс прощальную речь на кладбище, и мне врезались в память его слова: «Василий был и есть,– как всё наше поколение победителей,– спасителем мира земного».

В тот день прошёл грозовой дождик, и мы всем классом, несмотря на каникулы, словно на школьной линейке, выстроились с цветами, чтобы проводить учителя в последний путь. Невероятно, но это правда: на высоком небе сияла двойная радуга, и кто-то горько заметил, что Василий Петрович и там, на небесах, не расстанется со своей палитрой.

Рассказы

НАЕДИНЕ С ПАМЯТЬЮ

На новом месте всё привычно. Дверь с замком под ключ-топорик, узорчатые ковры на полу и на стене в прихожей, антресоль (антресоль!) и, как говорится, все прочие удобства. В эту квартиру я вошёл с зелёной курьерской сумкой на плече и смартфоном в кармане.

Постоял в проходе с минуту, но никто не вышел. Достал из кармана куртки ключ с чипом и брелоком в виде снежинки, оглянулся – может, не ту дверь открыл. Мужик Степан, зажито толстый, с проседью в бороде, с которым я договаривался, сказал, что в квартире живёт его бабушка и что комнату

**Денис
ДЫМЧЕНКО**

Проза

предстоит снимать у неё. Но хозяйка всё не выходила. Я забыл постучать перед тем, как зайти, и только теперь вспомнил об этом.

– Извините, есть кто? – поднял я голос и постучал по железной двери ещё раз.

Из ближайшей комнаты, как я понял – кухни, с шарканьем в прихожую выбралась наконец хозяйка, причитая: «Ой-ё-ё-ё-ё-й...». Это была очень старая женщина. В льняных тапочках поверх плотных непрозрачных чулок, длинная, по щиколотку, юбка в синий цветочек и сорочка в подсолнухах. Ясным взглядом посмотрела она сквозь очки с диоптриями, промолвила:

– Слушаю.

Сбиваясь, я поспешил отозваться.

– Я Саша Юрченко, я от... Степана насчёт комнаты... ну то есть жить... – Простите за... за беспокойство! Я только окончил школу. Не особо понимаю, как говорить о квартире. О поселении у вас...

Старушка улыбнулась, складок в уголках век стало больше.

– Меня нечего бояться! – она подошла ближе, щёлкнула выключателем – прихожая озарилась светильником. – Заходите, молодой человек, Степа предупредил меня! Зовите меня Антониной Степановной!

Я кивнул и благодарно ответил улыбкой. А хозяйка захлопотала и продолжила говорить с искренним участием:

– Раздевайтесь, я всегда рада новому человеку! Я чайник сейчас поставлю. Живу одна, даже

поговорить не с кем, а детей и внуков беспокоить лишний раз... Вы, молодые, всегда заняты.

И мы сели пить чай.

Как оказалось, снять комнату – не самая сложная проблема взрослой жизни. Успеть всё сделать – вот основная забота. С каждым днём всё больше забот: учебные задания в колледже, на доставку выходить, делать всевозможные покупки, с друзьями видаться, и ещё, и ещё...

С хозяйкой мы пересекались только вечером, ближе к одиннадцати, я чаще всего в это время заканчивал доставку, а она просто спала плохо, – возрастная бессонница. Антонина Степановна, по обыкновению, пребывала на кухне. Плечи мои освобождались от широких лямок термодержателя, и я присаживался за стол к хозяйке, ужинал тем, что успевал купить в супермаркете, и пил чай вместе с ней. Она интересовалась моими делами, здоровьем. Я наспех отвечал, и минут через десять мы расходились по комнатам. Так длилось месяца полтора, до начала ноября. Но я постоянно искал возможность заселиться в общежитие. Денег на аренду даже комнаты не хватало, а так, живя в «общаге», можно было бы и работать меньше.

Бессонница заставляла бродить Антонину Степановну по квартире. Она бесшумно ковляла из спальни на кухню, заворачивала в ванную, оттуда – в коридор, где присаживалась на табуретке. Однажды в проём двери гостиной я увидел, как она листала фотоальбомы в красных кожаных

обложках на перевязях. Полуночничала. Но мне не мешало это – комната дальняя, да и сам я до полпервого не ложился – либо в ВК зависал, либо делал домашнее задание.

Ночью ударила гроза – тучи с громом без дождя. Вдруг потеплело на улице. Всем в городе надоедали погодные капризы: то холод, то почти летняя духота. Я сидел в наушниках за ноутбуком, корпел над рефератом, слушая музыку, чтобы не заснуть. На мониторе без пяти час ночи. Поправляя наушник, я вдруг услышал то ли крик, то ли стон. Вслушался уже без шнуров – в нашей квартире. Признаться, испугался и быстро вышел, постучался в спальню хозяйки:

– Антонина Степановна, вам плохо? «Скорую» вызвать?

Постучал ещё раз. Вошёл. На узенькой кровати в углу лежала Антонина Степановна, бледная и беспомощная, опёршись на локоть, часто и шумно дыша. Увидев меня, попросила: «Корвалол...» и указала на комод, там лежали упаковки с таблетками и несколько пузырьков. Нашел лекарство, она шепнула: «Накапай пятьдесят капель». Пока я возился, отсчитывал капли, падающие в стакан с водой, хозяйка успела сесть и вроде лицо её порозовело. Вскоре ей стало лучше, но оба мы не смогли уже заснуть. Сели на кухне пить чай. Меня беспокоило случившееся, и я решил спросить:

– У вас часто случаются приступы?

– Да старая я, Саша, чего только со мной не бывает, – помолчала, грустно улыбаясь, и зачерпнула чай ложечкой. – Даже кошмары мучают. Снова война снится.

Я удивился:

– А разве вы были на войне?

– Да маленькой совсем, еще и семи лет не исполнилось. Мы жили в станице Усть-Джегутинской, это на юг от Черкесска. Я у них была средняя, старшая – сестра Люда, младший – братик Ваня. По радио двадцать второго июня объявляли, что началась война, мы все у сельсовета стояли слушали. И папа записываться в армию пошёл, утром уже с сумкой у порога стоял. Мама нас дома закрыла, а сама вышла прощаться. Помню, как в ту ночь сидела она над керосинкой на тахте и молча плакала. Потом рассказывала мне, старенькая уже была: «Стёпа сказал, мол, Маня, тебя ж и куры загребут...»

К августу мужчины почти все ушли. Мы пустили в дом папину сестру Зою с дочкой и лежачим дедом Василием. Тётка была жёсткая и к моей маме придирчивая. Ну казачка, что возмёмшь. А мама была не с этой станицы, как чужая... ну то, другое... в общем, не ладили они. А у тётки дочь – девушка уже взрослая, считай, лет четырнадцать. Ей всё спускалось. Помню, у неё была в волосах лента, красная-красная, и она перед нами с Людой хвасталась. Почти год прожили вместе, до следующего лета, до августа. Авиация немцев уже и на Ставрополь налетала, он Ворошиловск тогда назывался, танки у Кубани шли. Женщин и детей, кого могли, эвакуировали. Тётку с дочкой тоже. Мы все с мамой почему-то не уехали – а тётка на нас деда Василия оставила. Помню, был он усатый и спал на печке. Когда просыпался –

ругался страшно. Просил винтовку и в поле, на немцев.

Все со дня на день ждали их прихода, армия наша отступала, следом за ней бежали сельчане, кому было не жалко домов и всего нажитого. Но многие оставались. Всё в тыл отдавали – и скотину, и зерно. У нас была корова Дуня и куры. Кур мы тоже отдали, из запасов себе оставили самую малость, чтобы уж не остаться совсем в пустой хатке. В подполе, кроме мешка муки и какого-то запертого сундука, вообще ничего не осталось. Дуня – была наша кормилица, в этот год просто спасла от голода. Её почему-то не забрали. Помню, к нам офицер какой-то пришёл, из последних, и строго приказал, что немцы у Черкесска и сегодня-завтра будут в станице. И от коровы нужно избавиться, чтобы не досталась врагу – или самим съесть, или отдать другим. За Кубанью был утес с обрывом, окруженный валунами. Мы и погнали туда с мамой нашу коровку. Перебрали речку, она тогда обмелела сильно. Долго по склону поднимались. Мама подогнала Дуню к обрыву. Стала ее толкать и плакать. Да в голос причитать: «Прости меня, ластушка, прости...» Я испугалась и тоже заревела. Сообразила, что мы Дуню на казнь пригнали. Зарезать ее на мясо – некому, а не выполнит мать приказа – расстреляют как пособницу врага. Мама уже ругается, и бьёт упрямыцу, и ногой пинает. Кричит навзрыд! А я села на траву, смотрю не отрываясь и дрожу от страха.... Мама не выдержала, взяла в обе руки бульжники, и Дуню по ноге, та к обрыву шарах-

нулсь, мыкнула. И упала. Вот... как споткнулась. Только стояла и – нету. Я услышала лишь треск веток и грохот обвалившихся камней. Помню, всю дорогу домой я плакала. А мама выплакалась, шла домой с белым лицом, как неживая...

Вскоре нас посреди ночи разбудили. Сосед, дядя Ахмат, был черкес, сёкся в гражданскую войну со Шкуро и руку потерял. У него хозяйство доброе было до войны, в колхозе всегда работал за двоих. Под его приглядом осталась одна худая лошаденка. На фронт не взяли, в бой – ну никак, а в поле пригодится. И бричка у него была. Меня сестра Людка подняла и повела за двор. Я помню, слышала со стороны сельсовета выстрелы. Возле нашего двора стояла эта самая бричка, лошадь костлявая впряжена, и на козлах – дядя Ахмат. Уже четверо детей в узенькой бричке сидит. Меня Людка с мамой посадили в уголок, под козлами, и на меня Ваньку. На дне брички лежал солдат, перебинтованный весь, только простынёй на поясе прикрытый. Не шевелится, стонет. Ахмат гаркнул на нас: «Тиха сидым, есь жыть хатите...». И мы замолкли. Мама Ахмата перекрестила. А он усмехнулся да папаху на лоб надвинул. Людку к нему на козлы посадили, и мы двинулись. В предгорья, в сторону Кисловодска, по холмам. Спасали нас, детей.

За Черкесском что-то горело. Мы ехали в ночи вслепую, Ахмат только на свою память надеялся. А солдат чем дальше, тем громче стонал. Он лежал лицом прямо передо мной, и когда над степями загорались сигнальные огни и рвались снаряды, я видела, как он смотрит на меня. Мы тряс-

лись до самого утра и выбрались к Кисловодску. Нас перехватили солдаты, отправили в какой-то лагерь, там мы пробыли всё утро, пока какой-то усатый офицер не отвёл нас в другой лагерь, всех детей собрали и посадили на грузовики. Повезли в Орджоникидзе.

– А что потом случилось? Мама вас нашла?

– Мы жили в Орджоникидзе до февраля сорок четвёртого. Оттуда мама и забрала нас. Добирались домой на телеге с каким-то стариком. Помню, как предгорья оттаивали от снега, когда ехали. А потом и война кончилась. Но кошмары долго снились. Я всё не могла того солдата из брички забыть – глаза его замершие, обожжённую кожу лица. Потом, в молодые годы, думалось только о том, чем жила, и о будущем. А к старости почему-то детство вновь вспоминается...

Я не знал, что сказать, и промолчал.

Мы, как оказалось, просидели два часа, и у меня стали слипаться глаза. Антонина Степановна так и не легла, осталась на кухне. Перед тем, как уснуть, я подумал: «Какая жизнь была у человека...»

Через месяц я от неё съехал – мне дали место в общежитии. Показалось, она даже расстроилась. И вышла проводить меня на улицу. А напоследок подарила чашку с белыми лилиями. Ту, из которой я пил чай вместе с ней на кухне.

Учёба своим чередом пошла. Больше я не встречался с ней, с головой погрузившись в свою молодую жизнь. Минуло немало лет, и, вероятно, ее уже нет на свете. Но этот ночной разговор навсегда запал мне в душу. Видно, так устроен

человек: лишь в сравнении с судьбами других людей можно объективно оценить себя. И зарядиться от них силой духа и доброты.

МЕЛОДРАМА

Ютится в тени залеска низкая коробка перрона у железнодорожной однопутки. Посередине, как бы на постаменте – навес с лавочкой. Одинокое строение кто-то зачем-то свежевыкрасил в серый. Стоит оно впритык к поистёршейся жёлтой линии. Рядом, в тополях и кизиле, ветшает конторка с деревянными рамами, мутными стёклами окон и ржавой от мха дверью. Над этой дверью название полустанка – по имени хутора, но без первой буквы. Получается чёрным по белому: «егтярёвский». На проросшем и раскрошенном пороге конторки – кострище и два коротких брёвнышка «на посидеть». Местные подростки изредка здесь проводят время, отдыхают у огня. Их тут не ищут.

Мы гуляли по рельсам, Лида по левым – шатаюсь из-за клонящей в бок сумки и неизбежно соскакивая на шпалы и щебень, я – по правым, – широко расставил руки для равновесия и всё равно дёргался в стороны, но стоял. Старались держаться за руки, но падали оба.

Нам по двадцать. Мы приехали на хутор к моим родственникам, на день рождения двоюродного брата, ему позавчера исполнилось пять, и вот – отмечали первый полуюбилей. Праздник больше для взрослых, чем для детей. Сорокалетние тучные тётки, их выпивающие мужья,

громкая музыка наполовину из современной попсы, наполовину из десяти, двадцати, тридцати, сорокалетней давности хитов. Всё в кучу, кто-то верещит от радости, кто-то пьяный, кто-то матерится в сердцах. Дети в другой комнате играют с подарками, пока родители сидят и стоят за столом, болтают, рассказывают что-то и шумят, шумят, шумят, потому что обычно им – скучно. Мы застольем утомились, решили подышать и побыть в безлюдном спокойствии, только вдвоём. И я повёл её сюда.

Поднялись на перрон, уселись на краю, спиной к железной дороге. Глядели на заросли, на заброшку. Солнце грело плечи, было поначалу тепло, потом стало расслабляюще припекать, до полусна наяву, когда в голове пусто и тяжело от гретого воздуха и мысли цепенеют. А ноги свесили, они – в тени, там свежо от неиспарившейся сырости земли, конец апреля получился холодный. Тем удивительней, тем ценнее, что всюду – сирень, пахнет медово и – розовеет, и белеет в зелени. Мы сидели и болтали, больше о родственниках и их знакомых. Интерес Лиды переходил от человека к человеку, её вело окольно через чужих к какой-то важной для неё мысли.

– Слушай, а тётя Маша твоя, она вообще где эти курсы нашла?

– Какие курсы? – я не помнил, мне было недосуг помнить о не касающихся меня делах.

– Ну эти... ме-ме-ме... – она издавала смешные звуки, когда вспоминала что-то – ей это помогало думать, – по дизайну! Я просто подумала, может,

мне тоже... пройти. Буду делать всякое на заказ там...

Она приложила голову к моему плечу, вздохнула. Я попробовал дотянуться рукой до её недлинных русых волос – погладить, но было это до обидного неудобно, и просто обнял. Поцеловал в макушку. Я смотрел тогда на одуванчики в высокой траве. Какие-то ещё цвели жёлтым, какие-то уже понемногу теряли паутинчатые зонтики с семенами.

– Ты как хочешь. Но это будет дорого, наверное. Сколько она там за курсы платит?

– А дизайнеры такие деньги получаю-ю-ют! – мечтательно вздохнула Лида. – Слушай, вот подруга её... которая толстая...

– Которая из четырёх?

– Ну рыжая. Она ещё с мужем, на Ганнибала старого похож.

– Не знаю... а-а-а, это свекровь Машина, не подруга. А что?

– Да она, помнишь, о работе своей рассказывала? Что полгода на поезде проводницей отъездила, и семьдесят штук в месяц ей платили. И страну посмотрела.

– Хочешь вместе наняться на поезд на полгода, страну посмотреть? – посмеялся я и отодвинулся, чтобы лучше её видеть.

На круглом личике вздёрнутый нос и растерянно замершие брови. Она смотрит перед собой неподвижно – от грузящих сердце беспокойств. Не замечаю, как сам расстраиваюсь и не тепло уже вокруг, а жарко, ноги от сидения затекают, и вообще сидеть неудобно.

– Ну... просто, а что. – Она обнимает меня крепко, пищит, поднимает голову и говорит: – Люблю тебя, капец! Ты на солнце очень красивый!

Сбивчиво и с ненарочной тоской я отвечаю:

– Ты ещё красивей, солнышко, – и целую в лоб.

Лида встаёт, вытаскивает альбом из сумки. Спрашивает:

– Не против, если я порисую? Развалина живописная очень.

Вижу – ей интересно, и неймётся брошенную конторку зарисовать. Я улыбаюсь этому, тоже поднимаюсь, отряхиваю джинсы, говоря:

– Конечно! Художествуй!

Села, ноги прижала к себе, книжку к себе чистым разворотом поставила, уперев в колени, плечи подала вперёд, наклонилась к бумаге. Стала вся небольшая, в серой рубашке и иссиня-серых джинсах стала похожа на тронутый речной водой камушек. Она рисовала, всем телом замерев, одними пальцами двигая карандаш, с песочным шуршанием грифель оставлял линии. Лица её я не видел, но знал, что рисует она всегда с выражением экзаменуемого школьника – лоб хмурый, зубы сжаты, зрачки дрожат, следя за выявляющимся образом, чтобы не разложился на составляющие. Она обычно говорила, что ей не хватает дисциплины в рисовании. И видно, какое усилие прилагает, чтобы не отвлекаться. Любое размашистое движение, и внимание уйдёт.

Думаю: «Она молодец». И мне нравится на неё такую смотреть.

По ту сторону железной дороги тулилась к лесополосе узкоколейная грунтовка. От авто-страды к элеватору шла, неровная, вся в траве и валунах. По ней, гудя, ехала машина. Густо-зелёная «мазда» подкатила к полустанку и со скрипом остановилась в траве. Из салона вышла мать с ребёнком. Мать – в фиолетовом спортивном костюме да фиолетовых кроксах, и сын – в футболке и шортах, в кепке с логотипом энергетика; были они похожи друг на друга до смешного, оба телом округлые, с маленькими ладо-нями, тёмными волосами, короткой стрижкой. Мальчик лет восьми, держась обеими руками за лямки квадратного рюкзака, побежал к рельсам. Мама шагала следом. Перевязывала собранный в резинку хвост, как пучок, чтобы пряди от ветерка не лезли в глаза. Мальчик, не добегая до перрона, увлёкся прыжками по шпалам. Женщина, не обрачиваясь, и без остановок сказала:

– Да не балуйся, пойдём уже! Паровоз щас собьёт!

И мальчик побежал, с наскока влетел на перрон, не касаясь ступеней, и встал у жёлтой поло-сы, ожидая спокойно, слишком для него медлен-но идущую маму.

Они уселись на лавочку под навесом. Мы с Лидой не двинулись – так и остались на бетоне, свесив ноги с перрона. Но она рисовала теперь не конторку-полустанок, а семейку, и заметно зли-лась, цокала оттого, что пацан на месте не сидит, а мама постоянно крутит головой. Хороший полу-чался карандашный набросок.

Порисовав, Лида приподнялась, закинула ноги на перрон и улеглась мне на колени.

– Ничего? – спросила, а сама капюшон от солнца надвинула.

– Лежи, лежи, я тебя поглажу, – посмеялся я, стал гладить плечи, щёки, волосы, не влезшие в капюшон.

– Маньяк, – зевнула довольная, глаза прикры-ла, затянула за резинки капюшон так, что стало видно только нос.

Рядом мама сына инструктировала. Помнит ли он, кому нужно дать деньги в поезде. Знает ли он, как нужно себя вести и что делать одному. Чтобы сразу кому-то позвонил, как в Черкесск въедет. Ещё что-то...

Электричка ездит четыре раза в день. Дважды – из Черкесска в Невинномысск, и дважды – наобо-рот. Туда-обратно утром, туда-обратно вечером. Я объяснил это Лиде, захотел отчего-то поделиться. Она сказала с деланной шутливостью:

– Ну, зная меня, я бы один фиг на него опоз-дала!

Серо-красный одинокий вагончик выехал из-за лесополосы со стороны элеватора. Тихо электричка появилась, если бы не подавала высо-кий, почти свистящий сигнал – и не обратишь внимания, как по рельсам катится.

Мальчик вышел из-под козырька, на ходу накиннул рюкзак. Мама была рядом, всё что-то поправляла в сыновней одежде, бубнила напоми-нания, восклицая через два-три слова: «Понял?». А сыночек кивал и угукал всё раздражённее.

Электричка остановилась у перрона, с шипением разъехались дверцы, и в головной части вагона стал виден старый седой мужчина в форме – контролёр. Весь как бы в тени, он казался хорошо нарисованной двумерной картинкой на стене.

Мама с сыном обнялись, и мальчик заскочил в вагон, я увидел, как десятилетка протянул неподвижному старику купюры, и дверцы закрылись. Женщина постояла немного, глядя, как гулкий маленький поезд становится всё меньше, спускаясь по нитям рельсов в низину. И как-то вдруг сорвалась, вернулась в машину и уехала. А я досидел до той минуты, когда электричка перевалила за холм и потерялась. Лида встала первой, закрыла скетчбук со словами: «Ну что, пошли обратно?», и я кивнул.

Поднялись, пошли по шпалам к хутору. Лида о чём-то говорила, а я о чём-то думал. И странный возник у неё вопрос, я не сразу понял, что она от меня хочет.

– Слушай, а ты не думал на стройку пойти работать?

– Чего?

– Ну стройка...

– Зачем?

– Ну там платят хорошо. Я бы там крановщицей устроилась, и на двоих тысяч сто пятьдесят. Вот так два месяца поработать, и можно вон скататься...

Я обнял её.

– Лид, что тебя беспокоит? – отодвинулся немного, взглянул ей в лицо. Губы поджала,

смотрит на меня из-под грустно сдвинутых бровей, – Ты чего, всё же хорошо.

– Да вот... – она пожала плечами, опустив взгляд к шпалам, обняла меня в ответ, вздохнула. Молчала долго. – Забей, короче...

– Ну чего ты, Лид... – вбрасываю я, и не знаю ещё толком, что сказать хорошего.

А она продолжает, уже уткнувшись мне в плечо, я еле её слышу:

– Да не знаю. Думаю, как дальше всё будет. После универа, на работе и вообще, – вздыхает долго и тараторит, – Хочу жить спокойно и быть счастливой. Чтобы меня целовали по утрам, гладили и покупали вкусняшки, не хочу думать о калориях, нервничать о деньгах, постоянно что-то делать и планировать на годы вперёд, ничего контролировать не хочу, и хочу при этом, чтобы всё-всё было и всё успелось, – она отстранилась, потёрла веко и опять прижалась, уже щекой, – Я дура, да?

– Нет, Лид, ни в коем случае, – лепечу я, а ведь я её понимаю, но ответить пока нечем, – Всё хорошо, это обычное...

Она обронила:

– Не хочу стареть...

И я замолчал. Стоял, обнимая её, не говорил больше, и единственное, что хотел донести: «Я рядом!». Гулял в деревьях зелёный шелест, солнце грело нам плечи, направо и налево стелились двурядьем стальные брусья, перед нами в лесок увиливала невидная тропа к хутору. А нам среди всего – нерадостно. В покое и не дышится.

– Всё будет хорошо, – повторил я, приглаживая Лиде волосы, – Мы со всем справимся. Обещаю...

Она посмеялась. Поддержала.

– Ну да... И съездить куда-нибудь было бы неплохо. В Грузию там...

И я продолжил, уже отойдя и разведя руки:

– Конечно! Будем жить в землянке в горах, баранов с аулов воровать, ножики из рогов на трассе туристам загонять.

– Звучит как план!

Полегчало вроде. Да не улеглось. Мы шли по тропе, болтали бестолково, а мне лезло в голову всё не то, что следовало бы – про страх и нездоровье. Прикидывал тоже про себя планы. Что можно пойти по образованию – в школу учителем. Да, денег не особо, но если часы набрать – можно ведь жить. И репетиторствовать попутно. Если не найдётся, первое время – в курьеры можно податься. Будет совсем туго с деньгами – всегда можно к однокласснику Юрке на радиозавод, он там прораб, устроит герметизатором, болванки заваривать, – сулил семьдесят тысяч со второй зарплаты. Есть варианты. Да, не миллионы и, да, нужно трудиться. На этом мысль не тормознулась – понеслась вниз, в мрачное. Думалось некстати, что можно заболеть – серьёзно заболеть, и не получится выходить на работу какое-то время, а это минус зарплата. И вдруг не получится тогда заплатить за квартиру. Друга Илью с невестой выперли из квартиры за то, что он задержал оплату на два дня, а у него аванс пришёл уже на следующее утро.

По договору не должны были, и много там непонятного, но факт – выперли. Оставили на улице. И кто сказал, что у нас с Лидой такого не случится? А хочется – тоже много чего. И понятно, что не на всё хватит денег, времени, сил. Что придётся выбирать, выходить на компромиссы. Беспокоиться. А мы шагаем, вокруг – воздух, свет, природа и дома, у дворов сидят люди, нас где-то ждут, и мы чего-то ждём, чего-то хотим. А деньги на путешествия – это что-то прикладное. И приложить – запросто. Добиться чего-то – запросто, главное – успеть. Хотел это сказать Лиде, но решил молчать. Она всё и без меня понимает...

Лида мысли мои отогнала:

– Как ты меня такую любишь, с эмоциональными качелями?

– Да какие это качели, – в голову пришёл образ, – Это, скорее, карусель-«тошнилка», всё по кругу и по кругу... ну, я про жизнь, не про отношения.

– Хорошо уточнил, а то я собиралась обидеться!

Она легонько хлопнула меня кончиками пальцев по лбу.

– Дурак! Мой дурак!

А я её поцеловал.

Телефон зазвонил. Приложив его к уху, понял вдруг, что мы с Лидой уже выбрались на улицу и стоим на грунтовке, окружённые хатами.

Тётка звонила:

– Алё, Андрюха, ну где вы там? Щас у нас тут шашлычок, коньячок! – почти кричала она в

трубку, как всегда – полна энергии. – Тут по Лидке уже мелкий соскучился!

– Мелкий по Лидке соскучился? – переспрашиваю я, чтобы Лида услышала. Она запрокинула голову, провела ладонями по лицу и вздохнула. Я постарался не засмеяться, – Да мы ещё гуляем. Минут десять и будем уже.

– Да было б, где гулять! – её тут что-то отвлекло, минуту было слышно неразборчивые крики и ворчание, – Хос-спаде! Алло! Ну гуляйте, родные, аппетит сам себя не нашагает! – уже не в трубку: – Да я..!

И отключилась.

– Чего? – спросила Лида, – Труба зовёт?

– Она всегда зовёт, – не хотелось возвращаться в шум, и я предложил, – Пошли в северную часть, там холмы видно, Кубань. Прямо лежит пейзаж.

– Пошли!

Одуванчик в три цветка ютится меж дорогой и травой, сквозь грунт пробился и желтеет в зелени бурьяна. Его колышет ветер, и игольчатые пучки качаются вместе с ним, как бы дрожа. Мимо проезжают машины, обдают обочину дорожной пылью. На колючих листьях оседает песок, делает их серыми, а цветки почему-то остаются такими же желтками-бутонами.

На бумаге получается довольно похоже. Меня забавляло – вместо того, чтобы очерчивать холмы и леса, Лида корпеет над цветочками. Но как же ей здорово и ярко удаются детали. Мы сидели на бетонной скамье старой шлакоблоковой оста-

новки, с деревянным навесом. Она тут одна на весь хутор, – было две, но вторую, всю из арматуры и шифера, выдрали самосвалом, там теперь заброшенный вагончик-ларёк.

Я ей рассказывал (в который, наверное, раз), где что находится. За рекой – село с сельхозколледжем, за холмом – казачья станица, а когда-то рядом была целая деревня у реки, но её в две тысячи втором смыло, и теперь там только два заросших фундамента. Лида спрашивает про детали, а деталей я уже не знаю, но ей интересно, и начинаются выдумки, сочинительство. Ей нравится. Особенно про пещеры в ракушечнике, где бандиты в девяностые прятали оружие, и про замурованных в подвалах утопленников. «Трукрайм», все дела.

Дорисовав одуванчик, она решила всё-таки сделать пейзаж цветными карандашами. Мы поднялись, пошли по небольшому полю мимо кладбища к обрыву. В траве рыжела давно забытая кирпичная кладка, мы устроились на ней. Лида переносила на бумагу холмы, постройки, осиновый лес реки, саму Кубань, здесь ещё не такую широкую и грязную, как вниз по течению и среди городов.

Лида сидела чуть впереди, как всегда, собранная и уменьшившаяся, а я отошёл назад. Взял в руки кошелёк, подошёл к ней, глянул через плечо на зарисовку. Пора, давно следовало это сделать.

– Круто получается! – сказал я ей на ухо и поцеловал в висок.

А её бесило до смешного это моё внимание невпопад.

– Ага, спасибо, не мешай, ага!

Я вздохнул, сказал:

– Значит, сюрприз тебе не ко времени?

И протянул кольцо. Оно смотрелось поверх рисунка полым солнцем с выбоинкой. Она не сразу поняла. Опустила альбом с зарисовкой, попыталась повернуть ко мне голову, но было неудобно, даже отошла на шаг. Обронила нечаянно: «Ой...», прикрыла рот ладонями, с радостной растерянностью смотрела на кольцо. А я уже сел на одно колено, вытянул руку. Сказал то, что хотел. Лида села в траву, спрятала за руками лицо и тихо заплакала. И это мгновенье соединило нас...

Мы возвращались на день рождения. Она взяла меня за руку, держа палец с надетым кольцом у губ. Улыбалась и шептала что-то. У реки Лида вымолвила от силы три слова – так мы и шли в тишине.

Во дворе у тётки шумно, старая и новая музыка, обязательный Стас Михайлов: «Всё для тебя, рассветы и туманы – для тебя!..», женщины подпевают, мужики чокаются, дети играют сами по себе в стороне..

Лида заходит во двор, а я задерживаюсь, смотрю вдаль.

Крепчайший ветер несёт волны туч над предгорьями. Улица уходит от солнца к грозе по дороге, сунется к ней домами, заборами, цветущими вишнями и алычой. Столбы протягивают провода – далеко в дождь.

Роман НУТРИХИН

ВНУК ИМПЕРАТОРА: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ В СТАВРОПОЛЕ

Великий князь Николай Константинович – одна из самых противоречивых и загадочных фигур русского императорского Дома Романовых. Его называли «величайшим позором» этой венценосной семьи, многие представители которой впоследствии даже не догадывались о существовании такого родственника, ведь его попытались вычеркнуть из всех фамильных хроник и навсегда о нем забыть. Виной тому – одна почти детективная история. В ней было все, что нужно для хорошего романа: и безудержная, почти безумная любовь, и кража бриллиантов,

Краеведение

и жизнь инкогнито под чужим именем, и многолетнее заточение под надзором жандармов, и появление непризнанных потомков царских кровей.

Но обо всем по порядку...

Николай Константинович родился 2 февраля 1850 г. в Петербурге. Он приходился внуком императору Николаю I и племянником государю Александру II. Его родители – Великий князь Константин Николаевич и Великая княгиня Александра Иосифовна – жили в Мраморном дворце, где и прошла значительная часть детства их сына.

Отношения между супругами со временем разладились, и Константин Николаевич, при внешнем «соблюдении приличий», имел связи и даже вторую семью на стороне. Александра Иосифовна тяжело это переживала, из-за чего, вероятно, и держалась с сыном холодно, погруженная в свои душевные терзания. В такой атмосфере проходило детство Великого князя, обделенного любовью матери.

Впрочем, в молодости он показал себя более чем блестяще. В 1868 г. он сам решил поступать в Академию Генерального штаба, откуда выпустился с серебряной медалью, став первым представителем Дома Романовых, окончившим высшее учебное заведение. Затем поехал в зарубежное турне, где начал собирать произведения европейских художников, после чего коллекционирование живописи сделалось его страстью. Вернувшись в Россию, Николай Константинович

поступил в Конный полк лейб-гвардии, где его вскоре назначили командиром эскадрона.

Ослепительный молодой офицер императорской крови, он блистал в балах и маскарадах, на одном из которых и познакомился с приехавшей из США танцовщицей Фанни Лир (настоящее имя – Гарриет Блэкфорд) и сразу в нее влюбился. Всерьез обеспокоенные начавшимся бурным романом, его родители поспешили отослать его подальше от столицы. В 1873 г. Николай Константинович в составе русского экспедиционного корпуса отправился в поход на покорение Хивы. Он возглавил Казалинский отряд, продвигавшийся через, казалось бы, непроходимую пустыню Кызылкум, подвергаясь при этом плотному обстрелу. Великий князь всякий раз выезжал в авангарде ежеминутно рисковавших головою разведгрупп и все-таки вернулся живым, получив орден Святого Владимира 3-й степени. Главное, что он приобрел – невероятную любовь к Востоку, который с тех пор захватил все его воображение. Вернувшись в Санкт-Петербург, Николай Константинович стал активным членом Императорского Русского Географического Общества, где уделяли большое внимание Средней Азии.

Особенно рад был молодой Великий князь новой встрече с Фанни Лир, любовь к которой выдержала испытания и долгой разлукой, и экзотикой дальнего похода. Вместе они поехали путешествовать по Европе, где Николай Константинович осыпал ее подарками, а заодно скупал картины и другие предметы искусства. В Риме,

на вилле Боргезе, его взгляд остановился на мраморной статуе обнаженной Венеры, которая была изваяна скульптором Антонио Кановой, взявшим в качестве натуры Полину Бонапарт, сестру Наполеона. Великий князь настолько очаровался этим произведением, что заказал его точную копию – с той лишь разницей, что лицо Венеры на этот раз копировало облик его возлюбленной Фанни. Статуя была отправлена в Петербург и заняла подобающее ей место в одном из семейных дворцовых парков.

Его домашних, однако, крайне взволновал слишком далеко зашедший роман Николая с «безродной американкой», танцовщицей, к тому же разведенной, имевшей ребенка от первого брака. Хуже того, в его окружении появился молодой корнет Савин, который, как считали, был еще одним любовником Фанни, так что их «тройственный союз» приобретал уже совсем скандальный характер.

Роковая развязка последовала 7-го апреля 1874 г., когда родители Великого князя отсутствовали в Мраморном дворце и он пригласил Фанни и Савина провести с ним там ночь. Совместная веселая пирушка кончилась тем, что вернувшаяся вскоре Великая княгиня Александра Иосифовна не досчиталась трех крупных брильянтов в окладе иконы, которой император Николай I благословил ее в день свадьбы. Тут же было наряжено следствие, обнаружившее камни в одном из столичных ломбардов, куда, как впоследствии выяснилось, их отнес адъютант моло-

дого Великого князя Вернаховский. Впоследствии он показал, что ему поручил это сделать сам Николай Константинович. Тот упорно отрицал свою вину, даже поклявшись на Библии, и все же заявил отцу, что готов, против совести, взять грех на себя, только бы защитить своего несчастного адъютанта. В результате Великий князь был признан виновным в краже у собственных родителей. Расплата оказалась более чем жестокой...

Во всей этой ситуации поражает ее нелепость и нелогичность сделанных следствием выводов. Кажется, Великому князю, получавшему и без того приличное содержание, было совершенно незачем красть какие-то три брильянта (той же Фанни Лир к тому времени он подарил драгоценных камней куда больше). Никто не рассматривал возможность сговора того же корнета Савина с адъютантом Великого князя. Наконец, нельзя исключать и того, что все это было подстроено самими родителями обвиняемого или даже жандармами 3-го Отделения только с тем, чтобы воспрепятствовать мезальянсу Николая Константиновича с «безродной американкой», могущему спровоцировать грандиозный скандал в «августейшем семействе». Как бы там ни было, для Дома Романовых все разрешилось самым благоприятным образом: обескураженная Фанни была выдворена из России без права когда-либо сюда вернуться, а корнет Савин – сослан в Сибирь.

Судьбу опального Великого князя решали на семейном совете. В итоге 11-го декабря 1874 г. последовал Высочайший указ о том, что Николай

Константинович признан душевнобольным, а над ним и над его имуществом учреждалась Августейшая Опекa в лице его родителей.

Николая Константиновича отправили в многолетнюю ссылку подальше от Петербурга, под строгий надзор жандармов. За семь лет он сменил с десяток мест жительства: во Владимирской губернии, Ялте, украинском местечке Умань, Оренбурге, Тыврове под Винницей и т.д. Там с ним приключилась еще пара «амурных историй».

Переведенный в Оренбург, Николай Константинович встретил там понравившуюся ему девушку Надежду фон Дрейер, дочь местного полицеймейстера. Найдя сговорчивого священника, он обвенчался с ней 15-го декабря 1878 г., о чем надзиравшие за ним жандармы тут же доложили по начальству. Брак был расторгнут Синодом, однако супруги продолжали жить вместе, даже несмотря на то, что летом 1881 г. Великого князя перевели в Ташкент. Надежда Александровна поехала вслед за ним, родив ему двух сыновей – Артемия и Александра. Поскольку в Средней Азии их отец был известен как Искандер, Александр III, решивший в 1899 г. узаконить эту связь, даровал княжеский титул всему семейству под такой же фамилией. Это был единственный брак Николая Константиновича, признанный императорским двором, хотя и после того он еще не раз пытался официально оформить и другие свои отношения.

Пребывание в Туркестане стало для Великого князя поистине «звездным часом». В Ташкенте он зажил на широкую ногу, обретя там вско-

ре репутацию мецената и всеобщего благодетеля. Построил театр, цирк, клуб и синематограф «Хива», замостил центральные улицы, основал богадельню и лечебницу для неимущих, учредил персональные стипендии для талантливой молодежи, желавшей учиться в лучших университетах страны, завел хлебные пекарни и квасоварни, мыловаренную мануфактуру, фотомастерские и хлопкоочистительные заводы, бильярдные и увеселительные заведения, скотоводческие фермы и маслобойни. Совсем неплохо для «сумасшедшего»! Правда, все его предприятия были оформлены на жену, княгиню Надежду Искандер.

Самым большим его благодеянием для Туркестана стало орошение пустынь многоводными каналами, вдоль которых разбивались фруктовые сады, закладывались тенистые оазисы и создавались новые селения. Крупнейший канал протянулся на целых сто километров, позволив вовлечь в сельское хозяйство семь тысяч десятин пахотных земель и обводнив до сорока тысяч десятин так называемой «Голодной степи». К 1913 г. вдоль этого канала возникло уже 119 новых русских поселков, куда Великий князь привлекал, в основном, уральских казаков-сектантов, высланных в 1875 г. в Среднюю Азию. Пришлые казаки, величая его «князем-батюшкой», прибегали к нему как к высшему авторитету при разрешении своих споров и по другим бытовым вопросам.

Из всего этого вышла еще одна любовная история, на сей раз совершенно экзотическая. В 1895 г. Великий князь встретил на охоте мед-

ведя, которого чуть было не застрелил, но вовремя заметил на нем ошейник. Внезапно появилась и хозяйка «ручного» зверя, казачка пятнадцати лет Дарья Часовитина, обычно водившая мишку на привязи к радости уличных мальчишек и немому удивлению степенных поселян. Оказавшись в ее деревне, Николай Константинович был приглашен к одному казаку для того, чтобы стать арбитром в споре между отцами семейств, один из которых уличал другого в том, что при сватовстве ему было обещано приданое, которого он так и не получил. Помолвка была расторгнута, и дом невесты обвинял теперь родителей жениха в нанесении непоправимого ущерба чести их дочери. Увидев ее, Великий князь тут же узнал в ней владелицу недавно встреченного медведя – юную и прекрасную, – и, конечно же, сразу в нее влюбился. Велев Елисею Часовитину привезти дочь к себе во дворец, он щедро его наградил, оставив девушку у себя вместе с медведем, которого поместили в зоосад, куда любоваться на него повалил весь город. Поселив поначалу Дарью Елисеевну в своем дворце, Великий князь со временем выстроил для нее дом в окрестностях Ташкента.

Однако Николай Константинович все не унимался. В 1900 году он познакомился в Ташкенте с пятнадцатилетней гимназисткой Валерией Хмельницкой, в которую опять же влюбился без памяти и снова нашел способ сочетаться с ней церковным браком. В Среднюю Азию выехала комиссия во главе с генерал-адъютантом императора Николая II. Это брак был признан ничтож-

ным. Хмельницкую вместе с ее семьей выслали в Тифлис, а Великого князя, разлучив с обеими женами и детьми, отправили в Тверь под строжайший полицейский надзор,

В Твери Николай Константинович пробыл недолго и был переведен на постоянное жительство в Балаклаву под Севастополем, где Августейшая Опека арендовала для него большую дачу, пределов которой Великий князь покидать не мог, да и любые его контакты были там строго ограничены. В Санкт-Петербург одна за другой неслись его жалобы на «невыносимые условия жизни» в Балаклаве, на непорядочность и ненависть к нему Васильева, на разлуку с семьей (с какой именно, «августейший больной» не уточнял).

2-го июня 1905 г. в Министерстве внутренних дел Российской империи правителем канцелярии Д. Любимовым была составлена «Памятная записка по делу о Его Императорском Высочестве Великом князе Николае Константиновиче» (далее – «Памятная записка»), обобщившая все материалы по этому деликатному делу. Среди прочего там отмечалось, что он искал любой возможности вырваться из Балаклавы, нахождение в которой ему давно наскучило. В июне 1903 г. император отклонил его просьбу о приезде в Петербург по случаю болезни матери Александры Иосифовны. С началом Русско-японской войны «августейший больной» запросился в действующую армию, но и в том ему было отказано.

В Петербурге понимали, что Балаклава – не лучшее место для продолжения «целительно-

го заточения» изгоя Дома Романовых. Начался поиск нового города для его секретной резиденции. При этом Министр внутренних дел, по соглашению с Министром императорского двора, остановился на Ставрополе-губернском, как вполне подходящем, по заключению врачей, в климатическом отношении. Вследствие сего, по всеподданнейшему докладу статс-секретаря Плеве, 27-го мая 1904 г. последовало Высочайшее соизволение на определение губернского города Ставрополя местом постоянного пребывания Его Императорского Высочества.

Основным вопросом на данном этапе стал поиск достойного дома для поселения Великого князя в этом губернском городе, который был не слишком богат дворцами и роскошными поместьями, к коим привыкли члены Дома Романовых. «В город Ставрополь был командирован генерал-майор Васильев и для предстоящего пребывания Великого князя был избран дом-усадебна на окраине города, окруженный хозяйственными постройками и обширным садом...».

Насчет «дома-усадебны на окраине города» в документе явное преувеличение, так как речь шла о замечательном строении на одной из старейших ставропольских улиц, совсем недалеко от центра. Здание, в котором царская администрация намеревалась поселить Великого князя, не сохранилось. Сейчас на его месте находится магазин «Изобильный» (ул. Мира, 280). Однако осталось дореволюционное фото этого великолепного особняка, и нам остается лишь сожалеть об утра-

те этого перла старинной губернской архитектуры. Краевед Герман Беликов писал, что данное усадебное место перешло во владение Удельного ведомства в 60-х гг. XIX в.: «Тогда же фасадом на Ольгинскую улицу был построен дом оригинальной архитектуры в стиле эклектики, где слились воедино барокко и рококо, с мраморными вазами и крылатыми ангелами, скульптурами древнегреческих богов и прочими фасадными украшениями. Дом этот стал для Ставрополя эталоном красоты. Со стороны двора, помимо прочего, дом украшали нарядные капители с изящными портиками входных дверей, ведущих во внутренние апартаменты. Об убранстве многочисленных комнат, залов и веранд здания ходят легенды, как и о том, кому предназначалось это великолепие. По одной из легенд, дом был построен для одного из опальных Великих князей семьи Романовых <...> В народе дом этот, именуемый не иначе как Великокняжеский, породил немало легенд и домыслов о своем предназначении».

5-го августа 1904 г. начальник распорядительной части по делам Великого князя генерал-майор Васильев докладывал императорскому генерал-адъютанту Кознакову: «3-го минувшего июля <...> я выехал в г. Ставрополь, по прибытии куда принял от управляющего 19-м Ставропольским именем Саратовского удельного округа коллежского советника Тринитатова <...> принадлежащий Удельному ведомству, находящийся в гор. Ставрополе каменный дом с надворными постройками и фруктовым садом, занимающими

все вместе 1-ну десятину 2380 кв. саж. При ближайшем, тщательном осмотре принятых зданий оказалось, что одноэтажный с мезонином каменный дом, весьма солидной постройки, требует сравнительно небольшого ремонта, но нуждается в некоторых солидных перестройках... »

Таким образом, на генерал-майора Васильева легли все хлопоты не только по приведению в порядок будущей великокняжеской усадьбы, но и по аренде соседних земельных участков и найму жилья для размещения офицерских, а также нижних чинов охраны.

Переводу сюда Великого князя предшествовал пересмотр всей ранее установленной системы наблюдения за ним, его лечения и охраны, о чем в «Памятной записке» 1905 г. отмечалось: «Вместе с тем, в начале декабря 1904 г. Государь Император Высочайше повелеть соизволил: ввиду предстоящего переезда Великого князя Николая Константиновича в г. Ставрополь губернский, вопрос об изменении правил о распорядительной части по делам Его Императорского Высочества подвергнуть обсуждению под председательством генерал-адъютанта Рихтера в особом Советании из Министров императорского двора и внутренних дел», а также высокопоставленных генералов полицейского ведомства, представителя Опекы над Великим князем и председателя Медицинского совета. Секретное совещание, состоявшееся 13-го декабря 1904 г., пришло к выводу, что в прежде утвержденных правилах по надзору и охране Его Высочества «обнаружились на прак-

тике значительные несовершенства общей постановки распорядительной части при Августейшем Больном, выразившиеся главным образом, в отсутствии представителя власти, пользующегося надлежащим авторитетом у Великого князя». Поэтому «совещание признало наиболее соответственным: главнейшие по распорядительной части обязанности возложить на местного, в данном случае – ставропольского губернатора, который имел бы на месте высшее попечение и надзор за Августейшим Больным, а ближайшее наблюдение предоставить под руководством губернатора начальнику охранной команды, коему надлежало бы придать помощника. Врача же, состоящего ныне по вольному найму при Великом князе, заменить одним из местных врачей, состоящих на государственной службе и имеющих определенное общественное положение».

21-го мая 1905 г. начальник Штаба корпуса жандармов писал Министру императорского двора: «Великий князь Николай Константинович 19-го сего мая переведен на жительство в город Ставрополь-губернский».

Начальником охраны Николая Константиновича в Ставрополе стал ротмистр Тимофеев (о котором, увы, не так много известно), а его помощником – штабс-ротмистр Григорий Павлович Бертгольдт (1877 – посл. 1937), всяческое содействие которым должен был оказывать главный ставропольский жандарм штабс-ротмистр Владимир Карлович Фридрихов (1874–1911). Из Варшавской губернии в Ставрополь был коман-

дирован известный психиатр Владимир Николаевич Хардин (1850–1921), которого одно время подозревали в связях с революционерами, так что даже молодой Владимир Ульянов (Ленин) около года состоял помощником при его брате, самарском адвокате Андрее Хардине.

Тогдашний ставропольский губернатор Вельяминов занимал эту должность недолго. Он покинул свой пост в том же году, когда Великий князь прибыл в вверенный его попечению губернский город. Причиной тому была одна громкая история, никак, впрочем, с Николаем Константиновичем не связанная. Через полтора месяца после его приезда в Ставрополь, 7-го июля 1905 г., в городе вспыхнул скандал, вызванный вероучительным спором между старообрядцами и православными, в ходе которого последние, обладая значительным численным перевесом, агрессивно повели себя по отношению к староверам. Те поспешили укрыться в кафедральном соборе, который экзальтированная толпа попыталась взять штурмом. Прибывшие для умирения войска открыли огонь по людям, в результате чего оказалось немало погибших и раненых. Во всем обвинили губернатора Вельяминова, который был отстранен от должности и отдан под суд, который, однако, его оправдал. И все же в октябре 1905 г. Вельяминов сам подал в отставку, после чего «главнейшие обязанности по распорядительной части попечения о Великом князе» легли на плечи его преемников – сперва исполняющего обязанности управляющего губернией, ставропольского

вице-губернатора Бориса Владимировича Гарднера, а затем и нового губернатора, генерал-майора Ивана Николаевича Свечина.

В Ставрополе Николай Константинович не мог усидеть без дела, мечтая развернуть здесь столь же бурную деятельность по благоустройству края, как некогда в Средней Азии. В июле 1905 г. ему вздумалось рыть в городе артезианский колодец, чтобы улучшить снабжение ставропольцев качественной водой. Эта затея Великого князя вызвала настоящий переполох среди губернских властей, столичных чиновников и жандармов. Можно только догадываться, почему она так их взволновала. Не исключено, что они заподозрили в этом попытку сделать подкоп для будущего побега. Как бы там ни было, 20-го июля исполняющий обязанности управляющего губернией, ставропольский вице-губернатор Гарднер направил Управляющему двором Великой княгини Александры Иосифовны Кеппену не какую-нибудь, а зашифрованную телеграмму следующего содержания: «Великий князь желает в своем саду на удельной земле рыть артезианский колодец. Пока особых ассигнований на работы не требуется. Не встречается ли препятствий». Кеппен перенаправил ее командиру Отдельного корпуса жандармов с таким запросом: «Имею честь препроводить Вашему Превосходительству зашифрованную телеграмму от Управляющего Ставропольскою губерниею, с покорнейшей просьбой поручить ее расшифровать. Если содержание телеграммы касается изменения быта Великого князя, инструкцией не предусмотрен-

ного, найдете ли возможным запросить мнение статского советника Вельяминова, буде ему представится еще ведать положение Его Императорского Высочества, а также высказать собственное Вашего Высочайшего Превосходительства по запросу г-на Гарднера суждение». В жандармском корпусе, расшифровав телеграмму, от этого и вовсе откристились, сославшись на то, что инструкциями ничего такого не предусмотрено, и с подобными вопросами следовало бы обращаться непосредственно к Министру внутренних дел, «в канцелярии которого сосредоточена вся переписка по опеке над Великим князем».

9-го сентября 1905 г. начальник его охраны ротмистр Тимофеев направил донесение под грифом «Совершенно секретно» шефу Отдельного корпуса жандармов: «В течение минувшего августа месяца в душевном состоянии Его Императорского Высочества наблюдались неровности, переходившие иногда в некоторое раздражение, выражавшееся в недовольстве теперешним его режимом и окружающими его лицами <...>. Также в эти дни наблюдалась полная неуравновешенность характера Его Высочества, что особенно резко выразилось по отношению работ по устройству артезианского колодца. Увлекаясь предыдущие месяцы довольно серьезно мыслью добыть артезианскую воду, невзирая на могущие встретиться трудности, о чем Великому князю было доложено, Его Высочество 1-го августа прислал записки: 1) «Дворецкому. Почему не приступают к рытью артез. колодца, раз что из Петербурга препятствий нет, город согласен, место

выбрано (возле гор. манежа), а инженер Ковалевский взялся руководить работами?»; 2) «Ротмистру. Прошу немедленно приступить к устройству артез. колодца на городской земле, рядом с манежем. Желательно, чтобы к зиме работа была окончена...»

Николай Константинович, безусловно, желал приложить свои силы к чему-то большему. Еще 13-го декабря 1904 г. секретное правительственное совещание, окончательно решившее дело о его переезде в Ставрополь, поставило вопрос о том, «не представляется ли возможным предоставить Великому князю разработку плана, исследование и даже производство каких-либо оросительных работ в окрестностях Ставрополя, о чем Августейший Большой так настойчиво ходатайствует».

Великий князь, и правда, надеялся осуществить на Ставрополье весьма масштабные проекты, о чем мы узнаем из письма, посланного Управляющему двором его матери, генерал-лейтенанту Кеппену, в котором Великий князь признается, что согласился на переезд из Балаклавы только с тем, чтобы ускользнуть из-под опеки генерал-майора Васильева. «Меня утешили, – вспоминал он, – слова моей любимой сестры [королевы греков Ольги], что здесь управляет губернией А.Н. Вельяминов (о котором она дала прекрасный отзыв), и что предстоят для меня работы по обводнению Маныча. К моему несчастью, губернатор, после бунта 7-го июня, уехал и неизвестно, вернется ли, а в Маныч хотя и можно провести воду, но только с Кавказа (из Кубани и

Терека), куда мне ездить неудобно. Оросительные работы, мне хорошо известные по Средней Азии, здесь неприменимы, т.к. хлеб родится без полива и арыки не нужны».

С людьми, приставленными к нему в Ставрополе, Великий князь был груб и крайне раздражителен. «Продолжая объявленную мне открытую войну, – жаловался начальству ротмистр Тимофеев, – Его Высочество в течение месяца ни разу меня не приглашал к себе и первоначально почти ежедневно присылал оскорбительные для меня записки, с целью, как и выразился в беседе с дворецким Басовым, меня доконать, вынудить уступить место другому, более податливому, или перейти на его сторону».

В Ставрополе Великий князь, с самого начала невзлюбив этот губернский город, лелеял мысль поскорее его покинуть и вернуться в облюбованный им Ташкент или хотя бы в какое-нибудь другое место Средней Азии. 1-го августа 1905 г. он настоятельно просил о том письмом командира Отдельного корпуса жандармов генерал-майора Трепова. С той же просьбой он обращался и к Кавказскому Наместнику, графу И.И. Воронцову-Дашкову, в послании от 17-го августа, перечисляя свои многочисленные заслуги по обводнению среднеазиатских пустошей и созданию там новых селений. Подозревая несбыточность своей мечты о Средней Азии, Николай Константинович запросился из Ставрополя хотя бы обратно в Крым. Его признанная двором жена поехала хлопотать об этом в Петербург.

Между тем настоятельные требования Великого князя о возвращении на постоянное жительство в Среднюю Азию дошли до двора его матери, были там внимательно рассмотрены и, как ни странно, на этот раз полностью удовлетворены. Ему было разрешено выехать из Ставрополя обратно в Ташкент, а заведовать охранной командой при нем было поручено ротмистру Бертгольдту. И даже давно желаемого им доктора Розенбаха для него выписали. 23-го июня 1906 г. Управляющий двором Александры Иосифовны генерал-лейтенант Кеппен уведомил об этом письмом командира Отдельного корпуса жандармов Дедюлина.

Опустевший дворец Великого князя в Ставрополе должен был изменить свое назначение. Так как он являлся одним из самых красивых особняков губернской столицы, на него, по данным Г.А. Беликова, претендовали и городская библиотека, и музей Георгия Пправе, и Церковно-археологический музей. В результате дворец был отдан Опытной станции, где велись работы по выведению новых сортов растений. С началом Первой мировой войны в здании решили устроить госпиталь для раненых. В бумагах того времени прямо сказано, что открытие госпиталя «в бывшем дворце Великого князя Николая Константиновича произошло 26-го октября 1914 г.» В 60-е гг. XX в. здание и вовсе снесли, построив на его месте девятиэтажные жилые дома и магазин «Изобильный». «Но и сегодня, – писал Герман Беликов, – в глубине усадебного места сохранились столетние груши, по-прежнему плодоносящие».

Литературное Ставрополье

Альманах № 3 (2025)

Отпечатано в ООО «СЛАВЯНОЧКА»
394026, Воронеж, пр-т Труда, д. 46Д, помещ. 1, ком. 3

Подписано в печать 00.08.2025
Тираж 1000 экз. Заказ № 00000